Photius, patriarca di Costantinopoli, c. 820-891.

ЧЕТЫРЕ БЕСѢДЫ

ФОТІЯ

СВЯТѢЙШАГО АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО

И

РАЗСУЖДЕНІЕ О НИХЪ

АРХИМАНДРИТА ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1864.

PA
[5000]
.P49
P7
cons.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Сентября 24 дня, 1864 года.
Цензоръ, Архимандритъ *Сергій*.

Rm. 7. II. 35

СВЯТѢЙШАГО ФОТІЯ АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО

ПЕРВАЯ БЕСѢДА

ПО СЛУЧАЮ НАШЕСТВІЯ РОССОВЪ.

Τί τοῦτο; Τίς ἡ χαλεπὴ ἄυτη πληγὴ καὶ ὀργή; Πόθεν ἡμῖν ὁ ὑπερβόρειος οὗτος καὶ φοβερὸς ἐπέσκηψε κεραυνός; Ποῖα νέφη παθῶν πυκνωθέντα! Τίνων δε κριμάτων σφοδραὶ παρατρίψεις τὴν ἀνυπόστατον ταύτην καθ᾽ ἡμᾶς ἐξεπυρίνησαν ἀστραπήν; Πόθεν ἡ βαρβαρικὴ ἄυτη καὶ πυκνὴ καὶ ἀθρόα κατεῤῥάγη θάλασσα; οὐ καλάμους σίτου κείρουσα καὶ τὸν στάχυν συμπατάττουσα, οὐδὲ κληματίδας ἀμπέλου μαστίζουσα καὶ τὸν καρπὸν ἄωρον τεμαχίζουσα, οὐδὲ φυτρῶντα στελέχη τύπτουσα, καὶ τοὺς κλάδους διασχίζουσα,—ὃ πολλοῖς πολλάκις μέτρον ἐπλήρωσεν ἐσχάτης κακώσεως,—ἀλλ᾽

I. Что это? Что за-пораженіе столь пагубное? Что за-гнѣвъ столь тяжкій? Откуда упалъ на насъ этотъ дальносѣверный и страшный перунъ? Какія сгущенныя тучи страданій! И какія судьбы крѣпкимъ тренiемъ взаимнымъ воспламенили на насъ эту зіяющую молнію? Откуда нахлынуло это варварское, сгущенное и грозное море, не стебли пшеницы пожинающее и не колосъ попирающее, не виноградныя лозы разможжающее и не зародыши гроздовъ истребляющее, не молодыя лѣторасли побивающее и не вѣтви отторгающее, — что̀ у многихъ часто бывало въ воздаяніе за крайнее зло, — но самихъ людей губящее жалостно, и весь родъ нашъ истребляющее горестно? Откуда, или какъ, излились на насъ, чтобъ не сказать бо-

ἀνθρώπων αὐτῶν οἰκτρῶς τὰ σώματα συναλήθουσα, καὶ τὸ γένος ἅπαν πικρῶς ὀλοθρεύουσα; Πόθεν, ἢ πῶς τῶν τηλικούτων καὶ τοσούτων κακῶν ἡ τρυγία, ὅτι μὴ μεῖζον εἰπεῖν, ἐξεχύθη ἐφ' ἡμᾶς; Ἆρα διὰ τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν ταῦτα πάντα ἦλθον ἐφ' ἡμᾶς; κ. τ. λ.

Ὄντως ἐλασσώνουσι φυλὰς ἁμαρτίαι, καὶ ὡς ῥομφαία δίστομος πᾶσι τοῖς χρωμένοις αὐταῖς. Ἐῤῥύσθημεν κακῶν, οἷς πολλάκις συνεσχέθημεν· δέον εὐχαριστεῖν; οὐκ εὐγνωμονήσαμεν. Εσώθημεν, ἠμελήσαμεν· Ἐφρουρήθημεν, κατεφρονήσαμεν, ἐφ' οἷς δέος ἦν τιμωρίαν ὑποσχεῖν· Ὢ γνώμης ὠμῆς καὶ ἀδιακρίτου! Καὶ τί γὰρ οὐχὶ τῶν δυσχερῶν καὶ δεινῶν πάσχειν ἄξιον, ἐπείπερ τοὺς μικρά τινα καὶ τῶν εὐτελεστάτων ὀφείλοντας ἀποτόμως εἰσεπραξάμεθα; Ἐτιμωρησάμεθα, οὐκ ἐμνήσθημεν τῆς εὐχαριστίας, παρελθούσης τῆς εὐεργεσίας· οὐδ', ὅτι συγγνώμης ἐτύχωμεν, τοὺς πλησίον ᾠκτειρήσαμεν· ἀλλ' ἐν ᾧ τῶν ἐπικρεμασθέντων φόβων καὶ κινδύνων ἀπηλλάγημεν, ἀγριώτεροι τούτοις κατέστημεν, μήτε τὸ πλῆθος καὶ μέγεθος τῶν οἰκείων ὀφλημάτων, καὶ τὴν ἐπὶ τούτοις τοῦ σωτῆρος συγχώρησιν λογισάμενοι, μήτε τὴν τῶν ὁμοδούλων ὀφειλὴν βραχυ-

лѣе, подонки такихъ и столькихъ золъ? Не за грѣхи ли наши все это ниспослано на насъ? Не обличеніе ли это беззаконій нашихъ, и не общественный ли памятникъ имъ? Не доказываетъ ли настоящая кара, что будетъ судъ страшный и неумолимый? Не должно ли всѣмъ намъ ожидать, что никто не избѣжитъ будущей огненной муки, когда теперь наяву никто не оставляется въ живыхъ? — Истинно, грѣхи уменьшаютъ племена. Они мечь съ двумя лезвеями для всякаго, кто преданъ имъ. Многократно мы были избавляемы отъ обдержавшихъ насъ бѣдъ: надлежало бы благодарить? не заблагоразсудили. Были спасаемы? облѣнились. хранимы? презирали тѣхъ, которые могли дать намъ острастку наказаніемъ. О нравъ жестокій и безразсудный! И какъ не терпѣть намъ страшныхъ бѣдъ, когда мы убійственно расчитались съ тѣми, которые должны были намъ что-то малое, ничтожное? Были мы наказываемы? забывали благодарить по минованіи сего благодѣянія. Получали прощеніе? не миловали ближнихъ: напротивъ, какъ только избавлялись отъ тяготѣвшихъ надъ нами устрашеній и опасностей, поступали съ ними гораздо суровѣе, не помышляя ни о множествѣ и тяжести собственныхъ долговъ, ни о прощеніи ихъ Спасителемъ, и не оставляя сорабамъ малѣйшаго долга, котораго и сравнить нельзя съ нашими долгами. Многіе и великіе изъ насъ получали свободу (изъ плѣна) по человѣколюбію: а мы не многихъ молотильщи-

τάτην οὖσαν καὶ μηδὲ ἐν σταθμῇ λόγου ζυγοστατουμένην πρὸς τὰς ἡμετέρας αἰδεσάμενοι. Πολλῶν καὶ μεγάλων φιλανθρώπως ἐλευθερωθέντων, ὀλίγους ἀλοεῖς ἀφιλανθρώπως ἐδουλώσαμεν. Ἐυφράνθημεν, ἐλυπήσαμεν. Ἐδοξάσθημεν, ἠτιμώσαμεν. Ἰσχύσαμεν, εὐθηνήσαμεν· ἐξυβρίσαμεν, ἠφρονευσάμεθα, ἐλιπάνθημεν, ἐπαχύνθημεν, ἐπλατύνθημεν, καὶ εἰ μὴ τὸν θεὸν, ὡς πάλαι Ἰακὼβ, ἐγκατελίπομεν, ἀλλ' ὡς ὁ ἠγαπημένος, πληθέντων ἀπελακτίσαμεν, καὶ ὡς δάμαλις παροιστρῶσα τῶν τοῦ Κυρίου προσταγμάτων παροιστρήσαμεν, καὶ τῶν δικαιωμάτων αὐτοῦ κατωλιγωρήσαμεν. Διὰ τοῦτο φωνὴ πολέμου καὶ συντριβὴ πολέμου ἐν τῇ γῇ ἡμῶν. Διὰ τοῦτο ἤνοιξε Κύριος τὸν θησαυρὸν αὐτοῦ, καὶ ἐξήνεγκε τὰ σκεύη τῆς ὀργῆς αὐτοῦ κ. τ. λ.

ковъ безчеловѣчно сдѣлали своими рабами. Обрадованные всѣхъ огорчали, прославленные безчестили, сильные и всѣмъ довольные обижали, безумствовали, утолстѣли, разжирѣли, разширились, и если, подобно древнему Іакову, не отпустили отъ себя Бога [1]), то подобно возлюбленному (Соломону) попрали щедроты Его, и какъ прыгающая юница перепрыгнули за предѣлы заповѣдей Господа, и поглумились надъ законами Его. «За это «крикъ бранный и раззореніе ратное въ землѣ нашей. За это отверзъ Господь сокровищ«ницу свою, и вынесъ эти сосуды гнѣва сво«его [2]). За это народъ сей двинулся съ сѣвера «съ тѣмъ, чтобы дойти до втораго Іерусали«ма, и людъ сей устремился съ конца земли, «неся съ собою стрѣлы и копья. Онъ грозенъ «и не милуетъ. Голосъ его какъ шумъ моря. «Услышали мы шествіе его, увидѣли гроз«ный строй его: и руки наши разслабѣли; «насъ объяли скорби и болѣзни, какъ ро«дильницу. Не выходите на поле, и не ѣзди«те по дорогамъ; ибо тамъ вездѣ кругомъ «мечи враговъ [3]). — Что скажу о тебѣ? Или, чему уподоблю тебя градъ«царь? днесь вопіетъ со мною Іеремія. Кто спасетъ тебя и утѣшитъ тебя, «когда переполнилась чаша погибели твоей? Кто исцѣлитъ тебя [4])?»

II. Вы теперь плачете. И меня объяло-было горе и прервало мою рѣчь. Но почто вы вопіете ко мнѣ? Почто рыдаете? Послушайте меня: пріостановите на часъ ваши слезы, и дайте свободу словамъ моимъ.

Δακρύω μὲν γὰρ κἀγὼ σὺν ὑμῖν, ἀλλ' οὔτε τὴν ἐν χρόνῳ

И я плачу съ вами. Но малыя капли не угашаютъ пламени разженнаго давно;

[1]) Быт. 32, 26. — [2]) Іерем. 27, 22. 25. — [3]) Іерем. 6, 22—25. — [4]) Плачъ Іерем. 2, 13.

ἀναῤῥιπισθεῖσαν φλόγα μικραὶ ῥανίδες σβεννύουσι; τί γὰρ δεῖ λέγειν, ὡς πλέον ἀνάπτουσι; — οὔτε τὸν ἐκκαυθέντα ὑπὸ τῶν ἡμετέρων ἁμαρτημάτων θυμὸν τοῦ θεοῦ πρόσκαιρον δάκρυον ἰσχύει ἐξιλεώσασθαι. Δακρύω κἀγὼ σὺν ὑμῖν· ἀλλὰ πολλῶν ταλαιπωρουμένων παρίδομεν δάκρυα, παρατρέχω γὰρ, ὡς καὶ ἐκενώσαμεν. Δακρύω κἀγὼ σὺν ὑμῖν, εἴπερ ἐστὶ δακρύων καιρὸς ὁ παρὼν καιρός, ἀλλὰ μὴ πολλῷ μείζων τῆς δακρύων φορᾶς ἡ καταλαβοῦσα συμφορά· εἰσὶ γὰρ εἰσὶν ὄντως μείζονες δακρύων πολλαὶ συμφοραί, ἐν αἷς τῶν ἔνδον ὑπὸ τοῦ στηριχθέντος διαφυλαχθέντων, ἢ καὶ σφόδρα γε συσταλέντων τε καὶ συμμεμυκότων, οὐδὲ ἡ διὰ τῶν ὀμμάτων προχεομένη πολλάκις καταλείπεται νοτίς. Οὐχ ὁρῶ δὲ νῦν οὐδὲ τῶν δακρυόντων τὸ κέρδος. Ὅτε γὰρ πρὸ τῶν ἡμετέρων ὀμμάτων τὰ τῶν ἐχθρῶν ξίφη τοῖς τῶν ὁμοφύλων βαπτίζεται αἵμασι, ἡμεῖς δὲ τοῦτο καθορῶντες, ἐπικουρεῖν δέον, τοῦτο μὲν ἀπορίᾳ τοῦ πράττειν οὐκ ἀναδεχόμεθα, εἰς δάκρυα δὲ καταφερόμεθα, ποταπὴ τοῖς ἀτυχοῦσι παράκλησις ἐπιγίνεται, μείζους ἂν ποταμοὺς τὰ

что я говорю? напротивъ еще болѣе разжигаютъ его; да и сильна ли случайная слеза умилостивить воспламененный грѣхами нашими гнѣвъ Божій? И я плачу съ вами: а многихъ несчастныхъ слезы мы презрѣли! и пóлно говорить ли, кáкъ осушали! И я плачу съ вами, если только время теперь плакать, и если постигшее насъ горе не такъ горько, что еще можно выронить слезу: ибо бываютъ, бываютъ многія несчастія безслезныя, во время которыхъ у страдальца, сидящаго неподвижно, сжимается и цѣпенѣетъ вся внутренность, и потому не течетъ и та влага, которая въ другой разъ потокомъ льется изъ очей [1]). Да теперь я не вижу и пользы отъ слезъ. Ибо, когда предъ нашими глазами мечи враговъ обагряются кровію единоплеменниковъ нашихъ, и когда мы, видя это, вмѣсто помощи имъ, бездѣйствуемъ, потому что не знаемъ, чтò и дѣлать, и только ударились всѣ въ слезы, какое было бы утѣшеніе несчастнымъ, если бы изъ убіенныхъ тѣлъ вытекло больше потоковъ крови, чѣмъ слезъ изъ очей нашихъ? Притомъ, когда скверна грѣховъ не омывается даже тѣми потоками крови, кои текутъ тамъ [2]) вмѣстѣ съ пылью, то могутъ ли смыть ее ручьи слезъ нашихъ? — Не теперь бы надлежало плакать намъ, возлюбленные, а поранше бы слѣдовало ненавидѣть грѣхи. Не

[1]) Этими словами Фотій намекнулъ Византійцамъ, что несчастіе ихъ такъ велико, что другіе отъ него оцѣпенѣли бы, а они только плачутъ немного. — [2]) Въ предмѣстіяхъ Константинополя.

ἀπὸ τῶν διαιρεθέντων σωμάτων ἐκίνησεν αἵματα, ἢ τὰ ἀπὸ τῶν ἡμετέρων βλεφάρων ἀναδιδόμενα δάκρυα; Ἀλλ᾽ ὅτε ταῖς ἐκεῖθεν καταφερομέναις τῶν λύθρων ῥοαῖς ὁ τῶν πλημμελημάτων οὐκ ἀποσμίχεται μολισμὸς, ἤπου γε τὰ τῶν ὀμμάτων ῥεῖθρα τοῦτον ἐκπλῦναι δυνηθήσεται; Οὐ νῦν ἔδει κλαίειν, ἀγαπητοὶ, ἀλλὰ τὴν ἁμαρτίαν μισεῖν ἀπ᾽ ἀρχῆς. κ. τ. λ.

теперь бы горевать, а пораньше бы убѣгать отъ тѣхъ наслажденій, кои породили настоящее горе. Мы похожи на властелина, обреченнаго горькому рабству. Какъ ему нелюбо терпѣть мученье отъ бичей: такъ и намъ, надѣлавшимъ столько худыхъ дѣлъ, нестерпимы наказанія, ниспосланныя правосуднымъ Богомъ. Не теперь бы надлежало оплакивать себя самихъ, а всегда бы жить поумнѣе. Не теперь бы раздавать богатство, когда и самъ ты не знаешь. будешь ли владѣть имъ, а пораньше бы удерживаться отъ лихоимства, когда еще не угрожала намъ настоящая погибель. Не теперь бы торговать милосердіемъ, когда торжище жизни, того и гляди, что разогнано будетъ нашедшими бѣдами, но когда мы свободно могли никого никогда не обижать неправдами. Не теперь бы править всенощны и ходить на литіи, бить перси и стонать тяжко, поднимать руки и утруждать колѣна, плакать заунывно и смотрѣть угрюмо, не теперь бы, когда противъ насъ устремлены отточенныя жала смерти. А прежде надлежало все это дѣлать, прежде упражняться въ дѣлахъ добрыхъ, прежде каяться въ дѣлахъ худыхъ. Ибо дѣлая это теперь предъ праведнымъ Судіею, который не очень-то склоненъ *прощать*, когда надо *осуждать*, мы, думаю, не къ милости преклоняемъ Бога, а только сами себя обвиняемъ въ воспрещенныхъ намъ грѣхахъ. Такъ, нѣкоторые люди, могущіе и умѣющіе жить цѣломудренно и боголюбезно, до наступленія несчастій ничего не сдѣлавъ для добродѣтели и спасенія, и даже безпечно и лѣниво предавшись всею душею влеченіямъ страстей, осуждаютъ сами себя.—Почему ты, плачущій теперь, не воздерживался прежде отъ непомѣрнаго смѣха, отъ блудныхъ пѣсней, и отъ музыкальныхъ разжизаній? Почему ты нахмурился теперь, свелъ брови, надулъ щеки и смотришь тиранномъ? Почему ты, ласковый теперь къ обиженнымъ тобою, и такой степенный и чувствительный, почему прежде внезапно нападалъ, на кого ни попало, какъ зараза какая? Однимъ словомъ: почему ты теперь только сталъ добръ для всѣхъ и во всемъ, а прежде никому ни въ

чемъ не снисходилъ, но величался какъ нечистый нá-руки сановникъ, и когда не успѣвалъ мстить по одному подозрѣнію, то и жить не хотѣлъ, или, за ворота выталкивалъ голодныхъ, какъ стерво, тогда какъ весельчаки питались твоею трапезою и богатствомъ, и расхваливали твое благонравіе? Почему ты острое копье друзей твоихъ презиралъ, какъ бы малокрѣпкое, а на естественное сродство плевалъ, и вспомогательные союзы расторгалъ, какъ бѣшеный, какъ озорникъ и безчеловѣчный человѣкъ? Долго было бы исчислять воровства и расхищенія, блудодѣянія и прелюбодѣйства, и другія беззаконія, о которыхъ стыдно говорить, — всю эту большую и надолго достаточную подтопку возженнаго и устремленнаго на насъ огня; и я знаю, что и сами вы, перебравъ это въ умѣ своемъ, горюете и плачете. Но время не терпитъ, Судія неумолимъ, угроза страшна, беззаконій много, одно покаяніе недостаточно.

III. Часто я увѣщавалъ васъ, и говорилъ вамъ даже грозно: но, какъ видно, слова мои падали въ тернія. Часто я вопіялъ, поражалъ васъ, припоминалъ вамъ пепелъ Содомскій и потопъ, котораго воды разжидили землю и истребили весь родъ человѣческій. Часто поставлялъ я въ примѣръ народъ Израильскій, благополучный, возлюбленный, царственно-священный: кàкъ онъ за ропотъ, за противорѣчіе, за неблагодарность, за иное подобное прегрѣшеніе былъ наказываемъ[1]), смиряемъ побѣжденными врагами, умаляемъ тѣми, надъ кѣмъ торжествовалъ, и кàкъ онъ падалъ и погибалъ. Часто внушалъ я вамъ: берегитесь, исправьтесь, обратитесь, не попускайте отточиться Божію мечу и натянуться Его луку, не принимайте долготерпѣніе Божіе за попущеніе къ нерадѣнію, не лукавьте съ честными людьми. Какъ же теперь поскребсти ваши сердца, уже пылающія[2]), или, какъ еще сильнѣе поразить васъ, удрученныхъ горестію? Не отослать ли васъ туда[3]), безъ епитиміи, для полученія казней, поставивъ обличителемъ вашимъ настоящую кару? Или, сжалиться надъ злополучіемъ, а непокорность и грѣхъ оставить безъ обличенія? Ну что?—Вразумлялъ я васъ; угрожалъ я вамъ Божіимъ словомъ; «Богъ нашъ — ревнивъ, долготерпѣ-

[1]) Т. е. за небольшіе грѣхи. — [2]) Знать, сердца ихъ были такъ холодны и жестоки, что надлежало разжечь ихъ бѣдами, да и разженныя-то еще скребсти скребкомъ, дабы смягчить ихъ.— [3]) Фотій разумѣлъ тѣ мѣста, гдѣ Россы губили Грековъ.

ливъ, но когда разгнѣвается, тогда кто постоитъ?» Вотъ что говорилъ я. Но, какъ видно, я бросался въ огонь; да и теперь не дай Богъ уподобиться мнѣ орѣховому маслу [1]). Ибо вы не обращались, не каялись: напротивъ, отягчали уши ваши, чтобы не слушать слова Господня. За это излилась на насъ ярость Его, и сталъ онъ бодръ отъ грѣховъ нашихъ, и пристально посмотрѣлъ намъ въ лице.

IV. Οἴμοι, ὅτι ἐμακρύνθη ἡ παροικία μου, καὶ μὴ μακρᾶς οὔσης, μετὰ ψαλμῳδοῦ βοήσομαι Δαβὶδ, ἐμακρύνθη, ὅτι οὐκ εἰσηκούσθην παρακαλῶν, ὅτι νέφος βαρβάρων, ὁρῶν τοῖς πταίσμασι καταξηρανθεῖσαν τὴν πόλιν ἡμῶν, τοῖς αἵμασιν ἐπικλύζει· οἴμοι, ὅτι ἐπὶ τούτοις ἐφυλαττόμην τοῖς κακοῖς ἐγὼ, ὅτι ἐγενήθημεν ὄνειδος τοῖς γείτοσι ἡμῶν, μυκτηρισμὸς καὶ χλευασμὸς τοῖς κύκλῳ ἡμῶν, ὅτι βαρβάρων ἄπιστος δρόμος ὀυκ ἔδωκε τῇ φήμῃ καιρὸν ἀγγελίας, ὡς ἄν τῖς ἀσφάλεια περινοηθείη, ἀλλὰ σύνδρομον ἔσχεν ἡ θέα ἀκοὴν, καίτι καὶ χώραις πόσαις, ἐθναρχίαις τε, καὶ ποταμοῖς ναυσιπόροις καὶ λιμενηροῖς πελάγεσι τῶν ἐπελασάντων διειργόμεθα. Οἴμοι, ὅτι ἔθνος ὠμὸν καὶ ἀνήμερον ἐπ᾽ ἀδείας ὁρῶ τῆς πόλεως περιεχόμενον, καὶ τὰ πρὸ τῆς πόλεως ληϊζόμενον, πάντα φθεῖρον, πάντα λυμαινόμε-

IV. Горько мнѣ отъ того, что продолжена пресельническая жизнь моя [2]), — вопію съ псалмопѣвцомъ Давидомъ, — и продолжена тогда, когда уже близокъ былъ конецъ мой, отъ того, что не услышанъ я молящійся, отъ того, что туча варваровъ, видя городъ нашъ засохшій отъ грѣховъ, увлажаетъ его кровями. Горько мнѣ отъ того, что я дожилъ до такихъ несчастій, отъ того, что мы сдѣлались поношеніемъ сосѣдей нашихъ, подражненіемъ и поруганіемъ окружающихъ насъ [3]), отъ того, что походъ этихъ варваровъ схитренъ былъ такъ, что и молва не успѣла оповѣстить насъ, дабы могъ кто либо подумать о безопасности, и мы услышали о нихъ уже тогда, когда увидѣли ихъ, хотя и отдѣляли насъ отъ нихъ столькія страны и народоначальства, судоходныя рѣки и пристанищныя моря. Горько мнѣ отъ того, что я вижу народъ жестокій и борзый, смѣло окружающій нашъ городъ и расхищающій предмѣстія его. Онъ разоряетъ и губитъ все, нивы, жилища, пажити, стада, женщинъ, дѣтей, старцовъ,

[1]) Видно, что Византійцы не любили и порицали Фотія за его обличительныя наставленія. Не даромъ онъ въ Четвертой бесѣдѣ сказалъ про себя: «Я рѣчами своими не возбуждалъ театральныхъ рукоплесканій.» — [2]) Псал. 119, 5. — [3]) Псал. 78, 4.

νον, ἀγρὸς, οἰκίας, βοσκήματα, ὑποζύγια, γύναια, παιδάρια, πρεσβύτας, νεανίας, διὰ πάντων τὸ ξίφος ὠθούμενον, οὐδενὸς λαμβάνον οἶκτον, οὐδενὸς φειδόμενον. Παγγενὴς ἡ καταφθορά. Ὡς ἀκρὶς ἐν ληΐῳ, καὶ ὡς ἐρυσίβη ἐν ἀμπελῶνι, μᾶλλον δε ὡς πρηστὴρ, ἢ τυφὼν, ἢ χείμαρρος, ἢ οὐκ οἶδ' ὅ τι εἰπῶ, εἰς τὴν χώραν ἡμῶν εἰσπεσὸν αὐταῖς γενεαῖς τοὺς κατοικοῦντας ἀνάλωσεν. Μακαρίζω... κ. τ. λ.

юношей, всѣхъ сражая мечемъ, никого не милуя, ничего не щадя. Погибель всеобща. Онъ, какъ саранча на нивѣ, и какъ ржавчина на виноградѣ, или страшнѣе, какъ жгучій зной, тифонъ, наводненіе, или не знаю, что̀ и сказать, явился въ странѣ нашей и сгубилъ жителей ея. Ублажаю погибшихъ отъ вражіей варварской руки; ибо они, мертвые, не чувствуютъ бѣдствій, постигшихъ насъ неожиданно. Но если бы у нихъ было чувство; то и они вмѣстѣ со мною оплакали бы оставшихся въ живыхъ: ка̀къ они всегда страдаютъ, ка̀къ жизнь ихъ переполнена скорьбями, ка̀къ избѣжать ихъ не могутъ, и, когда ищутъ смерти, не находятъ ее. Ибо гораздо лучше умереть скоро, чѣмъ ежедневно ждать кончины, и безпрерывно тужить о страданіи ближнихъ и мучить свою душу.

V. Ποῦ νῦν βασιλεὺς ὁ φιλόχριστος; Ποῦ τὰ στρατόπεδα; Ποῦ τὰ ὅπλα, τὰ μηχανήματα, αἱ στρατηγικαὶ βουλαὶ τε καὶ παρασκευαί; Οὐ βαρβάρων ἄλλων ἔφοδος ἐφ' ἑαυτὴν ταῦτα πάντα μετέστησε τε καὶ μεθειλκύσατο; Καὶ βασιλεὺς μὲν ὑπερορίους πόνους καὶ μακροὺς ἀνατλᾷ, συναπῆρε δὲ καὶ συνταλαιπωρεῖ τὸ στρατιωτικόν· ἡμᾶς δὲ ὁ κατ' ὀφθαλμὸς ὄλεθρος καὶ φόνος δαπανᾷ, τοῖς μὲν ἐπελθὼν, τοῖς δε ἤδη ἐπερχόμενος. Τὸ δὲ Σκυθικὸν τοῦτο καὶ ὠμὸν ἔθνος καὶ βάρβαρον ἐξ αὐτῶν τῶν τῆς πόλεως

V. Гдѣ теперь царь Христолюбивый? Гдѣ военные станы? Гдѣ оружія, машины, военныя совѣты и приготовленія? Не другихъ ли варваровъ нашествіе передвинуло и привлекло къ себѣ все это? Государь давно трудится за границею, и съ нимъ бѣдствуетъ воинство его: а насъ губитъ явное истребленіе и убійство, однихъ уже постигшее, а другихъ постигающее. Этотъ Скиѳскій, жестокій и варварскій народъ, выскочивъ изъ-за самыхъ Пропилеевъ города [1]), какъ дикій вепрь расположился около него. Кто же за насъ выдетъ на брань? Кто выстроится противъ враговъ, когда никого у насъ нѣтъ, и мы отвсюду стѣснены? Какіе плачевные причёты вы-

[1]) Пропилеи — загородныя ворота въ видѣ нашихъ тріумфальныхъ.

ἐξερπύσαν Προπυλαίων, μονιοῦ δίκην ἀγρίου τὰ πέριξ αὐτῆς κατενεμήσατο. Τίς οὖν ἡμῶν προπολεμήσει; Τίς ἀντιπαρατάξεται τοῖς ἐχθροῖς; Πάντων ἡμεῖς ἔρημοι, πανταχόθεν ἐξηπορημένοι. Τίς ἐξισωθείη θρῆνος ταῖς συμφοραῖς; Ποῖον ἐξισχύσει δάκρυον ἐπαρκέσαι πρὸς τὸ μέγεθος τῶν περιστοιχησαμένων ἡμᾶς δυσχερῶν; Δεῦρο μοι τῶν προφητῶν συμπαθέστατε· συνθρήνησον τὴν Ἱερουσαλήμ, οὐ τὴν παλαιὰν ἐκείνην ἔθνους ἑνὸς, ἐκ μιᾶς ῥίζης δώδεκα στελέχους βλαστήσαντος, τὴν μητρόπολιν, ἀλλὰ συμπάσης τῆς οἰκουμένης, ὁπόσην ὁ χριστιανῶν λαμπρύνει θεσμὸς, τὴν χρόνῳ καὶ κάλλει καὶ μεγέθει καὶ λαμπρότητι, πολυπληθείᾳ τε τῶν ἐνοικούντων καὶ πολυτελείᾳ δεσπόζουσαν, συνθρήνησόν μοι ταύτην τὴν Ἱερουσαλήμ, οὐχ ἁλοῦσαν ἤδη καὶ χαμαὶ πεσοῦσαν, ἀλλ᾽ἐγγὺς κειμένην τοῦ ἁλώματος, καὶ τοῖς ὠρυγμένοις κατασειομένην. Συνθρήνησον τὴν βασιλίδα τῶν πόλεων, οὐκ αἰχμάλωτον ἀγομένην, ἀλλὰ τῆς σωτηρίας ἐλπίδα ἠχμαλωτισμένην. Ζήτησον.

разятъ наши несчастія? Гдѣ взять намъ столько слезъ, сколько ихъ требуетъ множество постигшихъ насъ бѣдъ? Приди ко мнѣ сострадательнѣйшій изъ пророковъ и оплачь со мною Іерусалимъ, не тотъ древній матероградъ одного народа, разросшагося отъ одного корня въ двѣнадцать племенъ, но градъ всей вселенной, какую только озаряетъ христіанская вѣра, градъ древній, прекрасный, обширный, блестящій, многонаселенный и роскошный; оплачь со мною этотъ Іерусалимъ, еще не взятый и не падшій въ прахъ, но уже близкій къ погибели и расшатываемый подкапывающими его. Оплачь со мною царицу городовъ, которая еще не отведена въ плѣнъ, но у которой уже плѣнена надежда спасенія. Поищи воды для главы моей и слезныхъ источниковъ для очей моихъ, плачь со мною, и причитай надъ нею: «кáкъ на взрыдъ она рыдала «ночью, и слезы текли по ланитамъ ея, и «нѣтъ утѣшителя ей; какъ грѣхомъ согрѣ«шилъ Іерусалимъ, и за то поколебался, и «всѣ хвалившіе крѣпость его поглумились «надъ нимъ; какъ Господь огонь послалъ въ «кости его, и иго свое отягчилъ на выѣ на«шей, и въ руки наши вложилъ болѣзни, ко«торыхъ мы не можемъ стерпѣть. Плачь со «мною; йбо изсякли слезы въ очахъ моихъ, «потряслась вся внутренность моя, и поворотилось сердце мое отъ горькой «горести. Извнѣ обезчадилъ меня мечь, и врагъ разинулъ на меня пасть »свою, заскрежеталъ зубами и сказалъ: проглочу его[1]».

[1]) Плачь Іерем. 1, 2. 8. 13. 14. — 2, 11. 20. 16.

Ὦ πόλις βασιλίς! οἵων κακῶν περικέχυται ὄχλος· καὶ τὰ σὰ τῆς κοιλίας ἔγγονα, καὶ ἃ πρὸ τοῦ ἄστεως λαμπρῶς ἐπεπόλιστο, λαγόνας θαλάσσης, καὶ πυρὸς καὶ μαχαίρας στόμα, βαρβαρικῷ νόμῳ διακληρωσάμενα, κατεσθίουσι. Ὦ πολλῶν ἐλπὶς ἀγαθή! Ὅση χαλεπῶν ἀπειλὴ καὶ δειμάτων πλῆθος, περικλύσαν τὰ κύκλω, τὴν σὴν περιβόητον ἐταπείνωσεν δόξαν! Ὦ πόλις βασιλεύουσα μικροῦ συμπάσης τῆς οἰκουμένης! Οἷος σε στρατὸς ἀστρατήγητος καὶ δούλοις ἐνεσκευασμένος, ὡς δούλην ἐκμυκτηρίζει! Ὦ πόλις πολλῶν ἐθνῶν λαφύροις ἐκλαμπρυνθεῖσα! Οἷον λαφυραγωγεῖν σὲ διενοήσατο ἔθνος! Ὦ πολλὰ στησαμένη κατὰ τῶν πολεμίων Εὐρώπης τε καὶ Ἀσίας καὶ Λιβύης τρόπαια! Ὅπως νῦν ἐπὶ σὲ βαρβαρικὴ καὶ ταπεινὴ χεὶρ ἐξέτεινε δόρυ, τὸ κατὰ σοῦ κράτος ἐπαρθεῖσα τροπαιοφορῆσαι! Ἐπὶ τοσοῦτον γὰρ κακώσεως πάντα σοὶ ἥκει, ὥστε καὶ τὴν ἀπροσμάχητόν σου ῥώμην εἰς τρύγα ἐλάσθαι βαθυτάτης ἀῤῥωστίας, καὶ τὸ ἀῤῥωστοῦν καὶ τεταπεινωμένον τῶν ἀντιπάλων, ἀφιλάνθρωπον ὄμμα, χειρὸς ἰσχὺν ἐν σοὶ ἀποφαίνειν καὶ δόξης ὀνόματι πειρᾶσθαι διακοσμηθῆναι.

О градъ-царь! Какія бѣды столпились вокругъ тебя! И твоихъ утробныхъ чадъ, и твои красивыя предмѣстія до самой Крѣпости, и пристани моря, распредѣленныя жребіемъ по обычаю варваровъ, поядаютъ мечь и огонь. О благая Надежда многихъ! Какая опустошительная гроза, и какое множество ужасовъ собралось вокругъ тебя, и унизило твою громкую славу! О градъ, царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается надъ тобою, какъ надъ рабою!—необученное и нáбранное изъ рабовъ! О градъ, украшенный добычами многихъ народовъ! Что за-народъ вздумалъ взять тебя въ добычу? О градъ, воздвигшій многіе побѣдные памятники послѣ пораженія ратей Европы, Азіи и Ливіи! Какъ это устремила на тебя копье рука варварская и черная, и поднялась, чтобы поставить памятникъ побѣды надъ тобою? Ибо все идетъ у тебя такъ худо, что и необоримая сила твоя умалилась, какъ у больнаго отчаянно, и слабый и ничтожный непріятель смотритъ на тебя сурово, пытаетъ на тебѣ крѣпость руки своей, и хочетъ нажить себѣ славное имя. О царица городовъ царствующихъ! Многихъ союзниковъ ты избавляла отъ опасностей, и многихъ преклонявшихъ колѣна защищала оружіемъ: а теперь сама ты обречена на истребленіе, и лишена помощниковъ. О красота и велелѣпіе досточтимыхъ храмовъ, величіе, изящество, и художественное убранство! О ѳуміамъ, безкровная жертва и таинственная трапеза! О жертвенникъ и алтарь неприступный и святый! Какъ

это угрожаетъ тебѣ оскверненіе вражьими погами? О святость и вѣра совершенная и служеніе чистое! Какъ это расширяются на васъ уста нечестивыхъ и гордыхъ? О сѣдина іереевъ и помазаніе и святительство! О храмъ мой, святилище Божіе, Святая Софія, недреманное око вселенной! Рыдайте дѣвы, дщери Іерусалима. Плачьте юноши города Іерусалима. Горюйте матери. Проливайте слезы и дѣти, проливайте; ибо тяжкія страданія и въ васъ возбуждаютъ сочувствіе. Плачьте о томъ, что умножились наши несчастія, и нѣтъ избавителя, нѣтъ помощника.

VI. Ἀλλὰ μέχρι τίνος ὁ ϑρῆνος, μέχρι τίνος τὸ πένϑος, μέχρι τίνος ὁ ὀλολυγμός; Τίς εἰσακούσεται, καὶ πῶς ἡ ϑραῦσις κοπάσει; Τίς ἐξιλάσεται; Τίς βοήσεται ὑπὲρ ὑμῶν; Εἴ τίς ἦν Μωυσῆς, εἶπεν ἂν πρὸς Κύριον· «ἐὰν αὐτοῖς ἀφῆς, ἄφες, εἰ δὲ μὴ, ἐξάλειψον κἀμὲ ἐκ τῆς βίβλȣ τῆς ζωῆς, ἧς ἔγραψας»· καὶ πρὸς ἡμᾶς δὲ· «Κύριος πολεμήσει ὑπέρ ἡμῶν, καὶ ἡμεῖς σιγήσωμεν». Ἀλλ᾽ οὐκ ἔστιν, ὅτι ἐκλέλοιπεν ὅσιος ἀπὸ τῆς γῆς. Οὐκ ἔστι Μωυσῆς. Οὐκ ἔστι Ἀβραάμ, ὥστε διᾶραι τὸ στόμα καὶ παῤῥησιάσασϑαι καὶ εἰπεῖν πρὸς τὸν ϑεόν· «μὴ συναπολέσῃς δίκαιον μετ᾽ ἀσεβοῦς, καὶ ἔσται ὁ δίκαιος, ὡς ἀσεβής». Οὐκ ἔστιν, ὅστις ἐπέλϑοι τὰς φιλανϑρώπους ἐκείνας καὶ ϑαυμασίους τῶν λόγων ἐπαγωγάς, δι᾽ ὧν ἐπὶ δέκα δικαίους τὴν μυριάνϑρωπον πόλιν, ἔξω φύσεως φερομένην, ἐντὸς σωτηρίας ἠξίȣ γενέσϑαι, καὶ πρὸς τούτων ὅλων ἀκȣ̃σαι παρὰ ϑεοῦ·

VI. Но доколѣ плачь? доколѣ рыданіе? доколѣ стоны? Кто услышитъ, и какъ прекратится пораженіе? Кто умилостивитъ? Кто возопіетъ за насъ? Если бы нашелся Моисей; то онъ Господу сказалъ бы: «ежели прощаешь имъ, то прости, а не то, изгладь и меня изъ книги жизни, въ которую вписалъ ты меня»: а намъ примовилъ бы: «Господь ополчится за насъ, мы же умолчимъ». Но нѣтъ никого! Ибо не стало праведника на землѣ. Нѣтъ Моисея. Нѣтъ Авраама, который отверзъ бы уста, и съ дерзновеніемъ сказалъ бы Богу: «не погуби праведнаго съ нечестивымъ; иначе, праведный будетъ тоже, что и нечестивый». Нѣтъ никого, кому бы въ умъ пришли тѣ человѣколюбивыя и удивительныя предложенія постепенныя, по которымъ тмочисленный городъ, нарушившій законы естества, сподобился бы спасенія ради десяти праведниковъ, и кто бы услышалъ отъ Бога: «ежели въ семъ городѣ найдутся десять, то не погублю его ради десяти». Нѣтъ Моисея. Нѣтъ Авраама. Но если вы хотите,—скажу странное, но истинное,—можете пріобрѣсть себѣ Моисея, можете найти Авраама.—

*

ὡς ἐὰν εὑρεθῶσιν ἐν τῇ πόλει δέκα, οὐ μὴ ἀπολέσω ἕνεκεν τῶν δεκα. «Οὐκ ἔστιν οὖν Μωυσῆς, οὐκ ἔστιν Ἀβραάμ. Ἀλλ᾽ ἐὰν ὑμεῖς βούλησθε, παράδοξον μὲν ἐρῶ, ἀληθὲς δὲ ὅμως, δύνασθε ὑμῖν ἑαυτοῖς Μωσέα παρασκευάσαι, δύνασθε Ἀβραὰμ δεῖξαι. — Καὶ Μωυσῆς γὰρ ἀνεπιστρόφως ἔχοντος τοῦ λαοῦ,—δεινὸν εἰπῶ, δεινόν, — εἰ πρεσβεύων παρηκούετο· ἀλλ᾽ ἐκεῖνο λίαν φοβερόν, ὡς πολλοὺς πολλάκις, ὑπὲρ ὧν ἔπραττεν, ὑποχείρια διεχρήσατο. Καὶ Ἀβραὰμ δὲ περὶ ὧν ἐδυσώπει καὶ ἱκέτευεν, τούτους ἑώρα τὸν βίον εἰς πυρὸς δαπάνην καταστρέφοντας: ὅτι παθῶν αὐτοῖς ἄκανθαι τὸ γεώργιον ἦν. — Δύνασθε, ἐὰν βούλησθε, ἵνα λέγῃ κἀκεῖνος πρὸς ὑμᾶς· «Κύριος πολεμήσει ὑπὲρ ἡμῶν, καὶ ἡμεῖς σιγήσωμεν». — Ποθεῖτε μαθεῖν, ὅπως δέδοικα τὸν κλαυθμὸν ὑμῶν, ὅτι πρόσκαιρος· τὴν ἐλεημοσύνην ὑμῶν, ὅτι πρὸς βραχύ· τὴν σωφροσύνην, ὅτι ἐφήμερος· τὴν φιλαδελφίαν, ὅτι μέχρις ἂν τὸ δυσμενὲς τῶν κύκλῳ ἐχθρῶν, ἅτε δὴ κοινὸν ὑπάρχον κακὸν εἰς ὁμόνοιαν ὑμᾶς συνωθεῖ· τὸ ταπεινὸν καὶ μέτριον τῶν ἠθῶν, ὅτι μέχρις ἂν ἡ αἰχμαλωσία ἐμπρόσθιος· τὸν τύφον πατούμενον καὶ τὸν θυμὸν χαλινούμενον, καὶ τὴν γλῶτταν πνευματικῶν ᾀσμάτων, ἀλλὰ μὴ αἰσ-

Однако и Моисей, когда народъ не обращался къ Богу, — страшное скажу, страшное,— и Моисей не былъ услышанъ, хотя и молился: а гораздо страшнѣе то, что онъ не рѣдко смертію казнилъ многихъ, за которыхъ предстательствовалъ. Да и Авраамъ, за кого просилъ и умолялъ, тѣхъ увидѣлъ въ огнѣ, гдѣ догорѣла ихъ жизнь. Ибо сѣяли они страсти и пожали тернія.—Можете, если хотите, чтобы и вамъ сказалъ Моисей: «Господь ополчится за насъ, мы же умолчимъ». — Однако пожалуйте — узнайте, что я сильно боюсь; чего же? того, что слезы у васъ случайны, милостыня временна, цѣломудріе только до завтра; того, что вы братолюбивы, пока сдружаетъ васъ страхъ отъ окружившихъ враговъ и общая бѣда, смирны и благонравны, пока плѣнъ впереди; того, что вы сдерживаете ярость, обуздываете гнѣвъ и поете духовныя пѣсни вмѣсто срамныхъ разговоровъ, пока въ ушахъ у васъ отзываются крики супостатовъ, правите литіи и всенощныя бдѣнія, поститесь, воздыхаете, пока грозитъ вамъ смерть отъ меча. Вотъ что смущаетъ меня и тревожитъ болѣе, чѣмъ оружіе варваровъ! Вотъ чего я боюсь! Я вижу, что всѣмъ теперь легко дѣлать то, чего прежде не дѣлали и нѣкоторые, хотя бы кое-какъ. Меня страшитъ и печалитъ то, что когда бываетъ пораженіе, тогда и мы остепеняемся, когда приходится намъ туго, тогда и мы принимаемся за добрыя дѣла. Посему нѣтъ теперь и Моисея, нѣтъ и Авраама. Но если бы вы,

χρῶν ρημάτων, δεικνυμένην ὄργανον, ὅτι μέχρις ἂν τῶν πολεμίων οἱ ἀλαλαγμοὶ τοῖς ὠσὶν ὑμῶν προσαράσσουσι· τὰς λιτὰς καὶ τάς παννυχεῖς στάσεις καὶ τὴν νηστείαν, καὶ τοὺς στεναγμοὺς, ὅτι μέχρις ἂν ὁ διὰ ξίφους ϑάνατος. Ταῦτα μὲ ταράττει καὶ ϑορυβεῖ πολὺ τῶν ὅπλων πλέον τῶν βαρβαρικῶν. Ταῦτα δέδοικα! Ράδίως νυνὶ καὶ παρὰ πάντων ἅμα ὁρῶ σιντελούμενα, ὃ τι πρότερον οὐδ' ἐνίοις τισὶν, οὐδὲ χωρὶς καὶ μόλις ἐπράττετο. κ. τ. λ.

по миновании обдержащаго насъ бѣдствія, сохранили настоящее благонравіе, порядокъ и степенность; то нашли бы многихъ Моисеевъ и Авраамовъ, которые ополчились бы за васъ, и ходатайствовали бы предъ Богомъ; и что я говорю,—Моисеевъ и Авраамовъ? вы имѣли бы своимъ поборникомъ и защитникомъ самого, общаго имъ и намъ, владыку, наводящаго враговъ за грѣхи наши и поражающаго силу ихъ, наказывающаго и милующаго, гнѣвающагося и умилостивляющагося. Ибо велика милость Господа Бога нашего ко всѣмъ обращающимся къ нему праведно. Итакъ, — говорю устами Іереміи, — исправьте пути ваши и дѣла ваши, и послушайте гласа Господня: и прекратитъ Господь зло, которое приговорилъ вамъ [1]). Но вы не хотите...

VII. Не вопійте и не шумите. Гораздо лучше молиться спокойно, чѣмъ вопіять, не страдавши, или бояться страданій, кои неизбѣжны для всѣхъ, живущихъ беззаконно, послѣ того какъ обильными потоками текли къ намъ житейскія блага, или пытаться бѣжать отъ множества бѣдъ, когда отъ нихъ уже нельзя нигдѣ укрыться.

Но остановите ваши слезы. Перестаньте плакать. Будьте мужественны. Съ дерзновеніемъ говорю я, споручникъ вашего спасенія, полагаясь на ваше честное слово, а не на дѣла мои, на ваши обѣщанія, а не на слова мои, говорю: поручимся другъ другу, я за ваше спасеніе, а вы за то, что нѣтъ опасенія касательно договоровъ нашихъ, я за отвращеніе бѣдствій, а вы за обращеніе къ Богу, я за удаленіе враговъ, а вы за отдаленіе отъ страстей. Но не только за это ручаюсь я, но и за себя и за васъ. А если вы безъ всякихъ извиненій исполните сіи договоры наши; то васъ самихъ представляю споручниками, васъ самихъ объявляю ходатаями. Господь же человѣколюбивый и перестающій думать о злости чело-

[1]) Іерем. 33, 13.

вѣковъ скажетъ вамъ: «вотъ я изглаждаю, какъ облако, беззаконія твои, и какъ мглу, грѣхи твои. Обратись ко мнѣ, и избавлю тебя» [1]). Еще: «обратитесь ко мнѣ, и я обращусь къ вамъ». Еще: «скажу народу и царству конецъ изъятія и погубленія его». Еще: «если отвратится народъ сей отъ грѣховъ своихъ, то и я перестану думать о всякомъ злѣ, какое помышлялъ сдѣлать имъ» [2]).

VIII. Наконецъ, возлюбленные, настало время прибѣгнуть къ Матери Слова, къ ней — единой надеждѣ нашей и прибѣжищу. Къ ней возопіемъ: Досточтимая, спаси градъ твой, какъ вѣдаешь, Госпоже! Ее поставимъ ходатаицею предъ Сыномъ и Богомъ нашимъ. Ее сдѣлаемъ свидѣтельницею и споручницею обѣтовъ нашихъ. Пусть она возноситъ прошенія наши, и одождитъ на насъ человѣколюбіе Рожденнаго изъ нея, и разженетъ тучу враговъ, и прольетъ намъ лучи спасенія. Ея молитвами да избавимся отъ настоящаго гнѣва, и отъ будущаго нескончаемаго осужденія, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, которому подобаетъ слава и благодареніе и поклоненіе со Отцемъ и святымъ Духомъ, нынѣ, всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ТОГО ЖЕ СВЯТѢЙШАГО ФОТІЯ АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНА ГРАДА, НОВАГО РИМА,

ВТОРАЯ БЕСѢДА

ПО СЛУЧАЮ НАШЕСТВІЯ РОССОВЪ.

Ι. Οἶδα μὲν, ὡς ἅπαντες συνεπίστασθε, ὅσοι τε δεινοὶ συνιδεῖν, ἀποστροφὴν πρὸς ἀνθρώπους θεοῦ, ὅσοι τε ἀμαθέ-

I. Знаю, какъ всѣ вы понимаете угрозу Бога человѣкамъ, и тѣ, которые слишкомъ умничаете, и тѣ, которые какъ-то невѣжественно полагаетесь на судьбы Господни, и однако

[1]) Исаіи 44, 22. — [2]) Іерем. 18, 7.

στερον πῶς περὶ τὰ τοῦ Κυρίȣ διάκεισθε κρίματα· πάντας δ' οὖν ὅμως συνιέναι καὶ κατανοῆσαι λογίζομαι τὴν ἐπενεχθεῖσαν ἡμῖν ἀπειλὴν καὶ τὴν τοῦ ἔθνους ἀθρόαν ἐπιδρομὴν οὐκ ἄλλοθέν ποθεν, ἢ ἐξ ὀργῆς καὶ θυμοῦ παντοκράτορος κυρίου ἡμῶν ἐπιπολάσαι. Ἀγαθὸν μὲν γὰρ τὸ θεῖον καὶ θυμοῦ κρεῖττον καὶ παντὸς πάθους, ἅτε δὴ πάσης ὑλαίας διαθέσεως ἀνυπερβλήτῳ λόγῳ τὴν ὑπόβασιν κληρωσαμένης τὴν φύσιν ἔχον ὑπεράνω κειμένην· ὀργίζεσθαι δὲ καὶ θυμοῦσθαι λέγοιτ' ἂν εἰκότως, ἐπειδάν τί τῶν πεπραγμένων, θυμοῦ καὶ ὀργῆς κριθῆναι ἄξιον, τὴν προσήκουσαν ἐκεῖθεν δίκην τοῖς δεδρακόσι ἐπισπάσηται. Καθ' ὃν τρόπον καὶ νῦν ἡμῖν ἐπεισφρήσασα κατεῤῥάγη συμφορὰ, κατὰ πρόσωπον ἡμῶν παριστῶσα τῶν ἡμαρτημένων τὸν ἔλεγχον. Οὐδὲ γὰρ οὐδὲ ταῖς ἄλλαις τῶν βαρβάρων καταδρομαῖς προσέοικεν, ἀλλὰ τὸ τῆς ἐφόδου παράλογον καὶ τοῦ τάχους τὸ παράδοξον, τοῦ τε βαρβάρου φύλου τὸ ἀπάνθρωπον, καὶ τῶν τρόπων τὸ ἀπότομον, καὶ τῆς γνώμης τὸ ἀνήμερον, οὐρανόθεν τὴν πληγὴν ὡς σκηπτὸν μηνύει ἐπαφεθῆναι. Οὐχ ὅτι δὲ πάντες τοῦτο συνεπίστασθε, καὶ ταῖς ὑμῶν καρδίαις ἡ τε τοῦ πάθους ὀξύ-

думаю, что всѣ вы поняли и почувствовали, что отяготѣвшая надъ нами гроза и страшное нашествіе онаго народа были послѣдствія гнѣва и ярости Господа вседержителя. Конечно, Богъ благъ, безгнѣвенъ и безстрастенъ, потому что въ существѣ Его нѣтъ никакого движенья вещества, получившаго бытіе непостижимымъ образомъ: но гнѣвъ и ярость приписывается ему примѣрно, когда какія либо дѣла, достойныя гнѣва и угрозы, сами повлекли за собою наказаніе приличное совершителямъ ихъ. Такъ точно и теперь разразилась у насъ внезапная бѣда, какъ явное обличеніе насъ въ грѣхахъ нашихъ. Она совершенно не похожа на другія нападенія варваровъ: напротивъ, и нечаянность нашествія и чрезвычайная быстрота его, и безчеловѣчность варварскаго народа и жестокость его дѣйствій, и свирѣпость нрава, доказываютъ, что пораженіе, какъ громовая стрѣла, было ниспослано съ неба. Итакъ не молчать ли мнѣ потому только, что всѣ вы сознаете это, и потому что острая боль въ сердцахъ вашихъ, въ жаркое время, дала вамъ почувствовать всю виновность вашу въ злополучіи? Напротивъ, поелику и вы сами вмѣстѣ со мною признаѣте оное наказаніе, поэтому я буду говорить и обличать васъ гораздо сильнѣе и справедливѣе, представляя и изображая вамъ тѣ бѣдствія, изъ коихъ мы сами грѣхами своими сдѣлали себѣ сцену и составили Драму, жизнію своею под-

της καὶ ἡ τοῦ καιροῦ ἀκμὴ τῶν συνενεχθέντων τὸ αἴτιον ἐνεχάραξε, διὰ τοῦτο σηγήσομαι, ἄλλ ὅτι καὶ ὑμᾶς τῶν εἰρημένων λωβῶν ἔχω συνίστορας, διὰ τοῦτο μᾶλλον σὺν ἐλέγχῳ δικάιω τοὺς λόγους ποιήσομαι, ἐκεῖνα ὑμῖν ἐκτραγωδῶν καὶ ὑποκρινόμενος, ὧν αὐτὸι τὴν σκηνὴν τοῖς οἰκείοις ἐπηξάμεθα παραπτώμασι, καὶ τὸ δράμα συνεπεσκευασάμεθα, παθῶν πολυμόρφων θέατρον τὴν ἡμῶν πολιτείαν στησάμενοι.

II. Ὀργὴ γὰρ θεοῦ διὰ τὰς ἡμῶν ἁμαρτίας ἐπέρχεται, καὶ τῆς ἀπειλῆς ὕλη τῶν ἁμαρτανόντων ἁι πράξεις τυγχάνουσι, καὶ τῆς τιμωρίας ἡ εἴσπραξις τῶν ὀλισθημάτων τό ἀνεπίστροφον. Ὅσῳ δὲ ξένη καὶ δεινὴ καὶ ἄτοπος τοῦ καταῤῥαγέντος ἔθνους ἡ ἔφοδος, τοσούτῳ τῶν πλημμεληθέντων ἡ ὑπερβολὴ διελέγχεται· ὅσον δὲ πάλιν ἀφανὲς, ἄσημον, καὶ μηδὲ μέχρι τῆς καθ᾽ ἡμᾶς ἐπελέυσεως γινωσκόμενον, τοσοῦτον ἡμῖν ὁ τῆς αἰσχύνης ὄγκος ἐπιγράφεται, καὶ τοῦ ὀνειδισμοῦ ὁ θρίαμβος αἶρεται, καὶ πικροτέραν αἱ μάστιγες τὴν ὀδύνην ἐναποτίθενται. Ἡ γάρ τοι τῶν ἀσθενεστέρων τε καὶ παρεωραμένων κατὰ τῶν ἐπιφανείᾳ λαμπρυνομένων καὶ ἰσχὺν ἀμάχων ἐπικράτεια ἀνυπέρβλητον παριστησι τὴν πληγὴν, ἀπαραμύθητον εἰσάγει τὴν συμφορὰν, ἀνε-

готовивъ зрѣлище многообразныхъ страданій.

II. По истинѣ, гнѣвъ Божій бываетъ за грѣхи наши; гроза скопляется изъ дѣлъ грѣшниковъ; безъ наказанія не обходится нераскаянность въ преступленіяхъ. А чѣмъ страннѣе, ужаснѣе и безпримѣрнѣе нашествіе нахлынувшаго народа: тѣмъ болѣе обличается чрезмѣрность грѣховъ. Съ другой стороны, чѣмъ не именитѣе и незначительнѣе народъ, который до нападенія на насъ ничѣмъ не далъ себя знать; тѣмъ большій стыдъ намъ приписывается, и выше ставится памятникъ безславія, и пуще чувствуется боль отъ бичей. Ибо когда слабѣйшіе и презираемые одолѣваютъ блестящихъ по виду и необоримыхъ по силѣ, тогда пораженіе бываетъ нестерпимо, несчастіе безъутѣшно, память о бѣдствіяхъ остается неизгладима. Такъ, мы побиты нашими беззаконіями, изнурены страстями, унижены грѣхами, сгублены злыми дѣлами, и стали поношеніемъ и поруганіемъ сосѣдей нашихъ. Ибо тѣ, которыхъ усмиряла самая

ξάλειπτον συνέχει τῶν δυστυχημάτων τὴν μνήμην. Οὕτω ταῖς ἀνομίαις ἡμῶν ἐμαστίχθημεν, καὶ τοῖς παραπτώμασιν ἐταπεινώθημεν, καὶ τοῖς κακοῖς ἐκαρώθημεν, μυκτηρισμὸς καὶ χλευασμὸς τοῖς κύκλῳ γενόμενοι. Οἷς γὰρ οὐδὲ Ῥωμαίων φήμη μόνη φορητή ποτε κατεφαίνετο, οὗτοι κατ᾽ αὐτῆς αὐτῶν τῆς ἐξουσίας ὅπλα ἤροντο, καὶ τὰς χεῖρας ἀνεκρότησαν ἐν ἐλπίδι τοῦ λαβεῖν τὴν βασιλίδα πόλιν, ὡς νοσσιάν, φρυαξάμενοι. Τά τε γὰρ πέριξ αὐτῆς ἐληΐσαντο, καὶ τὰ πρὸ τοῦ Ἄστεως ἐλυμήναντο, καὶ τοὺς συλληφθέντας ὠμῶς ἀπεχρήσαντο, καὶ σὺν ἀδείᾳ πάσῃ ταύτην περιεχύθησαν· ἐπὶ τοσοῦτον ὑπὸ τῆς ἡμετέρας δυσπραγίας ἐπαρθέντες καὶ ὑψωθέντες, ὥστε μηδ᾽ ὀρθοὺς εἰς αὐτοὺς καὶ ἀπτοήτους ἐνατενίζειν τοὺς ὀφθαλμοὺς τοὺς ἐνοικοῦντας δύνασθαι· ἀλλ᾽ ἐξ ὧν εἰκὸς ἦν μᾶλλον αὐτοὺς ἀνδρικώτερον τοῖς πολεμίοις συμπλέκεσθαι, τούτοις ἐξενευροῦντο καὶ κατέπιπτον. Τὴν γὰρ εἰς τοὺς ὁμοφύλους τῶν βαρβάρων μιαιφονίαν δέον δικαίαν ποιεῖσθαι ὀργήν, καὶ μετ᾽ εὐλόγων ἐλπίδων τὴν ἴσην τιμωρίαν ἐπάγεσθαι ἀπαιτεῖν, Οἱ δὲ κατεπτηχότες καὶ ἐκπε-

молва о Ромеяхъ [1]), тѣ подняли оружіе противъ державы ихъ, и ударили въ ладоши, борзясь и надѣясь взять Царьградъ, какъ птичье гнѣздо, раззорили окрестности его, истребили все до самой Крѣпости его, жестоко умертвили всѣхъ захваченныхъ, и смѣло окружили городъ, сдѣлавшись отважными по причинѣ нашего бездѣйствія, такъ что мы не смѣли и посмотрѣть на нихъ прямо и неробко, напротивъ разслабѣли и упали духомъ отъ того самаго, отъ чего имъ повадно было воевать мужественно. Ибо эти варвары справедливо разсвирѣпѣли за умервщленіе соплеменниковъ ихъ, и благословно требовали и ожидали кары равной злодѣянію. А наши отъ страха, отъ пораженія, разслабѣли такъ, что страданія захваченныхъ начали ставить въ зачетъ собственнаго плѣна, и воображеніемъ придумывать: кто бы долженъ отмстить за несчастныхъ. Ибо когда нечаянный ужасъ внезапно проникъ въ изгибы сердца и произвелъ въ немъ жестокую боль; тогда изъ предсердія, какъ изъ источника, трусость дрожью пробѣжала по всему тѣлу, и обезсилила даже и тѣхъ, которымъ предоставлено судить о войнѣ. Такимъ образомъ мы стали игралищемъ варварскаго народа, и угрозу его сдѣлали неотвратимою, совѣтъ непостыднымъ, нападеніе не отразимымъ. Ибо гдѣ гнѣвъ Бога, тамъ и пожива; и когда онъ отвращается, тогда переворотъ бываетъ и отъ малости: а

[1]) Жителяхъ Константинополя, который назывался ΝΕΑ ΡΩΜΗ, новый Римъ.

πληγμένοι παρελέλυντο, τὰ πάθη τῶν ἑαλωκότων οἰκείαν ἅλωσιν οἱ σεσωσμένοι, καὶ παρ᾽ ὧν ἐκδίκησις τοῖς ἠτυχηκόσι ὠφείλετο, φανταζόμενοι. Ἐφάπαξ γὰρ τοῦ αἰφνιδίου δείματος τοῖς τῆς καρδίας κόλποις ἐναποσκήψαντος, καὶ εἰς τραῦμα τὸ πάθος κοιλάναντος, ὥσπερ ἀπὸ πηγῆς τινός καὶ ἀρχῆς τοῦ περικαρδίου μώλωπος τὸ τῆς δειλίας ῥεῦμα καὶ εἰς ὅλον τὸ σῶμα μετοχετεύετο, καὶ παρείμενα πάντας φέροντας τὰ μέλη τούς, ἐφ᾽ οἷς ἡ τοῦ πολέμου κρίσις ἀνέκειτο, διεδείκνυεν. Οὕτω δὴ τοῦ βαρβάρου φύλου γεγενήμεθα παίγνιον, καὶ τὴν ἀπειλὴν αὐτοῦ ἀνυπόστατον ἠγησάμεθα, καὶ τήν βουλὴν ἀκαταίσχυντον καί τὴν προσβολὴν ἀπροσμάχητον. Ἔνθα γὰρ ὀργὴ θεοῦ, ἐκεῖ καὶ τὸ τυχὸν· καὶ ἡνίκα αὐτὸς ἀποστρέφεται, ἐκ τοῦ ῥάστῃ καὶ τὸ καταστραφῆναι παρεισδύεται, καὶ οὓς αὐτὸς μαστίζεσθαι παραδίδωσι, τὸ λαφυραγωγεῖν κατὰ χεῖρας τοῖς ἐπιχειροῦσι παραγίνεται. «Καὶ εἰ μὴ Κύριος φυλάσσει πόλιν, εἰς μάτην ἀγρυπνοῦσι οἱ φυλάσσοντες».

III. Ἔθνος ἀφανὲς, ἔθνος ἀναρίθμιον, ἔθνος ἐν ἀνδραπόδοις ταττόμενον, ἄγνωστον μέν, ἀλλ᾽ ἀπὸ τῆς καθ᾽ ἡμᾶς στρατείας ὄνομα λαβόν, καὶ ἄσημον μὲν, ἀλλ᾽ ἐπίσημον γεγονός,

кого кому онъ отдаетъ для наказанія, тому отъ того бываетъ и добыча въ руки. «Если не Господь сохранитъ городъ, то напрасно трудятся стерегущіе его. (Псал. 126, 1).

III. Народъ ничѣмъ не заявившій себя, народъ непочетный, народъ считаемый наравнѣ съ рабами, не именитый, но пріобрѣтшій славу со времени похода къ намъ, незначительный, но получившій значеніе,

ταπεινὸν καὶ ἠπορημένον, ἀλλ' εἰς ὕψωμα λαμπρὸν καὶ πλοῦτον ἄπλητον ἀναβεβηκὸς, ἔθνος πόῤῥω που τῆς ἡμῶν ἀπῳκισμένον, βαρβαρικὸν, νομαδικὸν, τὸ θράσος ἔχον εἰς ὅπλα, ἀφύλακτον, ἀνεξέλεγκτον, ἀστρατήγητον, οὕτως ἀθρόως, οὕτως ἐν ῥοπῇ ὀφθαλμοῦ, ὡς κῦμα θαλάσσης, ἐξεχύθη τοῖς ὅροις ἡμῶν, καὶ ὡς μονιὸς ἄγριος χόρτον, ἢ κάλαμον, ἢ λήϊον, κατενεμήσατο τοὺς ἐνοικοῦντας ἐν τῇ γῇ, — ὢ τῆς συμπεσούσης ἡμῖν θεηλάτου ποινῆς! — μὴ φειδόμενον ἀπ' ἀνθρώπου ἕως κτήνους, οὐ θήλεως ἀσθένειαν εὐλαβούμενον, οὐ νηπίων ἀπαλότητα δυσωπούμενον, οὐ πρεσβυτέρων πολιὰν καταιδούμενον, ὑπ' οὐδενὸς, τῶν ὅσων δυσωπεῖν εἴωθεν ἀνθρώπους, κἂν εἰς θηρίων ἐκδράμοι φύσιν, μαλασσόμενον, ἀλλ' ἰδίᾳ πᾶσαν ἡλικίαν καὶ φύσιν τὸ ξίφος ὠθεῖν θρασυνόμενον. Ἦν ἰδεῖν παρ' αὐτῶν νηπία μαστῶν καὶ γάλακτος ἅμα καὶ ζωῆς αὐτῆς ἀποσπώμενα, καὶ τάφον αὐτοῖς αὐτοσχέδιον, ὄιμοι, τὰς πέτρας, αἷς προσηράσσοντο, μητέρας οἰκτρῶς, ὀλολυζούσας καὶ ἐπισφαττομενας ἔτι, σπαρασσομένας τε καὶ ψυχοῤῥαγούσας ἐπὶ τοῖς βρέφεσι. Ἄκουσμα ἐλεεινὸν, καὶ θέαμα ἐλεεινότερον, καὶ πολὺ κρεῖττον σιγᾶσθαι, ἢ λέγεσθαι, καὶ

смиренный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной и нажившій богатство несметное, народъ гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочевый, гордый оружіемъ, не имѣющій стражи (внутренней), неукоризненный, безъ военнаго искусства, такъ грозно, такъ мгновенно, какъ морская волна, нахлынулъ на предѣлы наши, и какъ дикій вепрь истребилъ живущихъ здѣсь, словно траву, или тростникъ, или посѣвъ, — и какое наказаніе свыше! — не щадя ни человѣка, ни скота, не жалѣя женскаго безсилія, не милуя нѣжныхъ младенцовъ, не уважая сѣдины старцовъ, не смягчаясь воплями, кои укрощаютъ и звѣрей, но буйно сражая мечемъ всякій возрастъ и полъ раздѣльно. Чего не видѣли мы? Младенцы лишались сосцовъ, молока и самой жизни, и нерукотворенными гробами имъ служили, увы! тѣ камни, о которые они были разможжаемы. А матери ихъ жалостно рыдали, и зарѣзываемыя, или разрываемыя, въ истомѣ умирали подлѣ малютокъ своихъ. Жалко слушать это, болѣе жалко видѣть. О такомъ зрѣлищѣ лучше молчать, нежели говорить. Не знаешь, на кого тутъ смотрѣть, на губителей, или на страдальцовъ. Лютость губила не одних людей, но и безсловесныхъ животныхъ, воловъ, коней, курицъ, и другихъ, какіе только попадались варварамъ. Лежалъ мертвый волъ и подлѣ него мущина. У коня и юноши одно было мертвенное ложе. Кровь женщинъ сливалась съ

τῶν δεδρακότων μᾶλλον, ἢ τῶν πεπονθότων ἄξιον. Οὐδὲ γὰρ οὐδε μέχρι τῆς ἀνθρωπίνης φύσεως ἡ ἀγριότης προέβαινεν, ἀλλὰ διὰ πάντων ἀλόγων ζώων, βοῶν καὶ ἵππων καὶ ὀρνίθων, καὶ τῶν ἄλλων, εἰς ἀνέπιπτον, ἡ ὠμότης διήλαυνεν. Ἔκειτο βοῦς καὶ παρ' αὐτῷ ἄνθρωπος, καὶ παῖς καὶ ἵππος τάφον εἶχον ὁμόσκηνον, καὶ γυναῖκες καὶ ὄρνιθες τοῖς ἀλλήλων συνεφύροντο αἵμασι. Μετὰ δὲ νεκρῶν σωμάτων ἐτύγχανεν ἅπαντα. Ποταμοῖς τὸ ῥεῖθρον εἰς αἷμα μετεσκευάζετο. Κρήνας καὶ δεξαμενὰς, τὰς μὲν οὐκ ἦν ἔτι διακρίνειν, ἐξομαλισθέντων τῶν κοιλωμάτων τοῖς πτώμασι, ταῖς δὲ παντελῶς ἀμυδρὰ τοῦ προτέρου σχήματος ἴχνη ἐφαίνετο, τῶν παρακειμένων αὐτοῖς ἀναπληρούντων τὰ λείποντα. Τὰς ἀρούρας νεκρὰ κατέσηπε σώματα, τὰς ὁδοὺς ἐστενοχώρει. Τὰ ἄλση τούτοις μᾶλλον, ἢ τοῖς θάμνοις καὶ ταῖς ἐρημίαις ἐθηριοῦτο καὶ ἐξηγρίωτο. Τὰ σπήλαια ἐπεπλήρωτο. Ὄρη καὶ λόφοι καὶ χαράδραι καὶ φάραγγες οὐδὲν ἐν ταῖς πόλεσι πολυανδρίων διέφερον. Οὕτω τοῦ πάθους ἡ θραῦσις ἐξήπλωτο, καὶ ὁ τοῦ πολέμου λοιμὸς, τοῖς τῶν ἁμαρτημάτων πτεροῖς ἐποχούμενος, πανταχοῦ περιΐπτατο, τὸ προστυχὸν λυμαινόμενος.

IV. Οὐδεὶς ἂν δύναιτο τὴν

кровію куриць. А что дѣлалось надъ мертвыми тѣлами? и то, и то! Рѣчныя струи превращались въ кровь. Нѣкоторыхъ колодезей и водоемовъ нельзя было распознать, потому что они черезъ верхъ наполнены были тѣлами, а другіе едва замѣтны были, и то потому, что трупы бросаемы были въ ближайшія къ нимъ водохранилища. Мертвыя тѣла загноили нивы и завалили дороги. Рощи сдѣлались непроходимы болѣе отъ труповъ, чѣмъ отъ поростковъ и чащи. Пещеры наполнены были мертвецами. Горы и холмы, лощины и долины ничѣмъ не отличались отъ городскихъ кладбищъ. Такъ велико было пораженіе! Въ добавокъ губительная язва отъ войны, носимая на крыльяхъ грѣховъ нашихъ, перелетала съ мѣста на мѣсто, заражая, что попадется.

IV. Никто не могъ бы тогдашняго злопо-

ἐπιστάσαν ἡμῖν τότε τῶν κακῶν Ἰλιάδα ἐφικέσθαι τῷ λόγω. Καὶ τίς ταῦτα συνορῶν, οὐ τὴν τρυγίαν τοῦ ποτηρίου, ἥν ὁ θυμὸς ἐκέρασε Κυρίου ταῖς ὑμῶν ὑπερφυέσι πλημμελήμασι, ὀυκ ἐφ' ἡμᾶς ἐκχυθῆναι ἀνομολογήσειε; Τίς ταῦτα μελετῶν καὶ συλλογιζόμενος, ὀυ πενθῶν καὶ σκυθροπάζων ὅλου τοῦ βίου καὶ πρὸς δυσμὰς ἀυτὰς ἀφικόμενος πορέυοιτο; Ὥπως ἅπαντα τότε συνεκέχυτο, καὶ πῶς ἡ πόλις μικροῦ δέον φάναι δορυάλωτος ἐγεγένητο! Ἐν ᾧ γὰρ ῥάδιον μὲν τὸ ἁλῶναι, ἄπορον δὲ τοῖς ἐνοικοῦσι τὸ ὑπερασπίσαι, ἐν ἐξουσίᾳ δηλονότι τῶν ἀντιπάλων τὸ παθεῖν ταύτην, ἢ μὴ παθεῖν ἔκειτο. Ἐν ᾧ δὲ ἡ τῆς πόλεως σωτηρία τοῖς τῶν πολεμίων ἤρτητο δακτύλοις, καὶ τῇ τούτων ἐυμενείᾳ ἡ ταύτης διεμετρεῖτο στάσις, παραβραχὺ, φημὶ, διαφέρειν, μᾶλλον δὲ πολὺ χαλεπώτερον εἶναι τὸ μήπω πεσεῖν τὴν πόλιν τοῦ πάλαι πεσεῖν. Τὸ μὲν γὰρ ἴσως τῷ τάχει τοῦ πάθους ἄδηλον ἄν παρεῖχε τῆς μὴ παραυτίκα ἁλώσεως τὴν αἰτίαν· τὸ δὲ τῷ μήκει τοῦ χρόνου, καὶ τὴν τῶν ἀντιπάλων ἐπαίρειν ἀφιλανθρωπίαν, ὡς τῆς ἐκείνων οὔπω συγκατενεχθείσης ἐυσπλαγχνίας, καὶ τὸ πάθει συνάπτον τὴν ἀπὸ τῆς συμπαθίας ἀδο-

лучія нашего описать стихами Иліады. И кто, видя все это, не сознался бы, что на насъ изъ чаши вылились самые подонки, приготовленные гнѣвомъ Господнимъ для нашихъ грѣховъ неестественныхъ? Кто, припоминая и обсуживая все это, не скорбѣлъ и не горевалъ бы во всю жизнь, приближаясь даже къ могилѣ? Какъ все тогда смѣшалось, и какъ городъ едва не былъ поднятъ на копье! Когда легко было взять его, а трудно защитить, тогда по крайнѣй мѣрѣ отъ воли непріятелей зависѣло, — пострадать ему, или не пострадать: когда же спасеніе его зависѣло уже отъ расчетовъ ихъ по пальцамъ и сохраненіе его — отъ ихъ великодушія, тогда не много было разницы, лучше сказать, было гораздо лучше сдаться городу скорѣе, чѣмъ не сдаваться долго. Ибо въ первомъ случаѣ могло быть непродолжительно страданіе; да и неизвѣстно, случилось ли бы то, что̀ бываетъ послѣ долгой осады; во второмъ случаѣ, при продолжительности ея, съ одной стороны раздраженіе жестокости непріятелей, еще не почувствовавшихъ жалости, съ другой, присоединеніе къ страданіямъ безславія отъ сострауданія ихъ, слишкомъ усиливаютъ болѣзненное чувство плѣна.

ξίαν, ἀλγεινοτέραν ποιεῖται τὴν συναίσθησιν τῆς αἰχμαλωσίας.

V. Ἆρα μέμνησθε τοῦ κλόνου, καὶ τῶν δακρύων καὶ τῶν ὀλολυγμῶν, εἰς ἃ τότε ἡ πόλις πᾶσα σὺν ἀπογνώσει τελευταίᾳ κατεφέρετο; Ἴστε τὴν νύκτα ἐκείνην τὴν ζοφώδη καὶ φοβεράν, ὅτε συμπάντων ἡμῶν ὁ τοῦ βίου κύκλος τῷ τοῦ ἡλίου κύκλῳ συγκατεδύετο, καὶ τὸ τῆς ζωῆς ἡμῶν φέγγος εἰς τὸ βαθὺ τοῦ θανάτου σκότος ἐβυθίζετο; Ἴστε τὴν ὥραν ἐκείνην τὴν ἀφόρητον καὶ πικράν, ὅτε κατέπλεον ὑμῖν αἱ βαρβαρικαὶ νῆες, ὠμόν τι καὶ ἄγριον καὶ φονικὸν ἀποπνέουσαι; ὅτε ἡ θάλασσα γαληνιῶσα καὶ ἀτρεμίζουσα τὰ νῶτα ἐξήπλωτο, αὐτοῖς μὲν τὸ πλοῦν ἡδὺ καὶ καταθύμιον παρεχομένη, τὰ δὲ τοῦ πολέμου κύματα καθ᾽ ἡμῶν ἐπεκύμαινεν ἀγριαίνουσα; ὅτε τὴν πόλιν παρεπορεύοντο, καὶ ἀνατείνοντες τὰ ξίφη ἠπείλουν κατὰ τῆς πόλεως; ὅτε πᾶσα μὲν ἐλπὶς ἀνθρωπίνη ἐξ ἀνθρώπων ἐῤῥύει, τῇ δὲ πρὸς τὸ θεῖον μόνῃ καταφυγῇ ἡ πόλις ἠσάλευεν; ὅτε σεισμὸς καὶ γνόφος κατεῖχε τοὺς λογισμούς, καὶ τὰ ὦτα πρὸς οὐδὲν ἠνέῳκτο ἕτερον, ἢ ὡς οἱ βάρβαροι τειχῶν εἰσήλασαν ἐντός, καὶ τοῖς ἐχθροῖς ἡ πόλις κεχείρωται; Τὸ γὰρ τοῦ συνενεχθέντος

V. Помните тотъ трепетъ, тѣ слезы и рыданія, кои тогда были во всемъ городѣ, впавшемъ въ крайнее отчаяніе? Помните ту мрачную и страшную ночь, когда жизнь наша догарала съ послѣдними лучами солнца, и заря бытія нашего поглощалась глубокимъ мракомъ смерти? Помните тотъ часъ несносный и горькій, когда въ виду нашемъ плыли варварскіе корабли, навѣвавшіе что-то свирѣпое и дикое и убійственное? когда это море, утихнувъ, трепетно разстилало хребетъ свой, содѣлывая плаваніе ихъ пріятнымъ и тихимъ, а на насъ воздымало шумящія волны брани? когда они проходили предъ городомъ, и угрожали ему, простерши свои мечи? когда вся человѣческая надежда убыла изъ человѣковъ, и единственное убѣжище оставалось только у Бога? Когда мракъ объялъ трепетные умы и слухъ отверзался лишь для одной вѣсти: «варвары уже перелѣзли черезъ стѣны; городъ уже взятъ непріятелями». Ибо неожиданность бѣдствія и нечаянность нашествія заставила всѣхъ воображать и слышать только это одно. Такая слабость, обыкновенно, появляется въ людяхъ и въ другихъ случаяхъ. Ибо чего они слишкомъ боятся по мнительности своей, то почитаютъ дѣйствительнымъ, хотя того и нѣтъ: а чего даже и не подозрѣвали, то хотя и виситъ надъ головами, но имъ ка-

ἀπροσδόκητον, καὶ τῆς ἐφόδου τὸ ἀνέλπιστον τοιαῦτα φαντάζεσθαι καὶ ἀκούειν ἀνέπειθεν ἅπαντας· εἰωθὸς μάλιστα τὸ πάθημα τοῦτο τοῖς ἀνθρώποις καὶ ἄλλως ἐπιφοιτᾶν· ὃ μὲν γὰρ ἐκτόπως δεδίασιν ἀκρίτῳ δόξῃ, καὶ μὴ παρὸν, ἑστάναι νομίζουσι· οὗ δ᾽ ὑπόνοιαν οὐ προέλαβον, αὐτεξουσίῳ γνώμῃ, καὶ φθάσαντος, πόῤῥω πέμπουσι. Ἦν ὄντως τότε πένθος καὶ θρῆνος καὶ οὐαί. Τότε κ. τ. λ.

Οἷδε γὰρ οἶδε κοινὴ συμφορὰ καὶ προσδοκωμένη μετανάστασις ἐπιγνώμονας τῶν ἐλαττωμάτων ποιεῖν, καὶ ἑαυτῶν γίνεσθαι, καὶ βελτίους ταῖς πράξεσι ἀπεργάζεσθαι.

жется, что до того еще далеко. Поистинѣ, тогда былъ плачь и вопль и увы! Тогда каждый дѣлался неумолимымъ судіею грѣховъ своихъ, не упрекая обвинителей въ напраслинѣ, дабы отклонить обвиненіе, не требуя посторонних уликъ и не извертываясь приглашеніемъ свидѣтелей для своего оправданія; тогда каждый, видя гнѣвъ Господа, сознавалъ свою винновность, и за безумное житіе не по заповѣдямъ считалъ себя достойнымъ наказанія, а вразумленный скорбнымъ опытомъ ближнихъ уклонялся отъ чувственныхъ наслажденій, перемѣнялся, уцѣломудривался, исповѣдовался Господу воздыханіями и слезами и возносилъ къ нему мольбы и прошенія свои. Ибо умѣло общее несчастіе и ожидаемое переселеніе, умѣло оно заставить насъ раскаяться въ грѣхахъ, образумиться, и приняться за добрыя дѣла.

VI. Когда же мы перемѣнились, когда совѣсть свою поставили неподкупнымъ судіею грѣховъ своихъ и, ослабленную, признали ее побѣдительницею, совершивъ отступленіе внутрь себя самихъ, когда умоляли Бога литіями и пѣснопѣніями, когда съ сокрушеніемъ сердца приносили покаяніе, когда во всю ночь, поднявъ руки къ Богу, просили у него помилованія, возложивъ на него всѣ надежды свои; тогда избавились отъ несчастія, тогда сподобились отмѣны постигшихъ насъ золъ, тогда узрѣли разсѣяніе грозы и уклоненіе отъ насъ гнѣва Господня, увидѣвъ удаленіе враговъ нашихъ и освобожденіе города, которому угрожало расхищеніе и раззореніе, тогда... Когда это? когда мы, лишенные всякой помощи и не имѣющіе никакой подмоги отъ людей, воодушевлялись надеждами на одну Матерь Слова и Бога нашего, Ее просили умолить Сына и умилостивить за грѣхи наши, Ея дерзновеніе призывали во спасеніе, Ее умоляли покрыть насъ покровомъ своимъ, какъ стѣною нерушимою, и сдержать

дерзость варваровъ, смирить ихъ гордость, защитить отчаянный народъ и поборать за собственную паству ея, когда Ея ризу носили всѣ до одного вмѣстѣ со мною для отраженія осаждающихъ и защиты осажденныхъ, и усердно совершали прилежныя моленія и литіи: тогда по неизреченному человѣколюбію, при Матернемъ дерзновенномъ ходатайствѣ, и божество преклонилось, и гнѣвъ Его утихъ, и помиловалъ Господь достояніе свое. По истинѣ, эта досточтимая одежда есть риза Богоматери. Носилась она вокругъ этихъ стѣнъ: и непріятели, не постижимо, какъ, обращали тылъ свой. Покрывала она городъ: и насыпь ихъ разсыпалась, какъ по данному знаку. Пріосѣняла она осажденныхъ: и осада непріятелей не удавалась сверхъ чаянія, которымъ они окрылялись. Ибо, какъ только дѣвственная риза эта обнесена была по оной стѣнѣ, и — варвары сняли осаду города, и — мы избавились отъ ожидаемаго плѣна, и сподобились нечаяннаго спасенія. Тогда Господь воззрѣлъ не на грѣхи наши, а на покаяніе, не вспомнилъ беззаконій нашихъ, но посмотрѣлъ на сокрушеніе сердецъ нашихъ, и склонилъ слухъ свой къ мольбамъ устенъ нашихъ. Неожиданно было нашествіе враговъ, но нечаянно и удаленіе ихъ; чрезмѣрно негодованіе, но неизреченна и милость; невыразимо устрашеніе ихъ, но посрамительно и бѣгство. Ихъ привелъ къ намъ гнѣвъ ихъ: но за ними, какъ мы видѣли, слѣдовала Божія милость и отвратила ихъ набѣгъ. Итакъ не обратимъ человѣколюбіе Его въ поводъ къ нерадѣнію, и милосердіе Его не примемъ за поощреніе къ лѣности, и тамъ, гдѣ началось наше спасеніе, не поста-

Ὄντως μητρὸς θεοῦ περιβολὴ ἡ πάνσεπτος αὕτη στολή. Αὕτη περιεκύκλου τὰ τείχη, καὶ τὰ τῶν πολεμίων ἀῤῥήτῳ λόγῳ ἐδείκνυτο νῶτα. Ἡ πόλις ταύτην περιεβάλλετο, καὶ τὸ χαράκωμα τῶν πολεμίων ὡς ἐκ συνθήματος διελύετο. Αὕτη ταύτην ἐστολίζετο, καὶ τῆς ἐλπίδος αὐτῶν, ἐφ᾽ ἧς ἐπωχοῦντο, ἐγυμνοῦτο τὸ πολέμιον. Ἅμα γὰρ τὸ τεῖχος ἡ παρθενικὴ στολὴ περιελήλυθε, καὶ τῆς πολιορκείας οἱ βάρβαροι ἀπειπόντες ἀνεσκευάσαντο, καὶ τῆς προσδοκωμένης ἁλώσεως ἐλυτρώθημεν, καὶ τῆς ἀδοκήτου σωτηρίας ἠξιώμεθα. Οὐ γὰρ ἐπέβλεψε Κύριος ἐπὶ τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν, ἀλλ᾽ ἐπὶ τὴν μετάνοιαν, οὐδὲ ἐμνήσθη τῶν ἀνομιῶν ἡμῶν, ἀλλ᾽ ἐπὶ τὸν συντριμμὸν ἐπεῖδεν τῶν καρδιῶν ἡμῶν, καὶ ἔκλινε τὸ οὖς αὐτοῦ τῇ ἐξομολογήσει τῶν χείλεων ἡμῶν. Ἀπροσδόκητος ἐπέστη ἡ ἔφοδος τῶν ἐχθρῶν, ἀνέλπιστος ἐδείχθη ἡ ἀναχώρησις αὐτῶν· ἐξαίσιος ἡ ἀγανάκτησις, ἀλλ᾽ ὑπὲρ λόγον τὸ ἔλεος· ἄφατος ἦν αὐτῶν ὁ φό-

βος, εὐκαταφρόνητοι γεγόνασι τῇ φυγῇ. Ὀργὴν εἶχον εἰς τὴν καθ᾽ ἡμᾶς ἐπιδρομὴν· συνελάυνουσαν ἀυτοὺς φιλανθρωπίαν ἕυρομεν θεοῦ, τούτων ἀναστέλλουσαν τὴν ὁρμήν. Μὴ οὖν τὴν φιλανθρωπίαν ἀφορμὴν ὀλιγωρίας ποιησώμεθα... κ. τ. λ.

вимъ воротъ, ведущихъ къ погибели, не разслабнемъ во время милости Его[1]), да не будетъ послѣднее горше перваго, и да не навлечемъ на себя проклятія, изреченнаго Іудеямъ устами Исаіи: «увы, народъ грѣшный, людъ исполненный грѣховъ! За чѣмъ уязвляетесь еще, прибавляя беззаконіе, такъ что уже негдѣ приложить ни пластыря, ни елея, ни перевязокъ» (Гл. 1. 4. 5. 6.).

VII. Такъ, возлюбленные, не будемъ виновниками столькихъ несчастій, и не забудемъ тѣхъ обѣтовъ, которые дали мы Богу, когда видѣли ту страшную тучу, что̀ висѣла въ виду нашемъ. Ибо вы знаете, всѣ знаете, бывъ научены совѣстію своею: ка̀къ въ то время иной, сдѣлавшій что либо несправедливое, обѣщался предъ Богомъ не дѣлать того впредь, другой, растлившій тѣло блудомъ, возненавидѣлъ любострастіе и добровольно далъ обѣтъ цѣломудрія, а преданный пьянству протрезвился и обѣщался не пить во всю жизнь, жестокосердый и безчеловѣчный сталъ милостивъ, прося у Бога помилованія подъ залогъ милосердія къ ближнимъ, досадитель друзьямъ и губитель согражданъ, палачь рабовъ и тиранъ свободныхъ людей, смягченный слезами и стонами, укрощалъ свирѣпый нравъ свой и дѣлался смиренъ. Было что посмотрѣть тогда! Гордые смирились; сластолюбцы постились; у весельчаковъ и игроковъ слезы ручьями текли по щекамъ; ростовщики, копившіе деньги, раздавали ихъ бѣднымъ, оплевавъ недугъ сребролюбія; и вообще сказать: всѣ сознавая слабости свои, съ великимъ усердіемъ разрушали все старое и созидали все вновь, и каждый, кто жилъ худо и безпечно, руками и ногами и всѣми силами давалъ знать, что онъ будетъ служить образцомъ добродѣтели, и рѣшался и обѣщался впредь исполнять всѣ обѣты чистосердечно и неуклонно. Пусть же помнитъ это всякій. Пусть никто не забывается, и обѣщаній своихъ не сбываетъ какъ нибудь; ибо забвеніе ихъ умѣло воспламенить гнѣвъ Божій. Да при томъ и Матерь Слова и Бога нашего мы представили Ему порукою своихъ обѣтовъ: и ихъ-то человѣколюбіе посѣтило насъ и избавило отъ плѣна. Все

[1]) Μηδὲ καταμαλακισθῶμεν ἐν τῷ ἐλέει ἀυτοῦ.

это перечистивъ и посѣявъ въ сердцахъ своихъ, мы пожали плоды покаянія, и улучшивъ нравы, освободились отъ бѣдъ. А положивъ такое основаніе новаго житія, не будемъ скоплять хворостъ, или сѣно, или тростникъ, то есть, удобовозгараемый матеріалъ грѣховъ, испепеляющій всѣхъ, кто только навьюченъ имъ: напротивъ, будемъ строить зданіе изъ золота и серебра — изъ добросовѣстныхъ и чистыхъ дѣлъ, въ которыхъ нѣтъ яда лукавства, да послужитъ оно намъ нерушимымъ кровомъ и священнымъ убѣжищемъ во время напастей. Не станемъ обращаться вспять, да не будемъ осуждены за то, что оказались неготовы въ царство небесное. Не будемъ дѣлать худыхъ дѣлъ, дабы вслѣдъ за ними не воротились минувшія бѣды, и не остались у насъ навсегда. Да обратится каждый отъ злыхъ дѣлъ своихъ всѣмъ сердцемъ своимъ, взвѣшивая и испытывая себя самого: «какими поступками своими съумѣлъ оскорбить Бога такъ, что подвергся такому гнѣву Его; за какіе чрезвычайные пороки даны такіе страшные уроки; какія дѣла воспламенили на насъ ярость его, и какія способствовали къ тому, что насъ пріосѣнило облако человѣколюбія Его; чѣмъ заслужена кара, и какъ отклонено пораженіе; за что мы изъязвлены, и какъ исцѣлѣли отъ ранъ». «Ибо если мы все это пересмотримъ, если испытаемъ себя такимъ образомъ, и затвердимъ этотъ урокъ; то я увѣренъ, что Господь впредь ущедритъ намъ милость свою. «Ибо онъ близокъ ко всѣмъ, призывающимъ «Его истинно, и волю боящихся Его исполнитъ, и молитву ихъ услышитъ, «и спасетъ ихъ, потому что онъ есть защита всѣхъ уповающихъ на него»[1]). А если мы будемъ грѣшить по прежнему, — но дай Богъ, чтобы у васъ не оказался ни одинъ такой безчувственный и неисправимый, которому ни почемъ толикое и такое богоправедное наказаніе, — если осквернимся тѣми же страстями, и загрязнимся тою же тиною сластей, если не очистимся прилежнымъ покаяніемъ, и если минувшія печали не научатъ насъ поберечь себя для вѣчной жизни: то, увы, какую снова приготовимъ себѣ гибель! какую ископаемъ глубь несчастій! сколько наживемъ себѣ зимнихъ бѣдъ, взбѣсившись на себя самихъ! Ибо Писаніе говоритъ: «ежели вы не обратитесь, (къ Богу) то Онъ отточитъ свой мечь». Еще: «Онъ натянулъ свой лукъ и приготовилъ Его». Еще: «одождитъ на грѣшниковъ сѣти, огонь

[1]) Псал. 144, 18.

и сѣру: и духъ бурный часть чаши ихъ[1])». Еще: «огонь и градъ, голодъ и смерть, мечь и бичь, все это создано для грѣшниковъ[2])». — Нѣтъ намъ надобности въ чужихъ примѣрахъ для собственнаго вразумленія: своего опыта достаточно для нашего исправленія и умудренія, своихъ страданій — для нашего исцѣлѣнія, своихъ минувшихъ бѣдъ — для предупрежденія золъ будущихъ. Ибо когда мы жили роскошно, безпутно и сладострастно, о прочемъ и не говорю уже; тогда увидѣли, что гнѣвъ Господа стремится на насъ, какъ туча града на плоды. Но пораженіе остановлено покаяніемъ:

Ἔστη ἡ θραῦσις τῇ μετανοίᾳ, μὴ κινήσωμεν αὐτὴν τῇ ἀμελείᾳ. Κατεπραΰνθη ὁ θυμὸς αὐτοῦ τοῖς τῶν δακρύων ἡμῶν ὀχετοῖς, μὴ ἀνάψωμεν πάλιν αὐτὸν βρασμῷ γέλωτος ἀκρατοῦς, καὶ θυμελικῶν ἀθυρμάτων ἐνδελεχισμοῖς. Ἡ καθ' ἡμῶν ἠκονημένη συνεστάλη ῥομφαία λιταῖς καὶ δεήσεσι ὑποχωρήσασα, μὴ στιλβώσωμεν πάλιν αὐτὴν δείπνοις καὶ μέθαις καὶ θεραπείᾳ τοῦ ἀκολάστου σχολάζοντες γαστρός. Τοῦ στεναγμοῦ τῆς καρδίας ἡμῶν καὶ τῆς βοῆς ἐκείνης ἤκουσεν ὁ θεὸς καὶ οὐχ ὑπερεῖδε, μὴ παυσώμεθα τοῦτο ποιεῖν, ἵνα διὰ παντὸς ἡμῖν ἡ θεόθεν φιλανθρωπία ἐπικουρῇ. Κακὸν ἡ μέθη. Κακὸν ἡ πορνεία. Κακὸν τὸ ἀδικεῖν. Κακὸν ἡ μισαδελφία, ἡ κατὰ τοῦ πλησίον ὀργή, ἡ ὑπεροψία, ὁ φόνος, ὁ φθόνος. Κακὸν ἡ ῥαθυμία καὶ ἡ ἀμέλεια. Φύγωμεν ταῦτα

не привлечемъ же его нерадѣніемъ. Гнѣвъ его погашенъ потоками нашихъ слезъ: не воспламенимъ же его снова кипучимъ и несдержимымъ смѣхомъ и безпрерывными музыкальными потѣхами. Отточеный на насъ мечь удержанъ литіями и моленіями: не изостримъ же еко паки вечеринками и попойками и угожденіемъ ненасытному чреву. Услышалъ Богъ стенаніе сердца нашего и не презрѣлъ воплей нашихъ: не прекратимъ же ихъ, да всегда помогаетъ намъ человѣколюбіе Божіе. Худое дѣло пьянство. Худое дѣло блудъ. Худое дѣло неправда. Худое дѣло ненавись къ братьямъ, гнѣвъ на ближняго, гордость, убійство, зависть. Худое дѣло лѣность и безпечность. Будемъ же избѣгать сего, возлюбленные, сколько можемъ. Общи страсти у бояръ, богачей, бѣдняковъ, мущинъ и женщинъ: да будетъ же и исправленіе общее. Все это воспламеняетъ гнѣвъ Божій. Все это скопляетъ грозу, отвращаетъ человѣколюбіе, готовитъ намъ униженіе предъ врагами, и возвышаетъ ихъ бранную силу.

[1]) Псал. 10, 6. То есть, въ чашѣ у нихъ, вмѣсто вина, бурный вѣтеръ. Они, глотаютъ его. — [2]) Сирах. 39.

πάσῃ δυνάμει, ἀγαπητοί. Κοινὰ τὰ πάθη ἀρχόντων, πλουσίων, πενήτων, ἀνδρῶν, γυναικῶν· κοινὰ γενέσθω καὶ τὰ κατορθώματα. Ταῦτα τὴν ὀργὴν ἐκκαίει τοῦ θεοῦ. Ταῦτα τὴν ἀπειλὴν αὐξάνει, τὴν φιλανθρωπίαν ἀναστέλλει, καὶ ταπεινοὺς μὲν παρασκευάζει ἡμᾶς τοῖς ἐχθροῖς, ὑπερυψοῖ δὲ τὸ πολέμιον καθ᾽ ἡμῶν. Ταῦτα βδελυξώμεθα καὶ ἀποστραφῶμεν ἐκ ψυχῆς, ἵνα μὴ τὴν ἀπὸ θεοῦ καταδικασθῶμεν ἀποστροφήν.

Отвратимся же отъ этихъ мерзостей всею душею, да не будемъ наказаны отвращеніемъ отъ насъ Бога. Ибо и древній Израиль, когда овладѣвали имъ страсти, погибалъ подъ лезвеемъ меча. Тотъ Израиль, который слылъ не побочнымъ племенемъ и не презрѣннымъ народомъ, но славился какъ отмѣрянный удѣлъ, и ублажаемъ былъ какъ народъ благополучный, и онъ, при такихъ преимуществахъ, когда грѣшилъ, бичуемъ былъ врагами, а когда исправлялся, одолѣвалъ ихъ и овладѣвалъ ими; и онъ, когда соблюдалъ заповѣди, тогда оружіемъ добывалъ чужую землю и весело жилъ чужими трудами: когда же пренебрегалъ закономъ, тогда, отходя въ плѣнъ, видѣлъ, какъ враги селятся на родной землѣ его, поя побѣдныя пѣсни и приплясывая съ подскокомъ. И это премудро и справедливо. Ибо народу возлюбленному и богоизбранному не должно надѣяться на крѣпость рукъ своихъ, величаться силою мышцъ своихъ, опираться на запасныя оружія, а надобно овладѣвать супостатами и господствовать надъ ними съ помощію Всевышняго, помощь же Его умѣть снискивать наилучшими дѣлами и множествомъ доблестей. Если же кто утратилъ добродѣтель и чистоту нравовъ, тотъ неизбѣжно лишается и Божіей помощи: а кто украсилъ жизнь свою добрыми дѣлами, какъ бронею, тотъ добродѣтель дѣлаетъ необоримою союзницею и помощницею противъ враговъ. Но если народъ Божій силенъ и побѣдоносенъ съ помощію Бога; то прочіе народы, у которыхъ понятіе о божествѣ погрѣшительно, не своими благодѣяніями, а нашими худыми дѣлами увеличиваютъ свою силу, и такъ державятъ и величаются надъ нами. Ибо они сберегаются для насъ, какъ бичи, и бичуютъ наши грѣхи. Однако господство надъ нами предоставляется имъ на столько времени, на сколько ополчаются на насъ страсти, и на сколько мы склоняемся и стремимся къ злу, и оставляемъ тотъ порядокъ, въ который поставилъ насъ спасительный и божественный законъ. Итакъ, когда мы, исправляясь, приближаемся къ Богу, тогда удается намъ и дер-

жавить надъ врагами при сдержаніи страстей: а грѣша мы навлекаемъ на себя гнѣвъ Божій, и впадаемъ въ руки враговъ. Какъ же не убѣгать намъ отъ беззаконій, какъ не гнушаться ими, и какъ не преуспѣвать въ добродѣтеляхъ, какъ не украшаться ими, и не совершенствоваться въ теченіи всей жизни? Какъ отважился бы кто одолѣть враговъ, когда у себя питаетъ разрушительные раздоры и вражды, когда неразумная ярость овладѣваетъ самодержавнымъ умомъ и склоняетъ убить ближняго, который, быть можетъ, не сдѣлалъ никакой неправды? Какъ тебѣ побѣдить непріятелей, когда чувственныя похотѣнія подчиняютъ себѣ самодержавный умъ твой, и водятъ и переводятъ его, какъ раба, куда велитъ страсть? Какъ достался бы вѣнецъ побѣды надъ супостатами такимъ изнуреннымъ рабамъ? Невозможно, совершенно не возможно одолѣть враговъ внѣшнихъ тому, кто, какъ плѣнникъ, связанъ врагами домашними, и преданъ страстямъ. Итакъ если мы желаемъ низложить враговъ первыхъ, то напередъ постараемся покорить враговъ вторыхъ, и прекратимъ ихъ распри и раздоры. Пусть страстями правитъ умъ: тогда мы одолѣемъ и тѣхъ внѣшнихъ непріятелей, которымъ попущено воевать и уязвлять насъ. Ибо если ты свой умъ, который далъ тебѣ Богъ, какъ самодержца, подчинилъ чувственнымъ удовольствіямъ, какъ раба; то какъ желаешь сдѣлаться властелиномъ надъ врагами, посланными противъ тебя извнѣ? Какъ тебѣ совладѣть съ бѣдами, когда умъ твой ежедневно бываетъ добычею внутреннихъ несогласій и навѣтовъ? Напередъ удалимъ отъ себя мятежные умы, и потомъ легко обезсилимъ силу иноплеменниковъ. Не извѣстно ли, что когда Израиль сдерживалъ свои страсти, тогда одолѣвалъ и враговъ, потому что сoратовалъ съ нимъ Богъ, когда же порабощался грѣхамъ, тогда предаваемъ былъ непріятелямъ, потому что его оставляла соратующая сила Божія? Этотъ народъ, благоугождая Богу, посредствомъ Моисея избѣгъ страш-

Πῶς δ' ἂν τίς καὶ κατισχύσαι θαῤῥήσῃ ἐχθρῶν, ὅτε τοὺς ἐν αὐτῷ πολεμίους καὶ τὰς στάσεις ἔνδον θάλπει πορθοῦντας αὐτὸν, ὅτε θυμὸς ἄλογος τοῦ αὐτοκράτορος λογισμοῦ κρατεῖ, καὶ κατὰ τοῦ πλησίον, μηδὲν ἴσως ἠδικηκότος, ἀναπείθει φόνον; Πῶς σοὶ πολεμίους περιεῖναι τὸ νικᾶν ζητεῖς, ὅτε τὸ λίχνον τῆς ἐπιθυμίας ὑποχείριον λαβὸν τὸν αὐτοδέσποτον λογισμὸν ἕλκει τε καὶ μεθελκίει περιάγον καὶ δουλαγωγοῦν, ἔνθα ἂν ἐπιτάττῃ τὸ πάθος; κ. τ. λ.

наго и тяжкаго рабства у Египтянъ. Да и не это одно удалось ему, а и бурное море чудно сдѣлалось удобопроходимою стезею для него, гонящимъ же его Египтянамъ — вѣчною могилою, въ которой страшно погибли и кони и колесницы ихъ и самъ Фараонъ, тогда какъ возлюбленный Богомъ народъ радовался и веселился, и въ восторгѣ пѣлъ исходную пѣснь вождю и побѣдителю Богу. Но онъ же, въ другое время, когда возроптал и началъ войну безъ повелѣнія Божія, и надѣяніе на самодѣльный уставъ свой предпочелъ Божіей волѣ, тогда былъ разбитъ наголову, побѣжденъ, и своимъ прегрѣшеніемъ усилилъ державу непріятелей, и возвысилъ ихъ славу. Опять, онъ же, когда ополчался по волѣ Божіей и повиновался приказаніямъ Моисея, тогда опустошалъ многіе города непріятелей, пріобрѣталъ множество рабовъ, получалъ большую добычу, радовался и ликовалъ. И его радость и веселіе о побѣдѣ не прекращались бы, если бъ неблагодарность не ополчила противъ него змѣй, тогда какъ не было народа, который мечемъ доказалъ бы, какъ справедливо гнѣвается Богъ за неблагодарность его. Такъ карается народъ грѣшный. То, мечи враговъ пожинаютъ его, то, зубы зверей пожираютъ его, то землетрясеніе, или нестерпимый зной караетъ его, то небесныя молніи испепеляютъ его, то безплодіе угнетаетъ его, то порча воздуха портитъ его. Нѣтъ недостатка въ наказаніяхъ, соотвѣтствующихъ искусству грѣшить. Избѣгаетъ ли кто одного изъ нихъ, постигается другимъ, уклоняется ли и отъ этого какимъ либо образомъ, карается иначе. Вообще, жизнь беззаконная и повинная осужденію не обходится безъ наказанія. Нужно ли перечислять всѣ прочія обстоятельства Израиля, побѣды его надъ врагами, когда онъ былъ благоразуменъ, нанесенныя ему пораженія нечаянныя, когда онъ безумствовалъ, его плѣнъ и возвращеніе изъ плѣна, возстаніе и потомъ благостояніе, разрушеніе Іерусалима и построеніе его вновь? Достаточно сказать, что за добрыя дѣла ему было воздаяніе благое, а за худыя — страшное. Итакъ, возлюбленные, имѣя въ виду свои собственныя несчастія и примѣры древняго Израиля, показанные для нашего исправленія, возненавидимъ грѣхи и возлюбимъ добродѣтели, и удалимся отъ круговыхъ и душевредныхъ беззаконій, отъ пьянства, блуда, зависти, злорѣчія, любостяжанія, неправды, превозношенія, ненависти къ братьямъ, и всѣхъ

исчадій ихъ, да получимъ даръ побѣды на браняхъ, и да не лишимся и небеснаго наслѣдія.

VIII. Но такъ какъ мы уже избавились отъ грозы, избѣжали меча, и губитель миновалъ насъ, покрытыхъ ризою Матери Слова — этимъ достояніемъ нашимъ; то всѣ вмѣстѣ съ нею воспоемъ благодарственныя пѣсни рожденному изъ нея Христу Богу нашему, всякій домъ избѣжавшій меча, всякій возрастъ, жены, дѣти, юноши и старцы. Ибо кому угрожала общая погибель, тѣ должны всѣ съобщà воспѣть Бога и Матерь Его голосами преподобными. Мы сподобились общей свободы: принесемъ же и благодареніе общее. Скажемъ Матери Слова съ искренностію чистой души: «мы вѣруемъ въ тебя несомнѣнно и любимъ тебя крѣпко. Сама ты спасай градъ твой, какъ знаешь, и какъ хочешь. Тебя мы предпоставляемъ, какъ оружіе и стѣну, какъ щитъ и воеводу. Сама ты ратуй за людей твоихъ. А мы потщимся представить тебѣ чистыя сердца свои, напряженно исторгнувъ себя изъ тины страстей. Сама раззори совѣты гордыхъ враговъ нашихъ. А если мы и не исполнимъ чего либо заповѣданнаго намъ, твое дѣло исправить насъ, твое дѣло подать руку преклонившимъ колѣна, и поднять ихъ изъ праха». Скажемъ это Дѣвѣ, но не солжемъ, да не оболжется благая надежда наша, да не обманется чаяніе наше, да не погибнемъ въ житейскихъ треволненіяхъ и въ пучинахъ бѣдъ, и да войдемъ въ пристань нашего спасенія, и сподобимся славы небесной благодатію и человѣколюбіемъ Христа истиннаго Бога нашего, которому подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, какъ и Отцу и Духу святому, Троицѣ единосущной и живоначальной, нынѣ, всегда и во вѣки. Аминь.

ЕГО ЖЕ БЕСѢДА,

ГОВОРЕННАЯ СЪ АМВОНА ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ, ВЪ ВЕЛИКУЮ СУББОТУ, ВЪ ПРИСУТСТВІИ ХРИСТОЛЮБИВАГО ЦАРЯ, КОГДА ОТКРЫТЪ БЫЛЪ ЖИВОПИСНЫЙ ОБРАЗЪ БОГОМАТЕРИ.

I. Если бы кто учился молчать во всю жизнь, то въ настоящій день заговорилъ бы по всѣмъ правиламъ витійственнаго искусства...

(Такъ начинается эта Бесѣда, и спустя немного продолжается).

...Такимъ угощеніемъ увеселяетъ насъ написанный образъ Дѣвы, упоевая не чашами вина, а прекраснымъ видомъ, такъ что умъ нашей души, насытившись имъ при посредствѣ тѣлеснаго зрѣнія, и по любви къ божественному напечатлѣвши въ себѣ это произведеніе Православія, живѣе представляетъ себѣ истину и плодотворность ея. Такимъ образомъ благодать Дѣвы радуетъ, воодушевляетъ и укрѣпляетъ насъ и посредствомъ иконъ. — Се, Дѣва-Матерь въ чистыхъ объятіяхъ своихъ носитъ, какъ младенца, общаго Создателя, склонившагося спасти весь родъ нашъ. Велика и неизреченна сія тайна смотрѣнія Божія! Се, Дѣва-Матерь смотритъ дѣвственно и вмѣстѣ матерински, и по этой обоюдности въ *одинаковомъ* лицѣ своемъ обнаруживаетъ *два* дѣйствія воли своей, вполнѣ выражая въ немъ не одну дѣвственность, но и материнство: — знать, живописецъ вдохновленъ былъ свыше: такъ вѣрно подражалъ онъ природѣ!! — ибо она съ внутреннимъ восторгомъ *сострастно*[1]) смотритъ на Рожденнаго, склонивъ къ Нему лице

Πάρθενος-Μήτηρ ἁγναῖς ἀγκάλαις τὸν κοινὸν φέρουσα πλάστην, ἐις κοινὴν τοῦ γένους σωτηρίαν ὡς βρέφος ἀνακλινόμενον· τὸ μέγα τοῦτο καὶ ἄφραστον τῆς οἰκονομίας μυστήριον· Πάρθενος-Μήτηρ, παρθένον ἅμα καὶ μητρικὸν ὁρῶσα, καὶ πρὸς ἄμφω τὰς σχέσεις ἐν *ἀμερίστω* σχήματι *μεριζομένη* τὸ βέλημα, καὶ μηδ᾽ ἕτερον μέρος τῷ ἀτελεῖ ἐξυβρίζουσα· — ὑπόκρισις ἆρα τῆς ἄνωθεν ἐπιπνοίας ἡ ζωγράφου τέχνη· οὕτως ἀκριβῶς εἰς φύσιν τὴν μίμησιν ἔστηκε!

---

[1]) Нѣжно.

—Καὶ γὰρ οἱονεὶ τῇ μὲν στοργῇ τῶν σπλάγχνων τὴν ὄψιν πρὸς τὸ τεχθὲν συμπαθῶς ἐπιστρέφουσα, οἷα δὲ τῷ ἀπαθεῖ καὶ ὑπερφυεῖ τοῦ τόκου εἰς ἄσχετον ἅμα καὶ ἀτάραχον ἁρμοζομένη κατάστημα διαθέσεως, παραπλησίον φέρει τὸ ὄμμα σχηματιζόμενον. Εἴποις ἂν αὐτὴν, μηδ᾽ εἴτις ἐπερωτῴη, πῶς δὲ παρθενέυεις καὶ τέτοκας, μηδ᾽ ἂν τὸ φθέγξασθαι παραιτήσασθαι. Οὕτω διεσαρκώθη τὰ χείλη τοῖς χρώμασι, ὥστε καὶ συνεπτύχθαι μόνον καὶ ἠρεμεῖν, ὡς ἐν μυστηρίῳ, ἄλλ᾽ οὐκ ἔχειν δι᾽ ὅλου τὴν ἡσυχίαν ἀκίνητον, οὐδὲ μιμήσει τὴν μορφὴν ἐνωραΐζεσθαι, ἄλλ᾽ αὐτόχρημα τυγχάνει ἀρχέτυπον. Ὁρᾶς, ὅιου κάλλους τὸ τῆς ἐκκλησίας ἐχήρευε πρόσωπον; ὅσης δὲ λαμπρότητος ἀπεστέρητο; ἡλίκων δὲ χαρίτων σκυθρωπὸς ἐκράτει κατήφεια;

свое, а по причинѣ безстрастнаго и сверхъестественнаго рождества удерживаетъ невозмутимое и спокойное состоянiе души, отчасти выражая оное и во взорѣ своемъ. Смотря на нее, ты сказалъ бы, что она и безъ чьего либо вопроса, — какъ же ты дѣвствуешь, когда родила? — не отказывается говорить. Такъ живо красками написаны уста ея! Они сжаты и умолкли отъ какой-то тайны, однако нѣтъ въ нихъ и неподвижнаго спокойствiя. Во всемъ ликѣ не видно никакой искуственной прикрасы: напротивъ онъ какъ бы живый первообразъ. Смотри, какого украшенiя лишена была церковь! Какой славы недоставало ей! И какую красоту замѣняла угрюмость!

II. Иконоборство есть озорничество ничѣмъ не меньшее дерзости Iудеевъ. А почитанiе иконъ есть блистательное проявленiе ума боговдохновеннаго и той любви къ Господу, которая усовершала тайноводственный ликъ апостоловъ, окрыляла страстотерпцовъ во время ихъ шествiя къ побѣднымъ вѣнцамъ, а пророкамъ, этимъ языкамъ Бога, которые знали и вѣрно прорицали людямъ будущее, доставляла неувядаемую славу. Всѣ эти подвиги и дарованiя, по истинѣ, были плодъ этой искреннѣйшей и божественной любви. Она же установила и почитанiе честныхъ иконъ, какъ ярая и скверная ненависть причинила истребленiе ихъ.

III. Иконоборцы, лишивъ невѣсту Христову — Церковь собственнаго

украшенія ея, и нанесши ей такія глубокія раны, какими изрыто было все лице ея, съ бѣшенствомъ усиливались погубить ее въ пучинѣ забвенія, обнаженную, лишенную образовъ[1]) и покрытую многими язвами, подражая тѣмъ Іудейскому безумію. Но теперь она, хотя еще и носитъ на тѣлѣ своемъ слѣды этихъ язвъ въ обличеніе Христоборнаго мудрованія Исавра, но загладивъ ихъ и облекшись въ велелѣпіе славы своей, преображается и восприемлетъ прежнюю сановитость свою, посрамляя многихъ, гордыхъ, ругателей своихъ, и сожалѣя о безуміи ихъ, по истинѣ, безпримѣрномъ. — Настоящій день если бы кто назвалъ началомъ и днемъ Православія, дабы не сказать полновѣснѣе, тотъ не погрѣшилъ бы въ должномъ. Ибо хотя и не короткое время прошло съ той поры, когда померкло мудрованіе иконоборной ереси, и когда во всѣхъ концахъ вселенной возсіяли правые догматы, возженные по царскому, священному повелѣнію: — мое и это украшеніе, а подвигъ боголюбезной Державы! — но это око вселенной, этотъ знаменитый и божественный храмъ, въ которомъ изглажены были священныя изображенія, еще угрюмъ былъ, потому что еще не получилъ права возстановленія иконъ, и входящихъ въ него поражалъ блѣдною пустотою облицовки, а отъ этого и Православіе казалось угрюмымъ. А теперь невѣста Христова, не имѣя этой угрюмости, и благопристойно украсившись всѣми убранствами своими, и нося все богатое приданое свое, радостная, веселая, весело слышитъ громкій голосъ жениха своего, говорящаго: «вся хороша ближняя моя, и недостатка нѣтъ въ ней[2])». **Хороша ближняя моя!** Она жи-

Ταύτην τὴν ἡμέραν εἴ τις ὀρθοδοξίας ἀρχὴν καὶ ἡμέραν, ἵνα μηδὲν ὑπέρογκον εἰπῶ, καλέσειεν, οὐκ ἂν ἁμάρτοι τοῦ δέοντος. Καὶ γὰρ εἰ καὶ οὐ βραχὺς ὁ χρόνος, ἐξ οὗ τῆς εἰκονομαχικῆς αἱρέσεως ἀπηθαλώθη τὸ φρόνημα, καὶ τὰ τῶν ὀρθῶν δογμάτων εἰς πάντα τῆς οἰκουμένης περιηυγάσθη τὰ πέρατα, βασιλικῷ καὶ θείῳ προστάγματι φρυκτορούμενα: — ἐμὸν καὶ τοῦτο καλλώπισμα· τῆς γὰρ αὐτῆς θεοφιλοῦς βασιλείας ἀγώνισμα: — ἄλλ' οὖν ἐπείπερ ὁ τῆς οἰκουμένης ὀφθαλμὸς, ὁ περιώνυμος οὗτος καὶ θεῖος ναὸς, οἱονεὶ τὰ τῆς ὁράσεως ἐκκεκολαμμένος μυστήρια, ἐσκυθρώπαζε: τῆς γὰρ εἰκονουργικῆς ἀναστηλώσεως οὔπω ἀπειλήφει τὸ δικαίωμα: ἀμυδρὰς τοῖς προσιοῦσι τὰς ἀκτῖνας ἠφίει τῆς ὄψεως, καὶ στυγνὸν ἐπὶ τούτοις τὸ τῆς ὀρθοδοξίας ἐδείκνυτο πρόσωπον. Νῦν δὲ καὶ ταύτην ἀπο-

[1]) ἄμορφον = безъобразную. — [2]) Пѣснь пѣсней, 4, 7.

τιθέμενη τὴν σκυθρωπότητα, καὶ τοῖς οἰκείοις πᾶσι ἐνωραϊζομένη καὶ διαπρέπουσα ἀγλαΐσμασι, καὶ τὸν πλέσιον αὐτῆς προῖκα φέρουσα, καὶ χαίρουσα, φαιδρὰ φαιδρῶς ὑπακούει τῆς τοῦ νυμφίου φωνῆς, διακεκραγότος καὶ λέγοντος: «ὅλη καλὴ ἡ πλησίον μου, καὶ μῶμος οὐκ ἔστιν ἐν αὐτῇ». Καλὴ ἡ πλησίον μου. Τῇ γὰρ τῶν δογμάτων ὀρθότητι τὰ τῶν χρωμάτων ἄνθη κεράσασα, καὶ κάλλος ἱερὸν ἱεροπρεπῶς αὐτῇ δι' ἀμφοῖν ἐμμορφώσασα, καὶ οἱονεὶ ὅλην δι' ὅλου καὶ παντέλειον ἀγαλματοφοροῦσα τὴν εὐσέβειαν, οὐ παρὰ τοὺς υἱοὺς τῶν ἀνθρώπων ὡραία κάλλει γνωρίζεται, ἀλλὰ καὶ παρ' οὕς τινας οὖν ἑτέρους εἰς ἄφραστον εὐπρεπείας ἐξήρτυται ὡραιώτητα. «Ὅλη καλὴ ἡ πλησίον μου:» τὰς πληγὰς διαπέφευγε, τῶν τραυμάτων ἐλευθέρωται, τοὺς σπίλους ἀπεῤῥίψατο, τοὺς ὑβριστὰς ἐταρτάρωσε, τοὺς ὑμνητὰς ὑπερύψωσε. «Καὶ μῶμως οὐκ ἔστιν ἐν αὐτῇ:» τῶν στιγμάτων κρεῖσσων γέγονεν, οἷς ἀλλόφυλος καὶ μειαρὰ χεὶρ ὅλον αἰκιζομένη τὸ σῶμα κατέστιξε. Τούτων ἁπάντων τὰς κηλίδας ἀπεσμήξατο, τὸν νυμφικὸν καὶ ἀρχαῖον ἐπανῃρημένη κόσμον περιέθετο. κ. τ. λ.

вописью расцвѣтила истины правой вѣры, и такимъ образомъ священноприлично придала себѣ священное благолѣпіе, и какъ бы изваяла все сполна вѣроученіе свое совершенное, и потому не одними сынами человѣческими признается прекрасною, но и боговдохновенными мужами предвосхвалена, какъ красота неизреченная. **Вся хороша ближняя моя.** Отъ пораженій укрылась, отъ язвъ исцѣлилась, прахъ отрясла, ругателей низринула въ тартаръ, пѣвцовъ превознесла до неба. **Недостатка нѣтъ въ ней.** Она лучше стала послѣ того, какъ иноплеменная и скверная рука изъязвила все тѣло ея. Раны ея зажили; старинное убранство ея все на ней, какъ на невѣстѣ. «Увидѣли ее дѣвы и ублажаютъ ее царицы и восхваляютъ: кто она, проницающая какъ утро? прекрасная, какъ луна, и превосходная, какъ солнце [1])»? Это благолѣпіе ея, это царственное убранство ея описалъ свыше вдохновенный Давидъ, когда владыкѣ и царю всѣхъ пѣлъ пѣснь: «предстала царица съ правой стороны твоей, облеченная въ одежду позлащенную и испещренную [2]). Стопы ея украшены [3])». Это благолѣпіе ея провидѣлъ и Исаія, когда вѣщалъ: «встань Сіонъ, какъ въ началѣ дня, какъ новое поколѣніе вѣка; ибо на головѣ твоей веселіе и хвала: и обыметъ тебя радость. Это я, это я утѣшаю тебя, говоритъ Господь [4]). Вотъ я на рукахъ моихъ живописалъ стѣны твои, и ты предо мною

[1]) Пѣснь пѣсн. 6, 8. 9. — [2]) Псал. 44, 10. — [3]) Пѣснь пѣсн. 7, 2. — [4]) Исаія 51, 9. 11. 12.

всегда [1])». Это же провидѣла и сама она, и устами Исаіи возгласила, говоря: «да возрадуется душа моя о Господѣ; ибо онъ облекъ меня въ ризу спасенія и въ одежду веселія: возложилъ на меня, какъ на жениха, вѣнецъ, и какъ невѣсту, украсилъ меня красотою [2]): и я буду уже, не какъ покинутый городъ, а какъ вожделѣнный, и какъ прекрасный вѣнецъ въ рукѣ Господней и царская діадима въ рукѣ Божіей [3])». При этомъ торжествѣ и мы, въ веселіи и радости душевной, составивъ ликъ и празднуя обновленіе почитанія иконъ, сего дня вѣщаемъ устами пророковъ: «Вельми радуйся дщерь Сіона. Проповѣдуй дщерь Іерусалима. Отъялъ Господь обиды твои. Избавилъ тебя отъ руки враговъ твоихъ [4]). Возведи окрестъ очи твои, и посмотри на собранныхъ чадъ твоихъ. Вотъ всѣ сыны твои и дочери твои пришли къ тебѣ издалека и принесли тебѣ [5]), не золото, не ливанъ, не дорогіе камни, не эти произведенія земли, обогащающія святилище по человѣческому закону, но чистѣйшую паче всякаго золота и драгоцѣннѣйшую паче всѣхъ камней, отеческую, неповрежденную вѣру. Радуйся и веселись отъ всего сердца твоего. Ибо вотъ идетъ Господь, и водворится у тебя [6]).

IV. Что лучше настоящаго дня? Что воодушевительнѣе и радостнѣе нынѣшняго празднества? Сего дня иное жало вонзено въ самое сердце смерти, не положеніемъ Спасителя въ мертвенный гробъ для общаго воскресенія рода нашего, а возстаніемъ иконы Матери Его изъ самыхъ глубинъ забвенія, и сопоставленіемъ подлѣ нея прочихъ святыхъ образовъ.

V. Христосъ пришелъ во плоти, и былъ носимъ въ объятіяхъ Родившей Его. Это видится и на иконахъ, и ими подтверждается и возвѣщается, такъ что сіе ученіе, уясненное такимъ нагляднымъ образомъ, принимается зрителями съ увлеченіемъ неудержимымъ. — (Если же кому не́любо такое наставленіе посредствомъ иконъ; то почему онъ прежде не возненавидѣлъ евангельскаго слова о томъ?) — Ибо какъ слово посредствомъ слуха, такъ икона посредствомъ зрѣнія напечатлѣвается въ душахъ, и внушаетъ согласное съ Вѣрою наставленіе тѣмъ, которые не заражены ложными догматами. Мученики страдали за то, что любили Господа, и любовь свою къ нему запечатлѣли кровію своею. Воспоминаніе о нихъ содержится въ кни-

[1]) Исаіи 49, 16. — [2]) Исаіи 61, 10. — [3]) Исаіи 62, 12. 3. — [4]) Софон. 3, 14. 15. — [5]) Исаіи 60, 4. — [6]) Софон. 3, 15.

гахъ; но они же, страждущіе, видятся и на иконахъ: только живопись гораздо впечатлительнѣе представляетъ подвиги этихъ блаженныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, живые, принесены были въ жертву всесожженія послѣ того, какъ молитва, постъ и другіе подвиги украсили и освятили сіи жертвы. Это кромѣ книгъ изображаютъ и иконы, располагая къ подражанію большее число зрителей въ сравненіи съ слушателями. Дѣва на рукахъ своихъноситъ Творца, какъ младенца. Кто, видя очами это великое таинство, не изумился бы болѣе, чѣмъ тотъ, кто только слышалъ о немъ? И кто не сталъ бы воспѣвать неизрѣченное снисхожденіе, превышающее всякое витійство? — Конечно, и слухъ такъ же, какъ и зрѣніе, служитъ проводникомъ понятій; но пониманіе посредствомъ зрѣнія бываетъ гораздо живѣе того познанія, которое получается посредствомъ слуха, какъ это доказываетъ и опытъ. Склонилъ ли кто слухъ свой къ рѣчамъ: воображеніе его схватываетъ слышанное, а здравый смыслъ обсуживаетъ и передаетъ памяти. Не менѣе сего, ежели не сильнѣе, дѣйствуетъ и зрѣніе. Ибо и оно посредствомъ тока глазныхъ лучей какъ бы уловляя и схватывая видимый предметъ, представляетъ его уму, а онъ передаетъ памяти для пріобщенія къ точнымъ свѣдѣніямъ. Увидѣлъ умъ, воспринялъ, вообразилъ впечатлѣнія, безъ труда передалъ ихъ памяти.

Ἐι γὰρ καὶ δί ἀλλήλων ἑκάτερον συνηγάγεται, ἀλλὰ πολὺ προέχει, ἐπὶ τῶν ἔργων αὐτῶν ἐπιδείκνυται, τῆς κατὰ τὴν ἀκοὴν ἐισδυομένης μαθήσεως ἡ διὰ τῆς ὄψεως ἐγγινομένη κατάληψις. Ἔκλινέν τις τὸ οὖς εἰς διήγημα, εἵλκυσε φανταζομένη τὸ ἀκουσθὲν ἡ διάνοια, νηφούσῃ μελέτῃ τὸ κριθὲν τῇ μνήμῃ ἐναπέθετο. Οὐδὲν τούτων ἔλαττον, εἰ μὴ καὶ πολὺ μᾶλλον κρατεῖ τὰ τῆς ὄψεως. Καὶ γὰρ καὶ αὐτὴ γε δήπου τῇ προχύσει καὶ ἀποῤῥοῇ τῶν ὀπτικῶν ἀκτίνων τὸ ὁρατὸν οἱονεὶ πῶς ἐπαφομένη καὶ περιέπουσα, τὸ εἶδος τοῦ ὁραθέντος τῷ ἡγεμονικῷ παραπέμπεται· ἐκεῖθεν διαπορθμευθῆναι δίδουσα τῇ μνήμῃ πρὸς ἐπιστήμην ἀπλανεστάτην συναθροίσαι. Εἶδεν ὁ νοῦς, ἀντελάβετο, ἐφαντάσθη τοὺς τύπους, ἀκόπως ἐν τῇ μνήμῃ παρεπέμψατο.

VI. Кто отвергаетъ ученіе о Господѣ, о Матери его и о святыхъ, и судитъ не лучше тѣхъ, которые гоняются за всякою ложью, тотъ послѣдова-

тельно отвергаетъ и почитаніе честныхъ иконъ. А кто чтитъ и восхваляетъ ихъ съ подобающимъ благоговѣніемъ, тотъ принимаетъ и это ученіе. Ибо неизбѣжно воздать честь иконѣ, коль скоро почитается изображенный на ней, или не признавать изображенныхъ, коль скоро попираются самыя иконы, развѣ кто отъ нечестія пересталъ бы и мыслить здраво, и оставаясь нечестивцемъ, противорѣчилъ бы самъ себѣ. Итакъ всѣ презрители святыхъ иконъ уличаются въ томъ, что они не хранятъ и правыхъ догматовъ, но проклиная одно, клянутъ и другое, только не имѣютъ смѣлости открыто проповѣдовать ученіе свое, остерегаясь не нечествовать, а казаться нечестивыми, и избѣгаютъ прозвища, за которымъ на самомъ дѣлѣ гоняются усердно, — отвратительные по пронырству, отвратительнѣйшіе по нечестію, у которыхъ всѣ вѣтви и всѣ корни испорчены наростами. Къ нимъ относятся слова боговдохновеннаго Давида: «память нечестивыхъ съ шумомъ гибнетъ». Ихъ справедливо осудилъ и наказалъ Тотъ, Котораго они уничижили презрѣніемъ иконы Его. А съ нами навсегда осталась сія Дѣва, носящая въ объятіяхъ своихъ Творца, какъ младенца, сія ходатаица о нашемъ спасеніи, наставница въ благочестіи, радость очей, веселіе душъ, осталась не только въ книгахъ и умозрѣніи, но и въ живописи, съ помощію которой наша любовь къ божественному возносится къ умопредставляемой красотѣ истины. Но зачѣмъ я усиливаюсь говорить, когда пора уже молчать?[1]) . . . . .

VII. О Женише, Слове и Мудрость (Σοφία) Отца ѵпостасная, которой тезоименитъ сей священный и честный храмъ, даруй намъ прощеніе за скудость слова, такъ какъ ты любишь взирать не на дѣло, а на намѣреніе, и съ нимъ соразмѣряешь даръ твой. Сподоби же и получившихъ отъ тебя царство на землѣ украшать прочія части сего храма святыми образами[2]). Аминь.

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ читается нѣсколько словъ; но я не списалъ ихъ. — [2]) Δίδου δὲ καὶ τοὺς διὰ σοῦ λαχόντας τὸ ἐπὶ γῆς βασιλέυειν καὶ τὰ ὑπόλοιπα τοῦ νεὼ τοῖς ἱεροῖς μορφώμασι καθιερῶσαι.

ЕГО ЖЕ БЕСѢДА,

ГОВОРЕННАЯ СЪ АМВОНА СВЯТОЙ СОФІИ, КОГДА ПРАВОСЛАВНЫМЪ И ВЕЛИКИМЪ ЦАРЯМЪ НАШИМЪ МИХАИЛУ И ВАСИЛІЮ ВОЗДВИГНУТЪ БЫЛЪ СТОЛПЪ СЪ НАДПИСЬЮ ВЪ ПАМЯТЬ ТОРЖЕСТВА НАДЪ ВСѢМИ ЕРЕСЯМИ.

1. Ἦν ἄρα ἐκ πολλοῦ γεγηρακὼς ὁ χρόνος, καὶ νέαν οὐκ ἔχων ὠδῖνα, καθ' ἣν ἀκμάζων ἐθάῤῥει σεμνύνεσθαι, μόναις δὲ ταῖς παλαιαῖς ἐγκεκυφὼς ἐκείναις, καὶ λαμπρὸν οὐδὲν οὐδὲ γενναῖον εἰς τόκον ἔχων νεανιεύσασθαι, τὰ αὐτὰ φέρων κύκλῳ περιστρεφόμενος, ἐκείνων μόνῃ τῇ φορᾷ φιλοτιμούμενος, ὧν... ἐμέτρει τὴν γένεσιν, καὶ ἃ τὴν χάριν ἀνθεῖν οὐκ ἐδίδου νεάζουσαν. Νῦν δὲ δι' ἑνὸς ἀνδρὸς εὐσεβῶν καὶ καινῶν καὶ γενναίων ἔργων ἀθλητοῦ, καὶ νεαζούσαις ὠδῖσι ἐγκαλλωπίζεται, καὶ τὸ γῆρας σὺν αὐτοῖς ὀνείδεσιν ἀποδύεται· οἷάπερ τόκον εὐγενῆ τε καὶ κράτιστον, καὶ τῶν ἄλλων καλῶν ἀνθοῦντα τὰς χάριτας ὑπὸ φωτὶ τῆς ἀληθείας πᾶσι εὐτυχῆσι ἐπιδείξασθαι. Εἰ δὲ καὶ ῥητόρων ἤνεγκε φορὰν, μετρεῖν εἰδότων τοῖς λόγοις τὰ πράγματα, καὶ τῷ μεγέθει τῶν ἔργων συμπαρατείνειν τῆς γλώσσης τὴν δύναμιν,

I. Заматорѣвшее время уже давно не мучилось новыми родами, какими величалось, когда процвѣтало, и только лелѣяло прежнія порожденія свои, будучи не въ силахъ помолодѣть и произвесть что-либо славное и богатырское, кругомъ вращая одно и тоже, и хвалясь тѣмъ, что не разъ было пересчитано, и что потеряло свою цвѣтущую юность и прелесть. Но теперь у него есть мужъ, могучій производитель событій боголюбезныхъ, новыхъ и великихъ; и вотъ опять оно красуется родами, какъ молодица, и стряхнувъ заматорѣлость съ самыми поношеніями ея, даетъ плодъ благородный, царственный, вседобротный, котораго красота роскошно цвѣтетъ подъ освѣщеніемъ Истины. Если бы приглашены были витіи, умѣющіе соразмѣрять свои глаголы съ предметами, и сильнымъ краснорѣчіемъ выражать величіе событій; то пылъ и свѣжесть настоящаго времени все таки остались бы при немъ. Но теперь и безъ витій всѣмъ современникамъ и очевидцамъ видно совершенство его цвѣтущее и не имѣющее ни

εἰς ὁλόκληρον ἂν αὐτῷ τὰ τῆς ἀκμῆς καὶ τὰ τῆς ἀνανεώσεως ἐκρατύνετο. Νῦν δὲ οὐ βραχυτάτῳ μέρει ζημιούμενος, τοῖς μὲν παροῦσι καὶ θεαταῖς, κἂν μηδεὶς ἐφέστηκε τοῖς ὁρωμένοις ῥήτωρ, οὐδὲν ἧττον ταῖς γοναῖς ἐνακμάζων δεικνύει τὸ τέλειον· ὅσοι δὲ τοῦ βιοῦ γενεαῖς ὑστέραις προκύψουσι, τούτοις δ' ἄρα τὴν ἐν τοῖς λόγοις μνήμην οὐκ ἔχων δωρήσασθαι, εἰς γῆρας πάλιν, οἶμαι, ἢ νόσον ἢ τὰ τοιαῦτα διαβληθήσεται. Πράξεων μὲν γὰρ μετριαζούσῃ σεμνότητι λόγοι φιλοῦσι παῤῥησιάζεσθαι, δειλίᾳ δὲ καὶ συστολῇ καταδύονται, ὄγκον αὐτοῖς πραγμάτων ὁρῶντες ἐπιφερόμενον καὶ κατορθωμάτων μεγέθη προκείμενα. Ἐντεῦθεν κἀγὼ σιγᾶν ἐβουλόμην, καὶ τῶν ὑπὲρ λόγον ἔργων τὸ μέγεθος τῇ ἀτονίᾳ μὴ καθυβρίσαι τοῦ λέγοντος, τὸν τοῦ ἡττηθῆναι φόβον πρὸ τοῦ παθεῖν τὴν ἧτταν αὐτῷ προβαλλόμενος εἰς ἀσφάλειαν. Ἀλλ' ἐπηδείπερ αὗται παρεστήκασι αἱ πράξεις, καὶ τὸ λαμπρὸν τῶν ἔργων κατ' ὀφθαλμοὺς ἕστηκεν ἁπάντων, οὐκ ἐν μεγάλῳ τὰ τῆς ζημίας οἶμαι πεσεῖσθαι τὸ ἔλαττον ἀποφερομένης τῆς διηγήσεως. Τὰ γὰρ ὁρώμενα τὸ λειπὸν ἀναπληρώσει, καὶ τὸ ἔνδεον τοῦ λόγου τὴν ὑπεροχὴν σαλπίσει τῆς πράξεως.

малѣйшаго недостатка: что же касается до поколѣній будущихъ, то, быть можетъ, оно не оставитъ имъ памяти въ рѣчахъ, и опять, думаю, заматорѣетъ, или будетъ больное, или потерпитъ что нибудь подобное. Витійство любитъ выказываться тогда, когда дѣянія были скромны и посредственны; но оно бываетъ боязливо и сдержано, когда совершены дѣла огромныя и явлены доблести великія. Посему и я желалъ бы молчать, и не унижать неизреченнаго величія дѣлъ слабымъ словомъ моимъ, страшась быть побѣжденнымъ прежде ратованія, и этотъ страхъ почитая своею побѣдою, и тѣмъ успокоиваясь. Впрочемъ, когда присущи событія, и всѣ сами понимаютъ благознаменитость дѣяній, тогда, думаю, не великъ будетъ ущербъ, ежели слово окажется ниже своихъ предметовъ. Ибо видимое величіе ихъ восполнитъ недостатокъ его, а скудость слова огласитъ превосходство дѣла.

II. Славны подвиги царя нашего на браняхъ, его побѣды и трофеи, безъ которыхъ ни одинъ годъ не прошелъ послѣ того, какъ онъ присмотрѣлся къ своему царству. Но исчислять ихъ я не намѣренъ, и потому не говорю ни о разсудительности, ни о сильной волѣ его, кои многократно обнаруживалъ онъ во многихъ обстоятельствахъ, особенно въ дѣлахъ запутанныхъ. Не говорю ни о порабощеніи и перемѣщеніи городовъ непріятельскихъ, ни объ устройствѣ и населеніи городовъ у друзей (союзниковъ), ни о томъ, какъ онъ привѣтливъ ко всѣмъ, и со всякимъ говоритъ улыбаясь, и какъ вмѣсто тиранскаго страха во всѣхъ поселилъ свободную любовь и отнялъ угрюмость у каждаго лица, поставляя любочестіе свое въ томъ, чтобы его называли лучше отцемъ отечества, нежели повелителемъ, — безъ подражанія древнимъ, Киру и Августу, изъ которыхъ первый начальствовалъ надъ Персами, а вторый надъ Римлянами, и оба славились въ народѣ кротостію и человѣколюбіемъ, — не принимая титуловъ прежде совершенія дѣлъ, но украшаясь дѣяніями прежде проименованій, какъ это велитъ разумъ, заповѣдующій приличіе. Не упоминаю о томъ, что онъ болѣе другихъ сыпалъ золото щедрою рукою, и такимъ образомъ изгналъ бѣдность изъ государства, потому что Царьградъ, и по богатству царь, посредствомъ царственной десницы доставилъ довольство всѣмъ подданнымъ. Не придумываю и не хочу перечислять ничего подобнаго, хотя и есть очевидный свидѣтель всему, сама истина; ибо я не глашатай—какой, искусно занимающій слушателей отборными и веселыми рѣчами, смотря по предмету ихъ, — о чемъ и говорить нечего, — да и въ похвалахъ я не упражнялъ языка своего, и красными словами не возбуждалъ театральныхъ рукоплесканій, потому что и образъ жизни и санъ священный не позволяютъ мнѣ заниматься этимъ. Не говорю и о томъ, что священною заботливостію его о семъ храмѣ и о священныхъ зданіяхъ совершено неожиданное дѣло, и явлена красота неизгладимая. Ибо о нѣкоторыхъ доблестяхъ прилично говорить другимъ, а о нѣкоторыхъ пристойно говорить иначе, въ иной торжественный день. Но я, оставивъ все прочее, предложу слово лишь о томъ, въ чемъ выразилось чистое благочестіе и вмѣстѣ дивно-великая ревность.

III. Но откуда начну? Что первое скажу? Что изъ двухъ повѣдаю? —

BIBLIOTHECA APOSTOLICA VATICANA

радость ли Церкви и настоящее торжество надъ ересями, или твердость воли и подвиги Вѣры того, кто былъ виновникомъ сего торжества и воздвигнулъ блистательный памятникъ? То и другое представляется уму съ равнымъ правомъ на первенство, и понуждаетъ меня колебаться при выборѣ начала бесѣды. Какъ на хорошемъ многоцвѣтномъ лугу каждый прекрасный цвѣтокъ и плодъ, маня и привлекая къ себѣ зрителей, приводитъ ихъ въ недоумѣніе, — которому изъ нихъ надобно отдать преимущество: такъ и эти полезныя и прекрасныя явленія [1]), оба равно осіявающія зрителей свѣтомъ благочестія, затрудняютъ мой выборъ между ними. Впрочемъ, поелику теперь, къ великой радости Церкви, преданы общественному позору богоненавистныя ереси, и сіяютъ подвиги Побѣдоносца; то отсюда начавъ свое слово, я съ пророкомъ возглаголю невѣстѣ Христовой, Церкви, обрадованія.

IV. «Вельми радуйся дщерь Сіона. Проповѣдуй дщерь Іерусалима. «Отъялъ Господь обиды твои, избавилъ тебя отъ руки враговъ твоихъ [2])». Ты видишь возлюбленнаго сына своего, котораго еще въ пеленахъ ты усыновила себѣ и воцарила, и вскормивъ благовѣріемъ и обративъ къ благочестію, возрастила въ настоящую мѣру возраста Христова. Ты видишь: какія новыя, хорошія и блестящія златицы съ большою лихвою далъ онъ тебѣ, какъ кормилицѣ, и сколькими и какими добычами наполнилъ сей храмъ священный и честный. Не Арія узника онъ привелъ къ тебѣ, не схваченнаго Македонія, не плѣненнаго Несторія, и не чадъ Діоскора, огрубившаго вселенную тмочисленными, странными, насажденіями, не такого, или такого врага Церкви и супостата, и не начальника одной, или многихъ ересей, но всѣ полчища враждебныя съ ихъ вождями и ухищреніями и совѣтами представилъ тебѣ, какъ добычу, поразивъ ихъ однимъ ударомъ царственной десницы. Возведи окрестъ очи твои и посмотри на собранныхъ чадъ твоихъ, которыхъ разсѣяли по горамъ и стремнинамъ погибели Вакханки и г'Арпіи ересей и расколовъ, унесши ихъ туда послѣ обаянія разными Корибанщинами. Веселись и радуйся всѣмъ сердцемъ твоимъ. —

[1]) То есть, радость Церкви, торжествующей надъ ересями и подвиги царя. — [2]) Софон. 3, 14. 15.

῾Υιὸς πατρὶ κηρύσσεται ὁμοούσιος. Τὸ πνεῦμα τούτοις εἰς μίαν συναριθμεῖται θεότητα. ῾Ο Λόγος ἐκ παρθένου σάρκα λαβὼν εἰς κοινὴν τοῦ γένους σωτηρίαν καὶ ἀνάπλασιν, οὐ μερίζεται τῆς ἀνθρωπότητος. Αἱ φύσεις ἐπ᾽ αὐτοῦ φυλάττουσι τὸ ἀσύγχυτον, καὶ τῇ οἰκείᾳ φύσει συναναφαίνεται ἐνεργούμενον. Πᾶσα πλάνη καὶ λῆρος μακρὰν ἀπελήλαται, καὶ ψυχῶν οὐδεὶς μετοικισμὸς ἀναπλάττεται, οὐδὲ δαιμόνων ὄχλος, ἧς ἐθελοκακοῦντες αὐτοὶ κατέπεσον λήξεως, εἰς ταύτην ἀναπήδωσιν τοῖς μύθοις ὀχούμενοι, οὐμενοῦν οὐδὲ Χριστὸς αὐτὸς ἐν εὐφημίας προσχήματι πικρῶς ὑβρίζεται χλευαζόμενος.

Сынъ проповѣдуется единосущный Отцу. Духъ совчисляется съ ними въ едино божество. Слово пріявшее плоть отъ Дѣвы для общаго спасенія и возсозданія человѣческаго рода, не отдѣляется отъ человѣческаго существа. Два естества въ немъ сохраняютъ неслитность, и то и другое обнаруживается свойственнымъ каждому дѣйствованіемъ. Всякое заблужденіе и мечтаніе прогнано далеко. Переселеніе душъ уже не проповѣдуется. Басни не помогаютъ бѣсамъ вспрыгнуть на ту высоту, съ которой упали они по злой волѣ своей. И самъ Христосъ уже не осмѣивается и не порицается жестоко поддѣльными хвалами. То былъ новый и странный способъ униженія, выдуманный лукавымъ: — злиться на икону, а изображеннаго на ней дивословить [1]), ее разбивать, а его почитать, и бѣситься бѣшенствомъ двойнымъ. Итакъ ни одно нечестивое ученіе уже не появится дерзновенно. Ибо побѣдоносный Перворатоборецъ нашъ письменнымъ Вѣроисповѣданіемъ своимъ, какъ богокованнымъ копьемъ, пронзилъ самыя внутренности ересей; и теперь всякое лжеученіе повержено въ прахъ, лишено послѣднихъ надеждъ своихъ, и даже во снѣ не видитъ возрожденія своего. Изъ всѣхъ памятниковъ, какіе насчитывало продолжительное время, и какіе воздвигнуты были чистыми руками благочестивыхъ царей, нынѣшній памятникъ есть самый блистательный и самый высокій. Ибо что̀ другіе едва одолѣвали отчасти и только на свое время, то̀ все вмѣстѣ однимъ ударомъ сразилъ нашъ вѣрный и великій царь, не смотря на то, что оно было грозно. Эта побѣда его, доказывающая меткость соображеній, совѣтовъ и исполненій, во всякомъ, кто воинствуетъ во имя Божіе, эта побѣда всю вселенную, какую только увѣнчаваетъ законъ христіанскій, освобождаетъ отъ раздраженія, предупреж-

[1]) Τερατολογεῖν· прославлять странными, словами неправославно.

даетъ многія бѣдствія, и всѣмъ струитъ обильные потоки радости и веселія. Ибо вездѣ видится одно согласіе, одно исповѣданіе вѣры, и одна каѳолическая Церковь, распространяющаяся во всѣ концы земли.

V. Горы да каплютъ сладость и холмы веселіе! Ибо человѣколюбивыми очами призрѣлъ Господь на народъ свой и на достояніе свое, воздвигнувъ и возвысивъ Василія, дѣйствительную силу Державы, Василія возлюбленнаго сына своего; да и онъ, — съ восторгомъ говорю, — все то, чему надлежало быть по волѣ Отца небеснаго, понялъ и принялъ, какъ свой жребій. Соборы, которые въ свое время очищали вселенную отъ плевелъ, сзывала благодать всесвятаго Духа: но и они пользовались прежними преданіями и ученіями. Первый изъ нихъ подражалъ Дѣяніямъ многихъ предшествовавшихъ Соборовъ; Вторый въ первомъ видѣлъ образецъ себѣ и уставъ; Третьему примѣромъ служилъ вторый вмѣстѣ съ первымъ; Четвертый богатъ былъ опытами третьяго; а остальные учились у всѣхъ прочихъ. Ты же, защитникъ благочестія, чей примѣръ имѣлъ въ виду, когда совершалъ это новое, священное дѣло? какого нашелъ ты учителя? къ какому обращался наставнику? какимъ руководился вождемъ? Явно, что тайнымъ наставникомъ твоимъ въ совершеніи сей службы былъ общій всѣмъ владыка и создатель, который въ священномъ евангеліи велегласно сказалъ: «всякаго, кто исповѣдаетъ меня предъ человѣками, и я исповѣдую предъ Отцемъ моимъ небеснымъ». Да! не при однихъ людяхъ, и не при однихъ ангелахъ, но и при воззрѣніи самого Богочеловѣка, присутствовавшаго при настоящей побѣдѣ, воздвигнутъ памятникъ торжества надъ всѣми ересями свободною волею и рукою съ искреннею надписью на немъ, и исповѣдана, утвержденная не какъ прежде, тайна благочестія. Да и совѣтникомъ тебѣ былъ тотъ, кого сама Истина назвала ключаремъ небесныхъ вратъ, и камнемъ и основаніемъ Вѣры, Петръ верховный ученикъ ея. Онъ внушилъ сердцу твоему, «быть готовымъ дать отвѣтъ всякому, требующему отчета въ чистотѣ неподдѣльности вѣры твоей[1]).

Ναὶ δὴ καὶ σύμβουλος ἐκεῖνος ἦν σοὶ, ὁ τῶν οὐρανίων κλειδοῦχος πυλῶν καὶ τῆς πίστεως πέτρα καὶ θεμέλιον ὑπὸ τῆς Ἀληθείας ἀναῤῥηθεὶς, Πέτρος ἐκεῖνος ὁ κορυφαῖος τῶν μαθητῶν, ὧδε πως τῆς σῆς καρδίας

[1]) 1 Петр. 3, 15.

ἐνηχῶν τοῖς ὠσίν· ἕτοιμον εἶναι πρὸς ἀπολογίαν ἱερολογεῖν παντὶ τῷ αἰτοῦντι λόγον περὶ τῆς ἐν σοὶ καθαρωτάτης καὶ ἀκιβδήλου πίστεως. Ἔλαβες τὴν συμβουλὴν ἐν ψυχῇ ὠδινήσας τὴν μελέτην· οὐκ ἀνέμεινας τὸν ἐπερωτῶντα, ἀλλ' ἅμα τελεσφορηθεῖσαν ἔγνως, καὶ εἰς φῶς προήγαγες τὴν ἐργασίαν ταύτην, τὴν ὡς ἀληθῶς θεοφιλῆ, ἄξιον τῶν σπερμάτων πᾶσι ἐπιδείξας τὸν καρπὸν, πίστιν κηρύσσων καὶ γράφων ὀρθῶς, καὶ τὰς αἱρέσεις πάσας εἰς ἅδου πέταυρον κατασπῶν. Τοῦτο τῶν, ὁπόσα γῆς καὶ θαλάσσης εἰς ἥμερον διαμονὴν καὶ βίον ἀκύμονα βασιλικαὶ φροντίδες τῇ πολιτείᾳ χρηματίζουσι, ὅσω ψυχὴ σώματος, καὶ σελήνης ἥλιος, καὶ τῶν κατὰ τὴν αἴσθησιν ἀντιλήψεων ἡ κατὰ νοῦν θεωρία προανέστηκεν, ἐπὶ τοσούτω μέτρω τούτων ἁπάντων φέρει τὰ νικητήρια. Οὕτω λαμπροτάταις καὶ καινοπρεπέσι τῆς εὐσεβείας ἐπιβολαῖς εἰς ὁμοίας πράξεις τὸ βούλημα ἤνεγκας· καὶ γλῶσσα νῦν πᾶσα μελέτην ἔχει τὰ σὰ διηγήματα.

А ты принялъ совѣтъ его всею душею и всѣмъ разумѣніемъ, не потерпѣлъ ничьихъ возраженій, но какъ только дозналъ успѣшность предпріятія, тотчасъ осуществилъ оное, какъ истинно-боголюбезное, всѣмъ показавъ достойный плодъ сѣмянъ, написавъ и провозгласивъ правое Вѣроисповѣданіе, и всѣ ереси шугнувъ на насѣсть ада. Это дѣяніе твое настолько превосходитъ всѣ прочія царскія заботы, кои съ суши и моря доставляютъ гражданамъ всѣ удобства безмятежной жизни, насколько душа превосходитъ тѣло, солнце луну, умозрѣніе чувственныя понятія. Такимъ образомъ воля твоя, просвѣщенная яркимъ и новоблаголѣпнымъ свѣтомъ благочестія, перешла въ дѣло; и теперь всякому языку есть что говорить о твоей доблести. Тотъ великій Моисей, тотъ рабъ Божій, который многими язвами поразилъ Египетъ, превращая всѣ стихіи въ бичи, который пѣшешествовалъ по морю, и молитвою и словомъ пахалъ облака, какъ поля, и оттуда подавалъ обильную пищу бѣдствующимъ въ пустынѣ, этотъ Моисей, видя народъ свой, который онъ воспитывалъ какъ дитя, и въ пользу котораго все дѣлалъ, видя, какъ онъ впалъ въ идолопоклонство, не перенесъ кротко этого случая, но тотчасъ **в о з с т а л ъ**, и желая **о с т а н о в и т ь** потокъ зла, обагрилъ мечь свой кровію не малой части народа, и уменшивъ число его, спасъ остальныхъ отъ заблужденія; и было совершено имъ спасеніе остатка обреченіемъ одноплеменниковъ на смерть: закланіе же ихъ произвело переворотъ. Но ученикъ Христовъ, не погубленіемъ одноплеменниковъ, и не ка-

кую нибудь часть ихъ избавилъ отъ пагубы, а потребленіемъ самаго нечестія всецѣло спасъ всѣхъ подданныхъ: нечестію нанесъ онъ пораженіе перомъ, а подданныхъ сдѣлалъ незаразимыми. — Тотъ Финеесъ, который умертвилъ Израильтянина вмѣстѣ съ Мадіамлянкою, остановилъ язву, истреблявшую весь народъ: но и онъ не былъ чистъ отъ единоплеменной крови, и ежели спасъ тѣхъ, за которыхъ поборалъ, то спасъ отъ погибели тѣлесной. А нашъ Финеесъ, не попустивъ злу утвердиться, не обагривъ рукъ въ одноплеменной крови, мужественно истребилъ заразу не тѣлъ, а душъ, и царски избавилъ весь людъ отъ всякаго заблужденія и погибели.— Давидъ, какъ царь, лучше идетъ въ примѣръ. Онъ убіеніемъ одного иноплеменника спасъ весь единоплеменный народъ свой отъ плѣна, ранъ и меча враговъ: но и здѣсь видна помощь тѣлу; притомъ онъ, убивъ одного и оставивъ многихъ иноплеменниковъ, у которыхъ была непримиримая вражда съ Израилемъ, навелъ тѣнь на блестящую побѣду свою, предоставивъ врагамъ надежду выиграть когда нибудь сраженіе: отъ того и побѣдоносное воинство не столько радовалось послѣдствіямъ побѣды его, сколько боялось и трепетало за будущность. А нашъ царь не противъ одной странной ереси взялъ въ десницу крестный мечь, и не малую доставилъ радость о побѣдѣ, не оставивъ врагамъ и тѣни надежды вновь начать борьбу, но сразивъ всѣ полчища ихъ, какъ мужественный воинъ, даровалъ всей полнотѣ Церкви глубокій и нерушимый миръ, а всему царству единомудріе и единомысліе.

VI. Счастливъ Царь градъ, воздвигшій приснопамятный всѣмъ поколѣніямъ столпъ въ память православія благочестивѣйшихъ и побѣдоносныхъ царей нашихъ, Михаила и Василія! Блаженны и треблаженны и вы, Патриціи, украшенные почтенными и достоуважаемыми сѣдинами, и вы полководцы и военачальники, вмѣстѣ ополчавшіеся и ратовавшіе противъ такихъ и столькихъ ересей, и совершившіе священные и богоугодные подвиги! А вы, священный ликъ іереевъ и архіереевъ, почто такъ, молча, стали (здѣсь), и какъ бы перелитые чрезвы-

Ἐυδαίμονες δὲ ἄρα καὶ τρισμάκαρες καὶ ὑμεῖς, ὁ τῶν Πατρικίων χορὸς, ἡ τιμία πολιὰ καὶ αἰδέσιμος, σὺν τηλικούτοις στρατηγοῖς καὶ ταξιάρχοις, καὶ κατὰ τηλικούτων καὶ τοσούτων αἱρέσεων συνεστρατηγηκότες καὶ συνταξιαρχῆσαι λογάδες γινόμενοι, καὶ τοὺς ἱεροὺς τούτως

καὶ θείας ἄθλους συνδιενέγκαντες! Ὑμεῖς δὲ, ὦ ἱερέων καὶ ἀρχιερέων ἱερὸν ἄθροισμα, τί οὕτω σιγῶντες ἑστήκατε, καὶ ὥσπερ ὑπὸ τῆς ἄγαν ἡδονῆς καὶ χαρᾶς διαχυθέντες, τοῖς ἐκπεπληγμένοις καὶ ἐξεστηκόσιν ἐοίκατε, πρὸς οὐδὲν ἕτερον, ἀλλ' ἢ πρὸς αὐτὴν τῶν ἔργων φαιδρότητα ὄμμα τε καὶ αὐτὴν ἐναπερείσαντες τὴν διάνοιαν. Ἐν ἴσῳ μὲν γὰρ πέφυκε λύπης μέγεθος καὶ χαρᾶς, κἂν ἐκ διαμέτρου ἑστήκασι, οἷς ἂν ἐπιστῶσι, τὴν αὐτὴν διάθεσιν ἀπεργάζεσθαι. Ἀλλὰ ῥήξατε φωνὴν ἀξίαν τῆς πανηγύρεως, καὶ τὸν θεοπάτορα Δαβὶδ τοῦ ἡμετέρου χοροῦ προστησάμενοι, τορόν τι καὶ διαπρύσιον ἐκβοήσατε, «Ἔντεινε καὶ κατευοδοῦ καὶ βασίλευε δυὰς ἀξιέραστε, ἐν ᾗ τῆς Τριάδος ἡ χάρις ἐγκατοικίζεται, ἔντεινε καὶ κατευοδοῦ καὶ βασίλευε ἕνεκεν ἀληθείας καὶ πραότητος καὶ δικαιοσύνης». Ἀμήν.

чайною радостію и усладою, уподобились пораженнымъ и изумленнымъ, вперивъ взоры и мысли ваши въ самый блескъ дѣяній? Вѣдь тѣ, которые умѣютъ владѣть собою, умѣютъ и уравновѣсить великую печаль и великую радость, хотя оба эти чувства совершенно противоположны. Проговорите же достойно торжества и съ Богоотцемъ Давидомъ, какъ съ предстоятелемъ нашего лика, скажите слово громовое и молніеносное: «напрягись и успѣвай и царствуй достолюбимая двоица царей, въ которой обитаетъ благодать Троицы, напрягись и успѣвай, и царствуй ради истины кротко и правосудно». (Псал. 44, 5.) Аминь.

РАЗСУЖДЕНІЕ

о

ЧЕТЫРЕХЪ БЕСѢДАХЪ ФОТІЯ,

СВЯТѢЙШАГО АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

Фотій, сынъ патриція Сергія и супруги его Ирины, родственникъ царицы Өеодоры, матери Михаила III, исповѣдникъ Православія, ученѣйшій мужъ своего времени, которому Богъ далъ самый свѣтлый умъ, богатый, знаменитый, неженатый, набожный и благонравный, въ домѣ любитель наукъ и преподаватель ихъ роднымъ и чужимъ, и душа собиравшагося у него отборнаго общества, въ государствѣ сперва посланникъ къ Багдатскому Халифу Мотазѣму, потомъ первый меченосецъ и государственный секретарь при царѣ Өеофилѣ (до 840 года), а по смерти его, во время малолѣтства наслѣдника престола Михаила III, предсѣдатель государственнаго Совѣта, Фотій, которому свыше суждено было совершить дѣла міровыя въ санѣ духовномъ и не знать покоя до конца продолжительной жизни, избранъ былъ волею государя, сената и духовенства, на патріаршество въ Константинополѣ, и возведенъ на каѳедру вселенскихъ учителей, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, въ 857 году отъ рождества Христова, и святительствовалъ до 869 года. Въ теченіи сего времени онъ, какъ ревностный пастырь Церкви, содѣйствовалъ двумъ Государямъ, Михаилу и Василію, въ возстановленіи иконопочитанія, пріостановленнаго многочисленными иконоборцами потаенными, и въ возсоединеніи всѣхъ въ государствѣ еретиковъ съ православно-каѳолическою Церковію, и въ храмѣ св. Софіи часто говорилъ бесѣды христоименитому народу, иногда въ присутствіи царей.

Изъ числа бесѣдъ сего краснорѣчиваго витіи уцѣлѣли только шестнадцать, да и тѣ извѣстны однимъ ученымъ мужамъ лишь по оглавленіямъ ихъ, потому что онѣ никогда не были напечатаны всѣ сполна, кромѣ двухъ помѣщенныхъ въ новѣйшемъ изданіи всѣхъ твореній Фотія, которое сдѣлалъ аббатъ Минь [1]) и потому что никто не переводилъ ихъ ни на какой языкъ. Я нашелъ ихъ въ богатой рукописями библіотекѣ Аѳоноиверскаго монастыря, и весьма обрадовался этой находкѣ. Это было въ 28 день декабря мѣсяца 1858 года. Тамъ онѣ помѣщены въ особой книгѣ, написанной на бумагѣ, въ листъ, 26-го іюля мѣсяца 1628 года въ день субботній: а книга эта, принадлежавшая Константинопольскому патріарху Діонисію, содержитъ два посланія Фотія къ Римскому папѣ Ни-

---

1) Одна бесѣда въ день рождества пресв. Богородицы, а другая при освященіи дворцовой церкви. Patrolog. curs. complet. T. CII. 1860.

колаю и одно посланіе къ Антіохійской церкви, семнадцать правилъ святаго и великаго Собора, бывшаго при Фотіѣ въ храмѣ святыхъ апостоловъ, шестнадцать бесѣдъ сего патріарха, и его же 275 писемъ къ разнымъ лицамъ, сочиненіе подъ названіемъ Амфилóхіа, и два разсужденія о тѣлѣ и душѣ. Бесѣды Фотія заняли все вниманіе мое, какъ невѣдомыя рѣдкости. Съ жадностію я прочелъ двѣ первыя изъ нихъ, а когда на третьей и четвертой увидѣлъ надписи, — первая бесѣда по случаю нашествія Россовъ, вторая бесѣда по тому же случаю; тогда пришелъ въ такой востортъ, что все существо мое взыграло отъ радости. И было чему радоваться! Вѣдь мнѣ, искавшему многоцѣнныхъ перловъ на Востокѣ, попались два брилліанта, о которыхъ рѣдко кто зналъ, а многіе, весьма многіе и не слыхали, и которые я желалъ найти, и желалъ такъ, что послѣ открытія ихъ не захотѣлъ бы и слыть болѣе счастливою случайностію. Обѣ эти бесѣды тотчасъ были переписаны мною съ точностію, а находившійся при мнѣ живописецъ отподобилъ почеркъ ихъ на прозрачной бумагѣ. По окончаніи этой пріятнѣйшей работы, я прочелъ остальныя бесѣды сладчайшаго мнѣ Фотія, и изъ нихъ выбралъ и переписалъ еще двѣ, о почитаніи иконъ, и объ искорененіи всѣхъ ересей въ Византійскомъ царствѣ. Эти четыре бесѣды весьма важны во многихъ отношеніяхъ. Говорю о нихъ, что нужно.

Первая и вторая бесѣда Фотія по случаю нашествія Россовъ суть первыя страницы нашей исторіи, первыя краткія сказанія о вѣрѣ и народности отдаленнѣйшихъ предковъ нашихъ, о военной силѣ ихъ на сушѣ и на морѣ, о замыслахъ, отвагѣ, славѣ и о сношеніяхъ съ Царьградомъ, сказанія современника, который видѣлъ Россовъ въ лице, слышалъ ихъ бранные крики, оправдывалъ ихъ нашествіе, оплакивалъ гибель Царьграда отъ ихъ кровавой мести, и былъ свидѣтелемъ ихъ отступленія послѣ чуда отъ ризы Богоматери. Фотій говорилъ о нихъ въ храмѣ святой Софіи предъ лицемъ Бога, карающаго и милующаго народы, говорилъ справедливо, не щадя своихъ, рыдая и молясь. По сему надобно вѣрить словамъ его, какъ самой истинѣ. А подробности сказанія его о благословной причинѣ нашествія Россовъ, о самомъ походѣ и страшной мести ихъ, эти подробности, которыхъ мы не знали до сей поры, должны быть внесены въ исторію Россійскаго государства и въ учебники, дабы ихъ зналъ каждый изъ насъ, и ублажалъ бы память Фотія, этого витіи и святилеля, который, первый, сказалъ о Россахъ слово справедливое, сильное, огненное, первый, чудомъ доказалъ имъ, какъ всемогущъ тотъ Богъ живый, которому покланяются христіане, и, первый, крестилъ ихъ во имя св. Троицы посредствомъ посланнаго къ нимъ епископа [1]). Перечисляю

1) Фотій въ своемъ окружномъ посланіи къ восточнымъ Церквамъ писалъ о Россахъ: «теперь и сами они перемѣнили нечестивое языческое суевѣріе на чистую христіанскую вѣру, и принявъ епископа и учителя ведутъ себя, какъ послушные сыны и друзья.»

всѣ эти подробности, не вдаваясь въ ученыя изслѣдованія о Россахъ, и съ точностію повторяя только то, что говорилъ самъ Фотій.

1. Онъ, въ первой бесѣдѣ своей, раззорителей Константинополя назвалъ Скиѳами, но подъ ними разумѣлъ Россовъ, обитавшихъ въ отдаленнѣйшей странѣ сѣверной. Это доказывается, вопервыхъ, надписями на обѣихъ бесѣдахъ его, въ которыхъ (надписяхъ) читается названіе ΡΩΣ, и которыя съ этимъ же названіемъ напечатаны и аббатомъ Минемъ въ его изданіи всѣхъ твореній Фотія, во вторыхъ, такими выраженіями его, кои невольно заставляютъ читателя помѣщать современныхъ ему Россовъ въ древнихъ предѣлахъ нашего отечества, отъ Кіева и Львова до Новгорода. Сопоставляю эти выраженія. — Въ самомъ началѣ первой бесѣды народъ, подступившій къ Константинополю, названъ *вышесѣверным*ъ, ὑπερβόρειος, то есть, такимъ, который жилъ на самомъ далекомъ отъ Царьграда сѣверѣ. Въ концѣ перваго отдѣленія этой же бесѣды о немъ сказано: «*народъ сей двинулся съ сѣвера . . . . устремился съ конца земли. . .* ἐξείρφεν ἀπὸ βοῤῥᾶς, ἐξηγέρθη ἀπ' ἐσχάτου τῆς γῆς. Хотя слова эти заимствованы Фотіемъ изъ пророчества Іереміи, разумѣвшаго Халдеевъ, но заимствованы потому, что онѣ, какъ нельзя лучше, обозначали ему ту сѣверную, землеконечную страну, изъ которой пришла рать губить Константинополь. Эта страна, по указанію сего витіи, *отдѣлена была отъ Византійскаго царства нѣсколькими областями и народоначальствами, судоходными рѣками и пристанищными морями:* χώραις πόσαις, ἐθναρχίαις τε καὶ ποταμοῖς ναυσιπόροις καὶ λιμενηροῖς πελάγεσιν τῶν ἐπελασάντων διειργόμεθα[1]). Явно, что Фотій помѣщалъ ее выше морей Чернаго и Азовскаго, выше рѣкъ, Дона, Дуная, Днѣстра и Днѣпра, на которыхъ судоходство было извѣстно ему, и выше нѣсколькихъ прилежащихъ къ нимъ областей, тогда разноплеменныхъ и независимыхъ одна отъ другой. Во второй бесѣдѣ этотъ витія, описывая народъ, выславшій рать свою въ Константинополь, выразился, что онъ живетъ *гдѣ то вдали*, ἔθνος πόῤῥω που τῆς ἡμῶν ἀπῳκισμένον[2]). Это неопредѣленное выраженіе доказываетъ, что мѣстопребываніе сего народа было такъ далеко и такъ мало извѣдано, что самъ Фотій не зналъ, какъ опредѣлить его, вѣдая только то, что оно гораздо выше двухъ морей, нѣсколькихъ рѣкъ и странъ дальносѣверныхъ. — И такъ въ самыхъ бесѣдахъ его заключаются неоспоримыя доказательства того, что Константинополь въ дни сего патріарха былъ осажденъ Россами, и что этотъ народъ, выславшій туда рать свою, какъ увидимъ, на военныхъ корабляхъ по Черному морю, жилъ въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ сѣвера, на концѣ земли, по мнѣ, въ Кіевѣ, Львовѣ и Новгородѣ.

2. Изъ первой бесѣды Фотія видно, что Россы извѣстны были въ Константинополѣ до нашествія ихъ туда. Нѣкоторые изъ нихъ тамъ жили по торговымъ дѣламъ своимъ, держали молотильщиковъ, или провѣвальщиковъ хлѣбнаго зерна, и частнымъ лицамъ, а вѣроятнѣе правительству, должны были что-то малое, ничтожное[3]). Горькіе упреки Фотія, — «почему

---

1) Смотри IV отдѣл. 1-й бесѣды.
2) Смотри III отдѣл.
3) Смотри отдѣл. I.

ты острое копье друзей твоихъ презиралъ, какъ бы малокрѣпкое, а на естественное сродство плевалъ, и вспомогательные союзы расторгалъ» [1]), — эти упреки намекаютъ даже на политическія и дружескія сношенія Византійскихъ Грековъ съ Россами ранѣе осады Константинополя, и на ихъ обоюдные браки, но, кажется, безъ вѣнчанія Гречанокъ, вступавшихъ въ Россkія семейства по закону естественному, вѣроятно, подъ условіемъ неприкосновенности христіанской вѣры ихъ. Ужели эти упреки, въ связи съ предъидущими и послѣдующими обличеніями Византійцевъ въ безнравственности, надобно понимать въ иносказательномъ смыслѣ, и разумѣть на примѣръ, что Цареградцы преданность друзей презирали, на родство плевали, помощь (чью?) отвергали, или никому не помогали? Я не вижу тутъ никакого иносказанія. Фотій говорилъ прямо, что *союзы помощи были расторгаемы* Византійцами, а не отвергаемы, и что у союзниковъ, друзей и родственниковъ по естеству, было острое копье, которое считалось малокрѣпкимъ, хотя оно очень крѣпко, какъ это доказалъ опытъ. Такія выраженія внушаютъ ту самую мысль, которую высказалъ я выше. А если онѣ излились вмѣстѣ съ укоризнами въ безнравственности, то излились весьма кстати, потому что нѣтъ ничего безнравственнѣе, какъ политическое презрѣніе сильнаго къ слабому и вѣроломство. Притомъ не забудемъ, что Фотій, говоря первую бесѣду безъ приготовленія, волновался сильнымъ негодованіемъ на несправедливые и жестокіе поступки Византійцевъ съ Россами, и потому выражалъ это негодованіе всякій разъ, какъ только припоминалъ эти поступки.

3. Читая обѣ бесѣды его внимательно и разсудительно, понимаешь, что Россы не съ неба упали тогда, когда увидѣлъ ихъ Константинополь, а пришли изъ дальносѣверной страны, гдѣ жили давно, какъ народъ, имѣвшій свое начальство, войско, корабли, и знакомый Византійскимъ Грекамъ. Фотій хорошо зналъ ихъ до нашествія. Это видно изъ того подробнаго и вѣрнаго описанія ихъ которое содержится въ третьемъ отдѣленіи второй бесѣды его. Разсмотримъ тутъ каждое выраженіе.

Ἔθνος ἀφανὲς, ἔθνος ἀναρίθμιον, ἔθνος ἐν ἀνδραπόδοις ταττόμενον, ἄγνωστον [2]) μὲν, ἀλλ᾽ ἀπὸ τῆς καθ᾽ ἡμᾶς στρατείας ὄνομα λαβὸν, καὶ ἄσημον μὲν, ἀλλ᾽ ἐπίσημον γεγονὸς, ταπεινὸν καὶ ἠπορημένον ἀλλ᾽ εἰς ὕψωμα λαμπρὸν καὶ πλοῦτον ἄπλητον ἀναβεβηκὸς, ἔθνος . . . βαρβαρικὸν, νομαδικὸν, τὸ θράσος ἔχον εἰς ὅπλα, ἀφύλακτον, ἀνεξέλεγκτον . . . ἐξεχύθη τοῖς ὅροις ἡμῶν.

Народъ ничѣмъ не заявившій себя, народъ непочётный, народъ считаемый наравнѣ съ рабами, не именитый, но пріобрѣтшій себѣ славу со времени похода къ намъ, не значительный, но получившій значеніе, смиренный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной и нажившій богатство несметное, народъ варварскій, кочевый, гордящійся оружіемъ, не имѣющій стражи, неукоризненный, нахлынулъ на предѣлы наши.

— Къ Константинополю подступилъ народъ *ничѣмъ не заявившій себя*, ни науками, ни

1) . . . καὶ φίλων μὲν στοργὴν μικροῦ παρέβλεπες λήματος, συγγενείας δὲ φύσιν διέπτυες, καὶ δεσμοὺς βοηθείας ἐρρήγνυες; — Отдѣл. II въ 1 бесѣдѣ.

2) ἄγνωστος, sans nom, sans gloire. — Dictionnaire Grec-Français par Planche. Paris. 1824.

искуствами, ни изобрѣтеніями. Такъ точно. Однако онъ существовалъ, и Греки знали, что онъ ничѣмъ не отличился;

— подступилъ *народъ непочетный*. Такъ точно. Онъ не имѣлъ того политическаго почета, какой тогда имѣли Латины, Персы, Аравитяне, сами Греки, однако существовалъ и слылъ непочетнымъ.

— подступилъ *народъ считаемый наравнѣ съ рабами*. Итакъ Византійскимъ Грекамъ и Фотію извѣстно было даже рабство тѣхъ племенъ, надъ которыми господствовали Россы, эти отважные Япетиты, свыше предназначенные къ дѣламъ міровымъ, и изъ которыхъ они набрали себѣ земское войско [1]).

— Къ Константинополю пришелъ *народъ неименитый, но пріобрѣлъ себѣ славу со времени похода туда*. Громко же оповѣстили себя Европѣ Россы, *которыхъ презирала блестящая по виду и необоримая по силѣ Византія, и которыхъ прежде усмиряла самая молва о ней* [2]).

— Византію осадилъ *народъ незначительный*, но съ той поры *получилъ значеніе*, то есть, увеличилъ свой политическій вѣсъ;

— осадилъ *народъ смиренный и бѣдный, но тутъ же достигъ высоты блистательной, и нажилъ богатство несметное*. И было гдѣ нажиться! Было надъ кѣмъ возвыситься! Въ предмѣстіяхъ Царьграда, расположенныхъ вдоль всего Босфора по обѣ стороны этого очаровательнаго пролива, куда на лѣто уѣзжали богачи, и гдѣ было много церквей и монастырей, Россамъ досталось величайшее богатство, которое, какъ видно изъ словъ Фотія, они увезли съ собою, дорожа имъ болѣе, чѣмъ тою славою, которая въ этотъ разъ превознесла ихъ выше именитыхъ Грековъ.

— Этихъ Россовъ Фотій огласилъ народомъ *варварскимъ*, какъ Еллинъ, называвшій варваромъ всякаго чужестранца, говорившаго непонятнымъ ему языкомъ;

— огласилъ народомъ *кочевымъ*, какъ риторъ, которому по правиламъ риторики иногда позволительно ставить на видъ часть цѣлаго, какъ бы она была все цѣлое, Видно, онъ зналъ, что въ его время нѣкоторыя кочевыя племена повиновались Россамъ, которые имѣли свои торговые домы въ Константинополѣ, и свои военные корабли, слѣдовательно были люди не кочующіе. Это свѣдѣніе очень важно для насъ. Принявъ его отъ такого писателя, каковъ Фотій, который въ своемъ посланіи къ восточнымъ епископамъ (866 год.) назвалъ Россовъ побѣдителями сосѣднихъ народовъ, мы должны крѣпко подумать, во первыхъ, о занятіи Кіева Оскольдомъ, Кіева, который, переставъ тогда платить дань Хазарамъ, могъ удержать за собою нѣсколько вежъ ихъ въ нынѣшнихъ областяхъ, Кіевской и Черниговской [3]), во вторыхъ, о тѣхъ воинственныхъ Куманахъ, которые кочевали въ Ексопонтѣ (нынѣшней Бессарабіи и Молдавіи), но были подвластны Россамъ, даже назывались Куманы-Росъ, подчинялись Кіевскимъ намѣстникамъ и воеводамъ Рюрика, Аскольду и Диру, какъ своимъ

1) Отдѣл. V перв. бесѣды. «О градъ, царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается надъ тобою, какъ надъ рабою! не обученное и набранное изъ рабовъ.»

2) Смотр. II отдѣл. 2-й бесѣды.

3) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго положительно сказалъ, что Русскіе князи брали дань съ Хазаровъ. — Издан. К. Оболен. Москва 1851, стран. 5.

князьямъ, и съ ними намѣревались идти къ Царьграду даже при Василіи Македонскомъ; «*но*, какъ говоритъ лѣтописецъ, *возбрани имъ Божій промыслъ.* По мнѣ, эти кочевые Хазары и Куманы находились въ составѣ того войска, кототое при Фотіи осаждало Константинополь, находились, какъ подданные Россовъ; и потому патріархъ этотъ, говоря о семъ послѣднемъ народѣ, упомянулъ о подвѣдомыхъ ему кочевьяхъ.

— Остальныя черты Россской народности, схваченныя и нарисованныя Фотіемъ съ точною вѣрностію, доказываютъ, что онъ имѣлъ подробныя понятія о Россахъ до нашествія ихъ. По описанію его, этотъ народъ *гордился своимъ оружіемъ*, своимъ острымъ копьемъ, которое Византійцы напрасно считали малокрѣпкимъ, своими мечами, которыми онъ потрясалъ и грозилъ, плывя на корабляхъ вдоль Византійскаго Босфора [1]), своими стрѣлами, кои онъ несъ съ конца земли [2]). Но этотъ же народъ, грозный и немилующій враговъ своихъ, котораго голосъ подобился шуму моря [3]), у себя, дома, по увѣренію Фотія, *не имѣлъ стражи.* Никто тамъ не стерегъ его. Стало быть, онъ извѣстенъ былъ въ Византіи, какъ народъ смирный и покорный властямъ своимъ. И это — сущая правда. Намъ извѣстно, что уже послѣ Фотія Олегъ началъ строить города по всей Руси, и ставить въ нихъ военную стражу. Но вотъ послѣдняя черта, которою Фотій придалъ тогдашнимъ Россамъ благообразіе завидное и теперь. Это былъ *народъ неукоризненный.* Теперь припомнимъ тѣхъ подвластныхъ Россамъ Славянъ, которые были кротки и тихи обычаемъ, и у которыхъ жены были стыдливы, бракъ почитаемъ былъ священнымъ, миръ и цѣломудріе господствовали въ семействахъ [4]); припомнимъ это, и вслушавшись въ похвалу Фотія современному съ нимъ Россо-Славянскому народу, имѣвшему тогда неправильное понятіе о Божествѣ [5]), спросимъ себя самихъ: таковы ли мы теперь? О святѣйшій Фотій моли Бога о насъ!

Бесѣды Фотія о Россахъ и первыя страницы лѣтописи преподобнаго Нестора поясняютъ себя взаимно. Эти бесѣды понудятъ насъ открыть слѣды Россскаго народа въ обширномъ просторѣ древнихъ временъ, минувшихъ гораздо ранѣе нападенія его на Константинополь, о которомъ одна молва, какъ говорилъ Фотій, прежде усмиряла сей народъ. Теперь намъ придется вновь пересмотрѣть и обсудить все, что сказано было о Россахъ древними писателями и даже 70 толковниками, которые въ греческомъ переводѣ Библіи удержали названіе PωC, какъ я думаю, не произвольно, а потому что слышали о существованіи Россовъ около Кавказа и выше; придется принять въ соображеніе старинное названіе Волги, PAC, постараться прочесть Сибирскія надписи, пока не разгаданныя, и сличить ихъ съ надписями Расеновъ и Этрусковъ, жившихъ въ Италіи и говорившихъ языкомъ сроднымъ съ нарѣчіями Япето-Семитическими (sic); придется прослѣдить тѣ русла, по которымъ въ Славяно-Россійскій языкъ втекли слова Еллинскія, Латинскія, Германскія и Япето-Семитическія; придется провести

1) Смотри V отдѣл. 2-ой бесѣды.
2) Смотри I отдѣл. 1-й бесѣды.
3) Тутъ же.
4) Истор. Рос. Госуд. Карамз. Т. I, стран. 63. Издан. 1-е.
5) Смотри VII отдѣл. 2-й бесѣды: «прочіе народы, у которыхъ понятіе о божествѣ погрѣшительно. . . »

разграничительную линію между Вѣрою Россовъ-Япетитовъ и между Славою[1]) = (религіею) Іоновъ, или Явановъ-Пеласговъ, которую приняли отъ нихъ при-Дунайскіе и при-Карпатскіе туземцы, и потому назвались Слав-іонами, то есть, послѣдователями Славы = религіи Іоновъ; придется вникнуть въ старинное столкновеніе оной Вѣры и этой Славы, и открыть причины слабости первой и перерожденія второй въ христіанское *Православіе* въ Кіевѣ и Новгородѣ въ слѣдствіе прежняго многовѣковаго тяготѣнія Славіонскихъ племенъ къ Востоку, откуда получена была ими первая Слава, хотя и бѣсовская; придется лучше понять *Варяжство*, то есть торговое *товарищество*[2]) Россовъ, овладѣвавшихъ рыбьими дорогами отъ моря Балтійскаго до моря Чернаго и присѣдящими тутъ племенами, включительно съ Россо-Влахіею, овладѣвавшихъ безъ шуму, мирно, съ помощію мамоны, какъ овладѣвали почти всѣмъ свѣтомъ Финикіяне, какъ овладѣли Индіею Англичане; однимъ словомъ, придется освѣтить начало Россійскаго государства. Особенныя историческія убѣжденія мои въ этомъ родѣ будутъ изложены при критическомъ изданіи подлинныхъ бесѣдъ Фотія о Россахъ, которые были не Славяне, не Нѣмцы, не Норманны, а Япетиты, и до перехода изъ Азіи въ Европу, и по переходѣ туда, долго говорили языкомъ близкимъ къ нарѣчіямъ Семитическимъ, и писали, такъ на примѣръ: ІРV[6] АТА[5]V[4] †МΞ[3] МИΞ[2] ІИА[1] = áни[1] э́нош[2]. э́шта[3] ла[4] ба[5] óри[6]: я мужъ, жена не пришла свѣтить. А теперь мнѣ надобно продолжать разсужденіе о самыхъ бесѣдахъ этихъ и содержащихся въ нихъ историческихъ быляхъ.

4. «Россій народъ, котораго усмиряла самая молва о Византійскихъ грекахъ, поднялъ оружіе противъ державы ихъ, и ударилъ въ ладоши, надѣясь взять Константинополь, какъ птичье гнѣздо[3]).» Какая же была причина возстанія и нападенія его на этотъ седмихолмный городъ, защищенный природою и искуствомъ? И что окрыляло такую надежду его? — Византійскіе греки умертвили нѣсколькихъ Россовъ, которые должны были имъ что-то малое, ничтожное[4]). Вотъ причина войны! Россы надѣялись, что жестокая неправда Грековъ будетъ наказана Небомъ. Вотъ сила ихъ надежды! Но выслушаемъ это отъ самаго Фотія. Онъ говоритъ: «Эти варвары справедливо разсвирѣпѣли за умерщвленіе соплеменниковъ ихъ, и благословно требовали и ожидали кары равной злодѣянію.» Довольно! Коротко и

---

1) Реченіе, Слава, древле употреблялось въ значеніи Религіи. Это видно, напримѣръ, изъ выраженія: *Слава бѣсовская*, т. е. идолослуженіе, выдуманное бѣсами. Да и нынѣ, когда мы произносимъ слово, *Православіе*, соединяемъ съ нимъ понятіе о религіи.

2) Въ словѣ, *товарищество*, звучитъ слово *варяжство*.

3) Смотри II отдѣл. 2-й бесѣды.

4) Смотри I отдѣл. 1-й бесѣды, и сличи въ VII отдѣл. 2-й бесѣды слова Фотія: «Какъ отважился бы кто одолѣть враговъ, когда неразумная ярость овладѣваетъ **самодержавнымъ** умомъ и склоняетъ его убить ближняго, который, быть можетъ, не сдѣлалъ никакой неправды?» Въ этихъ словахъ есть сильный намекъ на то, что Россіе купцы умерщвлены были по приказанію самодержца Михаила. А ежели онъ приказалъ убить ихъ, стало быть, эти несчастные должны были что-то малое правительству его, а не частнымъ лицамъ.

ясно! Теперь мы знаемъ законную причину войны Россовъ съ Византійцами въ дни Фотія: посмотримъ же, какъ они начали и кончили ее.

5. «Походъ ихъ схитренъ былъ такъ, что и молва не успѣла извѣститъ о немъ Византійцевъ, дабы могъ кто либо изъ нихъ подумать о безопасности, и они услышали о Россахъ уже тогда, когда увидѣли ихъ, хотя и отдѣлялись отъ нихъ многими странами и народоначальствами, судоходными рѣками и пристанищными морями.» Βαρβάρων ἄπιστος δρόμος οὐκ ἔδωκε τῇ φήμῃ καιρὸν ἀγγελίας, ὡς ἄν τίς ἀσφάλεια περινοηθείη, ἀλλὰ σύνδρομον ἔσχεν ἡ θέα τὴν ἀκοὴν, καίτι καὶ χώραις πόσαις, ἐθναρχίαις τε καὶ ποταμοῖς ναυσιπόροις καὶ λιμενηροῖς πελάγεσι τῶν ἐπελασάντων διειργόμεθα. Выслушавъ это, всякій невольно спроситъ: какъ можно было затаить походъ многочисленнаго войска, посаженнаго на корабли и спустившагося по рѣкамъ изъ отдаленной страны? Какъ не узнали объ этомъ Греки, жившіе тогда въ городахъ Тавриды и Зикхіи, въ Херсонесѣ, Символонѣ (Балаклавѣ), Сугдеѣ, Өеодосіи, Фуллахъ, Пантикапеѣ, Фанагоріи? Какъ не оповѣстили это Хазары, кочевавшіе на берегахъ Днѣпра? Какъ проглядѣли это Болгары и Скиөы, населявшіе устья Дуная? Какъ незамѣтили Росскаго флота греческія суда, непрестанно плававшія по Черному морю вдоль и поперекъ? Вѣдь, не подъ водою же проплыли, и не по небу же пролетѣли корабли и полщица Россовъ? Какъ же это могло статься? И я задавалъ себѣ эти вопросы, и долго не умѣлъ отвѣчать на нихъ. Но наконецъ мнѣ помогло рѣшить ихъ выраженіе точнаго Фотія: **ΑΠΙϹΤΟϹ ΔΡΟΜΟϹ**, путь невѣрный, походъ схитренный. Россы плыли путемъ невѣрнымъ, то есть, не прямымъ, не однимъ, а въ разныхъ направленіяхъ. Таковъ смыслъ и такова сила этого выраженія! Посему я полагаю, что корабли ихъ съ вооруженными воинами, какъ это бывало прежде и послѣ, *не всѣ, а по частямъ*, спустились по Днѣпру къ Черному морю, и отплыли, частію, къ Трапезунту, частію, къ Синопу, частію, къ устьямъ Дуная, будто для торговли, и въ условленное время соединились и преспокойно вошли въ Константинопольскій проливъ, тогда ничѣмъ и никѣмъ незащищенный. Такъ я объясняю **ΑΠΙϹΤΟΝ ΔΡΟΜΟΝ** схитренный походъ Россовъ. Здѣсь кстати замѣтить, что этимъ смѣлымъ морякамъ, видно, было хорошо знакомо Черное море, и знакомо издавна. Знали они, какъ обмануть зоркость Грековъ, этихъ старыхъ Аргонавтовъ, куда плыть, какъ раздѣлиться, и какъ и когда соединиться при устьѣ Босфора. Audax Japeti genus = отважный родъ Япета!

6. «Тогда море было тихо. Корабли (νῆες) Россовъ, плывя по Босфору въ виду жителей Константинополя, навѣвали на нихъ что-то свирѣпое и дикое и убійственное. На палубахъ стояли воины въ полномъ вооруженіи, и съ криками грозили городу простертыми мечами своими. А голосъ ихъ подобенъ былъ шуму моря. По обычаю своему они распредѣлили между собою жребіемъ всѣ красивыя предмѣстія и пристани: а большая часть флота и войска окружила твердыни столицы со всѣхъ сторонъ, съ моря и суши. Никто не могъ выдти на поле, потому что вездѣ кругомъ блистали мечи и копья Россовъ. Государя не было. Онъ находился далеко за границею своего царства, и съ нимъ бѣдствовало все войско его. Некому было сразиться съ непріятелемъ. Жители дрогнули, и въ ужасѣ не знали, что дѣлать, и только ударились всѣ въ слезы. Струсили даже и тѣ, кому предоставлено судить о войнѣ.

Мнѣнія раздѣлились. Одни судили, что лучше сдать городъ непріятелю, какъ можно скорѣе, дабы избѣжать кровопролитія, а другіе, боясь ожидаемаго переселенія, (προσδοκωμένη μετανάστασις) и надѣясь на Божію помощь, рѣшили не сдавать его; иные думали, что выгоды Россовъ заставятъ сохранить богатѣйшую въ мірѣ столицу, хотя бы они и взяли ее приступомъ; нѣкоторые не только трепетали за городъ, не только страшились жестокости непріятеля, котораго раздражитъ продолжительность осады, но даже самое состраданіе его къ злополучію считали безславіемъ для себя; многіе воображеніемъ придумывали: кто бы долженъ отмстить за нихъ Россамъ. А народъ, волнуемый стоустою молвою, воображалъ, чего и небыло, воображалъ, что непріятели уже перелѣзли через крѣпостныя стѣны и взяли городъ. Между тѣмъ Росская пѣхота правильно повела осаду Константинополя съ суши, насыпая валъ (χαράκωμα) и отряжая воиновъ подкапывать стѣны. Въ то же время всѣ предмѣстія до самой крѣпости (Іерòнъ) пылали, а жители ихъ были истреблены.» Гибель этихъ злосчастныхъ христіанъ описана самыми яркими красками Фотія; что я говорю, красками? она описана ихъ кровью. Предоставляю читателямъ понять чувствомъ это описаніе, а самъ спѣшу досказать, что слѣдуетъ. «Славяно-Россы сражали мечемъ всякій возрастъ и полъ *раздѣльно* (ἰδία) и, что всего замѣчательнѣе, трупы мущинъ клали подлѣ мертвыхъ воловъ, тѣла юношей вмѣстѣ съ убитыми конями, а кровь женщинъ смѣшивали съ кровію курицъ.» Значитъ, они по требованію своей бѣсовской Славы, приносили ихъ въ жертву богамъ своимъ, мущинъ и воловъ Перуну, или Сварóгу, юношей и коней Дажьбогу, женщинъ и курицъ богинѣ Ладѣ [1]). Иначе, не льзя понять того, что сказалъ очевидный свидѣтель тому Фотій. Но вотъ еще страшная быль, оповѣщенная этимъ свидѣтелемъ. «Отъ неисчетнаго множества труповъ появилась зараза, которая истребляла остальныхъ жителей предмѣстій Константинополя.»

7. Что же тогда происходило въ этой столицѣ, защищенной высокими и крѣпкими стѣнами? Тогда Фотій, исполненный негодованія на виновниковъ величайшаго несчастія, которые умертвили должниковъ своихъ, неукоризненныхъ Россовъ, и сдѣлали своими рабами немногихъ молотильщиковъ хлѣбнаго зерна ихъ, Фотій въ храмѣ святой Софіи грянулъ, какъ громъ, и засверкалъ, какъ молнія. Читайте первую бесѣду его. Она громъ, она молнія, а не слово человѣка! Эта гроза его и общее несчастіе образумили злополучныхъ. «Гордые смирились; сластолюбцы начали поститься; весельчаки и игроки пролили слезы; ростовщики оплевали сребролюбіе и раздавали деньги дѣднымъ; каждый, кто жилъ худо и безпечно, руками и ногами и всѣми силами давалъ знать, что онъ будетъ служить образцомъ добродѣтели; всѣ прибѣгли къ Богу, раскаялись въ грѣхахъ своихъ, остепенились, исправились, и со слезами и воздыханіями на литіяхъ и во время всенощныхъ бдѣній, испрашивали у Бога помилованія. Между тѣмъ Россы довершали свой осадный валъ и раз-

1) Росская княгиня Ольга требовала отъ Древлянъ въ *жертву богамъ* по три голубя и по три воробья съ каждаго двора. — Греческій царь Константинъ Багрянородный повѣдалъ, что Россы *приносили въ жертву живыхъ птицъ.* Въ Словѣ Христолюбца сказано о нихъ. *и куры имъ* (богамъ) *рѣжутъ.* По свидѣтельству Льва Діакона Россы *закалали надъ умершими пѣтуховъ.* (Лѣтопис. Переяславля Суздал. Москва. 1851. стран. V и VI.)

шатывали подкапыкаемыя стѣны. Царица городовъ хотя еще не отведена была въ плѣнъ, но у ней уже плѣнена была надежда спасенія. Ожидалось переселеніе жителей [1]).

8. «Была темная и страшная ночь, въ которую жизнь Цареградцовъ догарала вмѣстѣ съ послѣдними лучами солнца, и заря бытія ихъ поглощалась глубокимъ мракомъ смерти. Во всю эту ночь они, поднявъ руки къ небу, просили у Бога помилованія, возложивъ на него одного надежду свою, и умоляли Матерь Слова покрыть ихъ покровомъ своимъ, какъ стѣною нерушимою.» Но настал̆ъ день спасенія. Фотій, пламенный богомолецъ и предстатель предъ Богомъ за паству свою, вынесъ изъ церкви ризу Богоматери, и вмѣстѣ съ христоименитымъ народомъ совершилъ крестный ходъ по городу у стѣнъ его, держа эту ризу на рукахъ своихъ. Всѣ молились усердно, слушая сугубыя эктеніи и литіи на опредѣленныхъ мѣстахъ. Когда же этотъ боголюбезнѣйшій святитель съ оною ризою взошелъ на ту стѣну, что противъ непріятельскаго вала и стана, и началъ совершать тутъ крестный ходъ; тогда *осаждающіе непріятели, непостижимо, какъ, обращали тылъ свой, а валъ ихъ осыпался, какъ по данному знаку*. Какъ только дѣвственная риза эта обнесена была по этой стѣнѣ, варвары сняли осаду города, и жители его избавились отъ ожидаемаго плѣна, и сподобились нечаяннаго спасенія. Тогда Господь воззрѣлъ не на грѣхи ихъ, а на покаяніе, не вспомнилъ беззаконій ихъ, но посмотрѣлъ на сокрушеніе сердецъ ихъ, и склонилъ слухъ свой къ мольбамъ устенъ ихъ. Неожиданно было нашествіе враговъ, но нечаянно и удаленіе ихъ, не выразимо устрашеніе, но посрамительно и бѣгство ихъ.» И такъ совершилось чудо! Константинополь спасенъ былъ чудомъ! Явно, что Россы отступили отъ твердынь его въ какомъ то паническомъ страхѣ. Послѣ этого понятно, почему они, возвратившись въ Кіевъ, вскорѣ потребовали отъ Фотія крещенія.

Такъ началось и кончилось нападеніе многобожныхъ Россовъ на Константинополь. «Ихъ привелъ туда гнѣвъ ихъ, но за ними слѣдовала милость Божія.» Это слова Фотія. Ихъ возвратила назадъ Божія милость къ христіанамъ; но она же опять привела ихъ къ Фотію просить у него духовнаго свѣта и благодати того Бога-Слова, котораго Матерь смогла удалить ихъ отъ посвященнаго ей города. Припоминая все это, не знаешь чему болѣе удивляться, могуществу ли молитвы и чуду отъ ризы Богоматери, или чудесному обращенію Россовъ въ христіанство. Неисповѣдимы судьбы Вседержителя. Онъ водилъ грозныя полчища Германцовъ къ старому Риму, дабы посредствомъ ихъ наказать тамошній людъ, который, по выраженію Марсельскаго пресвитера Сальвіана, *умиралъ смѣясь*; но въ этомъ же Римѣ сіи Германцы нашли Спасителя душъ своихъ Христа Бога нашего. Онъ водилъ грозное воинство неукоризненныхъ Россовъ къ новому Риму, дабы посредствомъ ихъ наказать тамошній людъ, который, по выраженіямъ Фотія, если не отпустилъ отъ себя Бога, то по-

---

1) Выраженія Фотія: — городъ (а не предмѣстія его) разшатывается подкапывающими = ἡ πόλις τοῖς ὠρυγμένοις κατασειεται, близокъ къ паденію = ἐγγὺς κεῖται τοῦ ἁλώματος, ожидается переселеніе = προσδοκωμένη μετανάστασις, насыпь, или валъ Россовъ разсыпался = τὸ χαράκωμα διελύετο, варвары сняли осаду города = τῆς πολιορκείας οἱ βάρβαροι ἀπειπόντες ἀνεσκεύασαντο: всѣ эти выраженія вполнѣ убѣждаютъ читателя, что Россы правильно осаждали самый Царь-градъ, защищенный стѣнами.

глумился надъ законами его, и прогнѣвалъ его грѣхами даже неестественными; но въ этомъ же Римѣ сіи Россы нашли Спасителя душъ своихъ Христа Бога нашего, и въ послѣдствіи въ Кіевѣ мусіею увѣковѣчили образъ Богоматери, который понынѣ называется тамъ Нерушимая Стѣна.

Отлагаю въ сторону перо свое, начертившее эти строки, и взявъ другое, пишу кратко:

Имѣя подъ руками Фотіевы бесѣды о Россахъ, мы должны внести въ исторію нашего отечества слѣдующія событія:

1. Россы, давно извѣстные въ Константинополѣ, какъ народъ дальносѣверный, гордый оружіемъ, не имѣвшій у себя внутренней стражи, и неукоризненный, рѣшились наказать этотъ городъ и переселить жителей его за несправедливое умервщленіе соплеменниковъ своихъ, которые тамошнему правительству должны были что-то малое.

2. Они на корабляхъ своихъ по Черному морю плыли къ Константинополю путемъ невѣрнымъ, то есть, не прямымъ, не однимъ, а въ разныхъ направленіяхъ, и такимъ схитреннымъ походомъ обманули Византійскихъ Грековъ.

3. Во время плаванія ихъ Черное море было спокойно. По входѣ въ Константинопольскій проливъ они въ полномъ вооруженіи стояли на корабляхъ своихъ, и съ криками угрожали городу простертыми мечами своими, потомъ по жребію раздѣлили между собою всѣ красивыя предмѣстія до самой Крѣпости Іерона, и пристани его, и зажгли ихъ, а жителей истребили, принося ихъ, раздѣльно, въ жертву богамъ своимъ. Въ это же самое время главная рать ихъ съ моря и суши окружила Константинополь, и повела осаду его правильно, насыпая валъ и подкапывая стѣны.

4. Жители этой столицы, защищенной твердынями, дрогнули, но не рѣшились сдать ее Россамъ въ чаяніи помощи Божіей и заступленія Матери Слова, а сами, обличенные и усовѣщенные проповѣдію Фотія, раскаялись въ грѣхахъ своихъ и исправились.

5. Въ предмѣстіяхъ Константинополя отъ неисчетнаго множества труповъ появилась зараза, и доканчивала истребленіе тѣхъ, которые успѣли скрыться.

6. Была страшная ночь наканунѣ приступа Россовъ къ Царьграду. Въ эту ночь всѣ тамошніе христіане молились, поднявъ руки свои къ небу.

7. Днемъ святѣйшій Фотій съ ризою Богоматери совершилъ крестный ходъ около стѣнъ города и по той стѣнѣ, противъ которой Россы насыпали валъ, и которую подкапывали. Въ часъ сего хода этотъ валъ началъ осьшаться, какъ по данному знаку, а осаждающіе городъ непріятели, непостижимо — какъ, обратились въ бѣгство, сѣли на корабли свои, и возвратились въ отчизну свою съ несметнымъ богатствомъ, о которомъ Фотій, послѣ отступленія ихъ, не упомянулъ бы, если бы они на морѣ потерпѣли кораблекрушеніе.

8. Тогда въ Константинополѣ не было ни царя, ни войска. Фотій во второй бесѣдѣ своей, говоренной уже послѣ удаленія Россовъ, ни слова не сказалъ ни о томъ, ни о другомъ. Слѣдовательно разсказъ Византійскихъ историковъ, Симеона Логоѳета и Георгія монаха, о прибытіи царя Михаила въ Константинополь во время осады его Россами, и о погруженіи ризы Богоматери въ море, долженъ быть признанъ невѣрнымъ тѣмъ болѣе, что другіе Ви-

зантійскіе же историки усвоили спасеніе Константинополя отъ Россовъ однимъ молитвамъ Фотія, умалчивая о погруженіи оной ризы въ море.

Всѣ эти событія совершились въ царствованіе Греческаго государя Михаила III. Но въ какомъ году и мѣсяцѣ? — Вѣрно рѣшить этотъ вопросъ помогаетъ мнѣ вышепомянутый Симеонъ Логоѳетъ, изложившій дѣянія Михаила по годамъ[1]). По счету его сей Государь царствовалъ 14 лѣтъ подъ опекою своей матери Ѳеодоры[2]), 12 лѣтъ одинъ, и годъ и 4 мѣсяца вмѣстѣ съ Василіемъ Македонскимъ, всего 27 лѣтъ съ третью, скончался же ночью подъ праздникъ святой равноапостольной Ѳеклы въ такой годъ, въ который индиктъ былъ 1-й, слѣдовательно 24 сентября въ первый мѣсяцъ 868 сентябрскаго года отъ рождества Христова, потому что съ этимъ годомъ совпадалъ указанный индиктъ. Теперь отъ кончины его отсчитаемъ назадъ ровно годъ и 4 мѣсяца соцарствованія его съ Василіемъ: мы получимъ 24-е мая 866 года, въ который Василій, дѣйствительно, былъ вѣнчанъ Михаиломъ на царство въ день пятдесятницы, празднованной тогда 26 мая. Отсчитаемъ назадъ еще три года единовластія Михаила, имянно, 12, 11 и 10-й: мы получимъ 24 мая 863 года. Съ этого дня начался 10-й годъ единовластія его и кончился 23 мая 864 года: а въ этотъ 10-й годъ, по сказанію Симеона Логоѳета, Россы осадили Константинополь и разорили предмѣстія его[3]); слѣдовательно они приплыли туда на корабляхъ своихъ, или послѣ 24 мая 863 лѣта, или немного ранѣе 23 мая 864 лѣта — въ самые послѣдніе дни 10-го года единовластнаго царствованія Михаила. Я утверждаю, что они подступили къ Константинополю въ эти послѣдніе дни, точнѣе сказать, между 15 и 20 днями мая 864 года, ровно за тысячу лѣтъ отъ $^{15}/_{20}$ мая текущаго года, и утверждаю это, полагая въ основаніе слѣдующія данныя. 1) Современникъ и другъ Фотія Никомидійскій митрополитъ Георгій въ своемъ повѣствованіи о ризѣ Богоматери сказалъ, какъ очевидецъ: «Было время, когда дѣла наши шли хорошо, и никакая война не страшила насъ.... Но вотъ нашелъ на насъ *страшно блистающій мечь*, который, казалось, готовъ былъ поразить всю вселенную. Вождь, предводительствовавшій столькими толпами, по видимому, хотѣлъ вступить въ переговоры съ царемъ. . . Когда эта саранча опустошала *всѣ окрестные города:* тогда царь въ простой одеждѣ повергся въ храмѣ Богоматери. . . » Изъ этого сказанія видно, что во время патріаршества Фотія были дни, въ которые Константинополь находился въ опасности отъ непріятелей, и что тогда блисталъ страшный мечь. А грозная комета въ видѣ меча являлась въ теченіи 20 дней въ 864 году (Cosmogonie von Schubert), когда святительствовалъ Фотій; слѣдовательно, и Константино-

---

1) Онъ велъ двойной счетъ годовъ, одинъ отъ сотворенія міра, а другой отъ рождества Христова. Но этотъ *общій* счетъ у него не совсѣмъ вѣренъ, потому что онъ отъ начала міра до Христа считалъ только 5500 лѣтъ, а не 5508. За то, у него вѣрно показаны годы единовластія царя Михаила и два индикта 15-й и 1-й, совпадающіе съ годами 867 и 868. Ихъ то я и принялъ въ расчетъ.

2) Фотій въ своей бесѣдѣ, говоренной по случаю искорененія всѣхъ ересей, сказалъ, что Михаилъ воцаренъ былъ еще въ пеленахъ. Первый годъ его 27-лѣтняго съ третью царствованія совпадаетъ въ 840/1 годомъ, протекшимъ отъ мая до мая.

3) Τῷ ι̅ αὐτοῦ ἔτει οἱ Ῥῶς ἔνδοθεν τοῦ Ἱεροῦ φθάσαντες πολὺν εἰργάσαντο φόνον. περικυκλοῦσιν οὖν τὴν πόλιν. Edit. Bonnae. 1838. pag. 674.

поль находился въ опасности въ этомъ же году; тогда же опустошаемы были и *окрестные города*, но уже на возвратномъ пути Оскольда и по возвращеніи царя Михаила въ избавленную отъ бѣды столицу [1]). 2) Извѣстно, что Фотій провозглашенъ былъ патріархомъ въ 857 году; а тогда, какъ самъ онъ повѣдалъ, ему было уже много лѣтъ [2]), покрайнѣй мѣрѣ за 60; во время же осады Константинополя Россами онъ въ первой бесѣдѣ своей упомянулъ о близости кончины своей [3]); стало быть, тогда онъ былъ уже довольно старъ. Итакъ относить оную осаду къ маю мѣсяцу 863 лѣта значило бы сдѣлать его моложе годомъ: а если мы отнесемъ ее къ маю 864 лѣта, то лучше поймемъ слова его въ помянутой бесѣдѣ; «горько мнѣ отъ того, что продолжена пресельническая жизнь моя, и продолжена тогда, когда уже близокъ былъ конецъ мой.» 3) Извѣстно намъ теперь, что Россы предприняли походъ въ Константинополь, желая отмстить тамошнему правительству за умервщленіе соплеменниковъ ихъ. Но это печальное произшествіе, вѣдь, не скоро огласилось тамъ, гдѣ быю главное начальство ихъ, потому что тогда въ Россіи не было ни телеграфовъ, ни почтъ, не скоро собрано было и земское войско, не скоро снаряжены были и корабли. Посему ежели мы отнесемъ походъ ихъ къ маю мѣсяцу 863 года; то не поймемъ: какъ Рюрикъ, только что призванный княжить въ Новгородѣ, въ теченіи девяти мѣсяцовъ могъ собрать земское войско и вооружить флотъ подъ начальствомъ выпросившихся у него героевъ, Оскольда и Дира, и отправить ихъ по Днѣпру и Черному морю; не поймемъ и того, какъ эти герои въ такое короткое время успѣли занять Кіевъ, расправиться съ Хазарами, сговориться съ Куманами, стакнуться съ Славянами, стяпуть къ Кіеву Варяжскіе полки, и схитрить походъ, то есть, плыть къ Царьграду путемъ не прямымъ. А ежели мы, согласно съ Симеономъ Логоѳетомъ, отнесемъ появленіе ихъ у Царьграда къ послѣднимъ днямъ десятаго года царствованія Михаила, то есть, къ 15 мая 864 лѣта; то все таки лучше поймемъ ходъ дѣла. Событія и логика ихъ заставляютъ полагать, что Россы въ Константинополѣ умервщлены были въ началѣ 862 года. Это произшествіе могло быть извѣстно въ Новгородѣ въ маѣ мѣсяцѣ этого же года: а въ теченіи двухъ полныхъ лѣтъ, отъ мая 862 до мая 864, можно было сдѣлать все, что сдѣлали Оскольдъ и Диръ, которыхъ, посдѣ бесѣдъ Фотія, нельзя считать удальцами, а надобно признать военачальниками Рюрика [4]), умѣвшими правильно осаждать укрѣпленную столицу, и вмѣстѣ искусными переговорщиками, успѣвшими обаять Славянъ, Хазаровъ и Кумановъ, напоминаніемъ о выгодахъ Варяжства и обѣщаніемъ несмѣтныхъ богатствъ въ Константинополѣ, котораго жителей предполагалось переселить, вѣроятно, въ глубь Россіи. Притомъ событія же и логика ихъ заставляютъ признать и то, что Россы еще до Рюрика владѣли частію Днѣпровскихъ Славянъ, а въ Новгородѣ имѣли сильную партію, которая одолѣла тамошнихъ Славянъ и головщика ихъ Вадима, и призвавъ Рюрика, дала имъ прозваніе Рос,

---

1) Историч. ученіе объ отцахъ церкви, Филарета, архіеп. Черниговъ. Томъ III, стран. 341/2 С. П. Б. 1859.

2) Ἐπὶ πολλὰς τὰς ἡμέρας ἡμῶν μὲν ἀναβαλλομένων πρὸς τὴν ἐγχείρησιν, ἐκείνων δὲ μὴ μεθιέντων τοῦ βιάζεσθαι, κρατεῖ τῶν πλειόνων τὸ βούλημα. — Phot. epist. ad eccles. Antioch. in CII tomo patrolog. Graecae. 1860. Paris.

3) Οἴμοι ὅτι ἐμακρύνθη ἡ παροικία μου, καὶ μὴ μακρᾶς οὔσης, ἐμακρύνθη.

4) Одинъ изъ нихъ, вѣроятно, былъ адмиралъ.

и что Кіевъ сдался Оскольду и Диру безъ бою, потому что хорошо понималъ выгоды отъ подчиненія отважнымъ, сильнымъ, богатымъ и торговымъ Россамъ. Но объ этомъ подробнѣе будетъ говорено мною при критическомъ изданіи бесѣдъ Фотія въ подлинникѣ. А теперь я утверждаю, что Россы явились у Константинополя въ половинѣ мая мѣсяца 864 года, и присовокупляю, что они простояли тутъ до 5-го іюня того же года, присовокупляю же не безъ основаній. — Въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописяхъ греческихъ, имянно въ Синаксаряхъ и Профитологахъ, я усмотрѣлъ Воспоминаніе Константинопольской Церкви о избавленіи отъ нашествія варваровъ въ 5-й день мѣсяца іюня, и Чтенія пророчествъ по случаю сего избавленія. Такое воспоминаніе съ такими Чтеніями, внесенное въ богослужебныя книги, предполагаетъ событіе чрезвычайное. Знать, много пострадалъ Константинополь отъ варваровъ, и особеннымъ образомъ избавился отъ нихъ по милости Божіей, когда увѣковѣчилъ это событіе церковною Службою въ сказанный день, какъ мы увѣковѣчили ею память о нашествіи Галловъ въ 1812 году. Кто же эти варвары? Это не Персы съ Аварами, и не Агаряне, тщетно осаждавшіе Константинополь съ суши и моря, потому что воспоминаніе о первыхъ занесено въ Синаксарь подъ 7 числомъ августа, а о вторыхъ подъ 16 числомъ того же мѣсяца, да и тамъ и тутъ сказано, что нечаянное спасеніе Константинополя отъ Персовъ и Аваровъ ходатайствомъ Богоматери совершилось въ царствованіе Ираклія, а спасеніе его отъ Агарянъ случилось въ дни царя Льва Исавра. Грозные враги сего города, отступившіе отъ него 5 іюня, были другіе. Въ разсмотрѣнныхъ мною рукописяхъ они не названы народнымъ именемъ; но воспоминаніе о нашествіи ихъ записано такъ согласно съ бесѣдами Фотія о Россахъ, и пророческія Чтенія подобраны такъ подстать этимъ бесѣдамъ, что въ этихъ варварахъ нельзя не узнать воиновъ Оскольда, страшно наказавшихъ Константинополь за жестокую неправду его, но не истребившихъ всего города этаго по особенной милости Божіей къ нему. Читайте запись эту и пророчества эти, сличите ихъ съ бесѣдами Фотія, и судите сами: основательно ли я утверждаю то, что утверждаю. Въ принадлежащемъ мнѣ непечатномъ Синаксарѣ, составленномъ нѣкіимъ Петромъ въ десятомъ вѣкѣ и переписанномъ въ 1249 году, записано подъ 5 числомъ іюня: —

Μνήμη τῆς μετὰ φιλανθρωπίας ἐπενεχθείσης ἡμῖν φοβερᾶς ἀνάγκης ἐν τῇ τῶν βαρβάρων ἐπιδρομῇ, ὅτε μέλλοντας ἡμᾶς ὑπ' αὐτῶν δικαίως αἰχμαλοτίζεσθαι, καὶ φόνῳ μαχαίρας παραδίδοσθαι, ὁ οἰκτίρμων καὶ φιλάνθρωπος θεὸς διὰ σπλάγχνα ἐλέους αὐτοῦ, παρ' ἐλπίδα πᾶσαν ἐλυτρώσατο ἡμᾶς.

Воспоминаніе о страшной бѣдѣ, ниспосланной намъ человѣколюбно во время нашествія варваровъ, когда мы *справедливо* долженствовали быть *плѣнены*, и *умерщвлены мечемъ*, и когда насъ *сверхъ всякаго чаянія* избавилъ милостивый и человѣколюбивый Богъ по благоутробію милости своей.

Эта правдивая запись есть сокращенное содержаніе бесѣдъ Фотія о Россахъ. Сличая ее съ ними, усматриваешь въ ней и въ нихъ одинаковыя выраженія: «варвары *справедливо* разсвирѣпѣли за умерщвленіе соплеменниковъ ихъ, и благословно ожидали *кары равной зло-*

дѣянію . . . а мы не смѣли и посмотрѣть на нихъ прямо и неробко . . . мы избавились отъ *ожидаемаго плѣна*, и сподобились *нечаяннаго спасенія* . . . неожиданно было нашествіе враговъ, но нечаянно и удаленіе ихъ, чрезмѣрно негодованіе, но неизреченна и милость Божія» (Бесѣд. 2-я). Высказанная въ этой записи правда, и высказанная словами Фотія заставляетъ меня полагать, что въ Синаксарь внесъ ее самъ этотъ первосвятитель, оправдывавшій нашествіе Россовъ. Онъ же установилъ читать и тѣ пророчества, которыя помѣщены въ Профитологахъ подъ 5 числомъ іюня, и въ которыхъ многія вѣщанія живо напоминали Цареградскимъ христіанамъ неправды ихъ, и гнѣвъ и милость Бога [1]) Прочтемъ эти пророчества, выписанныя мною изъ непечатнаго Профитолога, десятаго вѣка, принадлежащаго Влантіонскому монастырю въ Ѳессалоникѣ, и сличимъ ихъ съ бесѣдами Фотія.

Варух. 4, 21—30,

Дерзайте чада, возопійте къ Богу, и избавитъ васъ отъ насилія, отъ руки враговъ.

→ Ибо я ожидалъ спасенія вашего отъ Вѣчнаго, и пришла мнѣ отъ Святаго радость о томъ, что скоро будетъ вамъ помилованіе ○–○ отъ вѣчнаго отца вашего. Хотя я отослалъ васъ съ рыданіемъ и плачемъ, но Богъ возвратитъ мнѣ васъ съ радостію и веселіемъ во вѣкъ. Какъ нынѣ видѣли насельники Сіона ваше плѣненіе: такъ узрятъ вскорѣ спасеніе ваше отъ Бога, которое придетъ съ великою славою и съ блистаніемъ Вѣчнаго. Чада перенесите долготерпѣливо нашедшій на васъ отъ Бога гнѣвъ. Наказалъ тебя врагъ твой, но ты узришь погибель его вскорѣ, и наступишь на выю его. ▷ Изнѣженные мои ходили по путямъ жесткимъ: взяты, какъ *стадо* похищенное врагами. Дерзайте чада, и возопійте къ Богу. ═ Будетъ (дана) вамъ память отъ Наводящаго (бѣды). Какъ, бывало, помышляли вы о томъ, чтобы уклониться отъ Бога: такъ те-

Слова Фотія.

→ Съ дерзновеніемъ говорю я, споручникъ вашего спасенія . . . поручимся другъ другу, я за ваше спасеніе, а вы за то, что нѣтъ опасенія касательно договоровъ нашихъ, я за отвращеніе бѣдствій, а вы за обращеніе Богу. . . Господь же человѣколюбивый скажетъ вамъ: вотъ я изглаждаю, какъ облако беззаконія твои, и какъ мглу, грѣхи твои. (Бесѣд. 1-й конецъ.)

○–○ Часто внушалъ я вамъ: берегитесь, исправтесь. . . Какъ же теперь поскребсти ваши сердца? . . . Не отослать ли васъ *туда* для полученія казней? . . . (Бесѣд. I, отдѣл. III.)

▷ Обрадованные, мы всѣхъ огорчали, сильные и всемъ довольные обижали, безумствовали, утолстѣли, разжирѣли, и какъ *прыгающая юница*, перепрыгнули за предѣлы заповѣдей Господа. За это разореніе ратное въ землѣ нашей. Не выходите на поле. Ибо тамъ вездѣ кругомъ мечи враговъ. (Бесѣд. I, отдѣл. 1.)

═ Да обратится каждый отъ злыхъ дѣлъ своихъ, взвѣшивая и испытывая себя самаго: какими поступками своими съумѣлъ

1) Фотій, по свидѣтельству современника его Никомидійскаго митрополита Георгія, постановилъ, чтобы день избавленія Царьграда отъ враговъ и сохраненія ризы Богоматери былъ празднуемъ въ Влахернскомъ храмѣ съ особеннымъ торжествомъ (Смотри историч. Ученіе объ Отцахъ Церкви, Филарета, архіепископа Черннгов. Томъ III, стран. 342. С. П. Б. 1859 г.)

перь обратившись къ нему, удесятерите взыскать его. Ибо Наводящій вамъ бѣды наведетъ вамъ вѣчное веселіе вмѣстѣ съ вашимъ спасеніемъ.

оскорбить Бога такъ, что подвергся такому гнѣву его; за какіе чрезвычайные пороки даны такіе страшные уроки; за что мы изъязвлены, и какъ исцѣлѣли отъ ранъ. Ибо если мы все это пересмотримъ и затвердимъ этотъ урокъ; то я увѣренъ, что Господь впредь ущедритъ намъ милость свою. (Бесѣд. II, отдѣл. 7.)

Даніил. 9, 15—20.

Господи Боже нашъ, изведшій народъ твой изъ земли Египетской рукою крѣпкою, и стяжавшій себя имя, какъ день оный (именитъ былъ). Мы согрѣшили, беззаконновали Господи. Но по всей милости твоей да отвратится ярость твоя, и гнѣвъ твой отъ града твоего. За то, что мы согрѣшили не-

правдами нашими и беззаконіемъ отцевъ нашихъ, Іерусалимъ и народъ твой сдѣлались поношеніемъ всѣхъ окружающихъ насъ. И нынѣ услыши Господи Боже нашъ молитву рабовъ твоихъ и прошенія ихъ, и яви лице твое, ради тебя самого, Господи. Приклони Боже мой ухо твое и услыши. Отвер-

зи очи твои, и посмотри на истребленіе насъ и града твоего, въ которомъ и на который призывалось имя твое. Ибо мы не на своихъ правдахъ основываемъ помилованіе насъ предъ тобою, но на многихъ милостяхъ твоихъ, Господи. Услыши Господи. Очисти Господи. Внемли Господи, и не замедли, ради тебя самого, Боже мой. Ибо твое имя призывалось на сей градъ твой и на сей народъ твой.

Слова Фотія.

Какъ не терпѣть намъ страшныхъ бѣдъ, когда мы убійственно расчитались съ тѣми, которые должны были намъ что то малое? . . . Мы побиты нашими беззаконіями, изнурены страстями, унижены грѣхами, сгублены злыми дѣлами, и стали поношеніемъ и поруганіемъ сосѣдей нашихъ. (Бесѣд. 1, отдѣл. I.— Бесѣд. 2, отдѣл. II.)

Они (Россы) разорили окрестности Царьграда, истребили все до самой Крѣпости его, жестоко умертвили всѣхъ захваченныхъ. (Бесѣд. 2, отдѣл. II.)

Вотъ и эти чтенія изъ пророчествъ такъ же, какъ вышеприведенная запись, согласны съ бесѣдами Фотія о Россахъ. Посему надобно признать за вѣрное, что Константинополь чудесно спасенъ былъ отъ нашествія сего народа въ 5-й день іюня мѣсяца 864 года. —

Итакъ въ нынѣшнемъ году въ этотъ день исполнится тысящелѣтіе первой славы нашей, славы военной, народной, государственной. Эта слава приписана намъ святѣйшимъ патріархомъ Константинопольскимъ Фотіемъ: а мы узнаемъ о ней уже по истеченіи тысячи лѣтъ. Повторимъ же теперь приснопамятныя слова его: Россы, народъ не именитый, пріобрѣли себѣ славу со времени похода въ Константинополь. Припомнимъ, что Фотій, за тысячу лѣтъ назадъ, назвалъ Россійскій народъ страшнымъ перуномъ, зіяющею молніею и сосудами гнѣва Божія, но примолвилъ, что за этимъ неукоризненнымъ народомъ, котораго несправедливо обидила гордая Византія, слѣдовала милость Господня. Припомнимъ все это, и испытующій взоръ свой вперимъ въ будущность . . . . нѣтъ, лучше ублажимъ память святѣйшаго Фотія. Онъ нашъ первый историкъ, первый витія, первый другъ, любившій неукоризненность нашу, оправдавшій нападеніе наше на Константинополь. Первобытные Еллины, взявшіе Трою, имѣли своего дивнаго пѣвца, Омира: первобытные Россы, осаждавшіе Царьградъ, имѣли своего чуднаго витію, Фотія. Вѣчная память сему боголюбезнѣйшему святителю, сказавшему справедливое слово о Россахъ и удивившему ихъ чудомъ отъ ризы Богоматери! Вѣчная память! ΑΙΩΝΙΑ Η ΜΝΗΜΗ! [1]).

По разсмотрѣніи историческаго содержанія бесѣдъ сего патріарха о нашествіи Россовъ говорить ли мнѣ о достоинствѣ ихъ витійственномъ? Скажу свое слово и объ этомъ предметѣ, но послѣ, когда зайдетъ рѣчь объ ораторскомъ искусствѣ Фотія, а теперь изложу только общее содержаніе оныхъ бесѣдъ.

Когда пылали предмѣстія Царьграда и потоками лилась кровь христіанъ; тогда Фотій явился на своей каѳедрѣ, какъ является гроза на небѣ, и спросивъ въ недоумѣніи, — «что это? что за — пораженіе столь погубное? . . не за грѣхи ли оно ниспослано на насъ?» — тотчасъ перечислилъ многіе тяжкіе грѣхи, и въ числѣ ихъ несправедливое умерщвленіе Россовъ и взятіе въ рабство ихъ молотильщиковъ, и потомъ грозно объявилъ: «за это разореніе ратное въ землѣ нашей! за это отверзъ Господь сокровищницу свою, и вынесъ сосуды гнѣва своего (Россовъ).» Его слушатели тронуты были высказанною имъ правдою и заплалали. Заплакалъ и самъ Фотій. Рѣчь его прервалась, но спустя минуту, или двѣ, снова полилась вмѣстѣ съ слезами. Читая эту дальнѣйшую рѣчь неприготовленную, внезапную, удивляешься оборотливости ума Фотія, и замѣчаешь въ немъ въ эти минуты удивительное сочетаніе сердоболія человѣка съ правдою и долгомъ святителя и проповѣдника, и поперемѣнное волненіе этихъ двухъ чувствованій. Онъ въ однѣ и тѣ же мгновенія плакалъ и поучалъ, плакалъ и обличалъ грѣшниковъ, говоря: «и я плачу съ вами; но малыя капли слезъ не угашаютъ пламени, разженнаго давно: случайная слеза не сильна умилостивить воспламенный грѣхами гнѣвъ Божій . . . . не теперь надлежало бы плакать намъ . . . . не теперь бы торговать милосердіемъ [2]) . . . . не теперь бы править всенощны, поднимать руки и утру-

1) Этотъ отрывокъ напечатанъ былъ заблаговременно «въ Духовной Бесѣдѣ». А кто читалъ его? . .

2) Кто помогаетъ бѣднымъ, не по долгу человѣколюбія, а въ ожиданіи отъ Бога милости себѣ, тотъ нѣкоторымъ образомъ походитъ на торговца, отдающаго Богу свое милосердіе къ бѣднымъ подъ залогъ его милости къ себѣ.

ждать колѣна . . . а прежде надлежало каяться въ дѣлахъ худыхъ и упражняться въ дѣлахъ добрыхъ.» Правдивость и строгость учительская въ Фотіѣ мало по малу взяла верхъ надъ сердоболіемъ его такъ, что онъ, послѣ самыхъ рѣзкихъ обличеній слушателей своихъ въ безнравственности и послѣ напоминаній имъ о прежнихъ увѣщаніяхъ своихъ, кои падали въ тернія, сказалъ имъ: «какъ же *теперь* поскребсти ваши сердца? не отослать ли васъ туда (подъ мечи Россовъ) для полученія казней?» Нельзя было сильнѣе поразить ихъ, пакъ поразилъ этими словами Фотій. Но онѣ были подобны послѣднему удару грома, послѣдней страшной молніи. Правда Фотія высказалась. Послѣ нея излилось сердоболіе его въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ. Читайте это изліяніе его: «горько мнѣ отъ того, что продолжена жизнь моя, отъ того, что не услышанъ я молящійся . . . гдѣ теперь царь христолюбивый? кто за насъ выдетъ на брань? гдѣ взять столько слезъ, сколько ихъ требуетъ множество постигшихъ насъ бѣдъ?» Читайте плачевные причёты его надъ погибавшимъ Царьградомъ: «какъ навзрыдъ рыдалъ онъ ночью . . . какъ Господь огонь послалъ въ кости его . . . о, градъ-царь, какая опустошительная гроза собралась вокругъ тебя! . . . о, Вѣра совершенная и Служеніе чистое! какъ это расширяются на васъ уста нечестивыхъ и гордыхъ! о, храмъ мой, святая Софія, недреманное око вселенной! Рыдайте дѣвы, юноши, матери, дѣти. . . » Читайте все это, и чувствомъ поймите чувствованія Фотія, какъ человѣка, гражданина, и святителя. Когда сердоболіе его высказалось; тогда опять заговорила правда *человѣка Божія*, требующая отъ грѣшниковъ покаянія и исправленія, безъ коихъ невозможно помилованіе отъ Бога, но сомнѣвающаяся въ ихъ послушаніи. Послышались вопросы и сомнѣнія его: «но доколѣ плачь? доколѣ рыданіе? кто услышитъ ихъ? кто умилостивитъ за насъ Бога? на землѣ нѣтъ болѣе праведника; нѣтъ ходатаевъ, ни Моисея, ни Авраама . . . хотя вы и могли бы найти ихъ, еслибы захотѣли; но страшно ваше непостоянство: милостыня у васъ временна; цѣломудренны вы только до завтра; единодушны, пока сдружаетъ васъ общая бѣда; смирны и благонравны, пока у васъ плѣнъ предъ глазами; набожны, пока грозитъ вамъ смерть . . . исправьте же пути ваши и дѣла ваши: и прекратитъ Господь зло, которое приговорилъ вамъ. Но вы не хотите. . . . » При этомъ глаголѣ Фотія, произнесенномъ, какъ сдается, тономъ слабой надежды, послышался вопль и шумъ слушателей. Но витія не смутился этимъ, и на внезапность отвѣтилъ внезапною рѣчью стоическою: «не вопійте и не шумите; гораздо лучше молиться спокойно, нежели вопіять, не страдавши, или бояться страданій, кои неизбѣжны для всѣхъ, живущихъ беззаконно, послѣ того, какъ обильными потоками текли къ намъ житейскія блага, или пытаться бѣжать отъ множества бѣдъ, отъ которыхъ уже нельзя никуда укрыться.» Слушатели заплакали. Ихъ слезы оросили надежду Фотія на исправленіе ихъ; и онъ съ дерзновеніемъ Вѣры сказалъ имъ: «перестаньте плакать, будьте мужественны; я ручаюсь за ваше спасеніе, если вы обратитесь къ Богу; ручаюсь за удаленіе враговъ, если вы поручитесь мнѣ за отдаленіе отъ страстей вашихъ; Господь же помилуетъ васъ по человѣколюбію своему.» Этими словами, въ коихъ выразилась вся крѣпость Вѣры и Надежды на Бога, милующаго кающихся грѣшниковъ, можно было кончить бесѣду; но Фотій заключилъ ее умилительнымъ обраще-

ніемъ къ Богоматери, которой посвященъ былъ Константинополь, и которую онъ любилъ называть Матерію Слова: «досточтимая, спаси градъ твой, какъ вѣдаешь, Госпоже.» — И такъ вся эта бесѣда есть грозное и сильное выраженіе правды, сердоболія, вѣры и надежды Фотія. Логическое расположеніе ея просто. Выражаю его: «Страшное наказаніе справедливо ниспослано намъ свыше за тяжкіе грѣхи наши, такіе и такіе. Наказанные мы сѣтуемъ и плачемъ. Но не плакать намъ надобно, а исправиться и впредь жить богоугодно.»

Вторая бесѣда Фотія, которую онъ говорилъ вскорѣ послѣ удаленія непріятеля, отличается отъ первой, какъ спокойная мысль отличается отъ взволнованнаго чувства. Содержаніе ея составляютъ ученіе о связи наказанія съ грѣхомъ, изображеніе ужасныхъ бѣдствій, постигшихъ грѣшный Константинополь, напоминаніе о совершившемся общемъ исправленіи, увѣщаніе помилованнымъ отъ Бога впредь жить праведно, и предостереженіе ихъ отъ горшихъ несчастій, кои неминуемо послѣдуютъ за повторенными грѣхами. Такова сущность этой бесѣды. — Начало ея весьма глубокомысленно. Фотій зная, какъ нѣкоторые умники разсуждали о нашествіи Россовъ, будто оно было событіе обычное, житейское, а не наказаніе отъ Бога, котораго, по самому существу его, нельзя-де представлять гнѣвающимся, зная и то, какъ иные невѣжды говорили по прежнему, — судьбы Господни неизбѣжны, что будетъ, то будетъ, авось Богъ помилуетъ, — Фотій сказалъ тѣмъ и другимъ: «конечно, Богъ не гнѣвается, потому что онъ благъ, и потому что въ существѣ его нѣтъ ни пылкой крови, ни горячаго сердца; но онъ постановилъ непреложный законъ, по которому худыя дѣла влекутъ за собою наказаніе, приличное совершителямъ ихъ. По силѣ этого закона насъ постигло бѣдствіе, какъ явная улика намъ въ грѣхахъ нашихъ.» Высказавъ эту истину, осязательную, непреложную, витія продолжалъ говорить слушателямъ своимъ: «поелику же и вы признаéте ее, посему я буду обличать васъ гораздо сильнѣе и справедливѣе, изображая вамъ тѣ бѣдствія, изъ коихъ мы сами грѣхами своими сдѣлали себѣ сцену, и составили драму, жизнію своею подготовивъ зрѣлище многообразныхъ страданій.» — Драма была огненная, кровавая, ужасная. Фотій подробно и правдиво разсказалъ ее всю отъ начала до конца. Вотъ начало ея. «Россы справедливо разсвирѣпѣли за умервщленіе соплеменниковъ ихъ, и благословно требовали и ожидали кары равной сему злодѣянію. А Византійцы не смѣли и посмотрѣть на нихъ прямо и неробко.» Вотъ продолженіе и конецъ драмы. «Россійскій народъ, какъ морская волна, нахлынулъ на предѣлы Царьграда, и какъ дикій вепрь истребилъ жителей предмѣстій его, словно траву, или тростникъ, или посѣвъ, не щадя ни человѣка, ни скота, и принося ихъ, раздѣльно, въ жертву богамъ своимъ. Въ добавокъ появилась губительная язва . . . самый городъ едва не былъ поднятъ на копье . . . однако общее несчастіе и ожидаемое переселеніе образумило Византійцевъ, и заставило ихъ раскаяться въ грѣхахъ и приняться за добрыя дѣла . . . когда же они съ сокрушеніемъ сердца принесли покаяніе, и когда во всю ночь, воздѣвши руки къ Богу, просили у него помилованія, и потомъ обнесли по городу и по стѣнамъ дѣвственную ризу Богоматери; тогда узрѣли разсѣяніе грозы и увидѣли удаленіе враговъ и освобожденіе города, которому угрожало расхищеніе и разореніе.» Напоминая эту драму, Фотій изрѣкалъ приговоры: гроза скопляется

изъ дѣлъ грѣшниковъ . . . . мы побиты нашими беззаконіями . . . . гдѣ гнѣвъ Бога, тамъ и пожива; и когда онъ отвращается, тогда переворотъ бываетъ и отъ малости . . . ежели мы спасены, то потому, что Господь посмотрѣлъ на сокрушеніе сердецъ нашихъ и склонилъ слухъ свой къ мольбамъ устенъ нашихъ. . . Эти приговоры его были совершенно справедливы. Нельзя было отрицать ихъ, когда ихъ подтверждали пепелища, трупы, совѣсть, чудотворная риза Богоматери. Слушатели Фотія убѣждены были въ томъ, что, по непреложному закону Божію, за грѣхомъ слѣдуетъ наказаніе, а послѣ раскаянія и исправленія грѣшниковъ бываетъ имъ помилованіе. Оставалось витіи воспользоваться этимъ убѣжденіемъ; и онъ воспользовался имъ. Напомнивъ христіанамъ о совершившемся общемъ исправленіи ихъ (которое наши проповѣдники теперь должны приводить въ примѣръ), Фотій долго увѣщавалъ ихъ жить благочестиво, и предрекалъ имъ горшія несчастія, когда бы они начали жить по-прежнему беззаконно и безпечно. Назидательны эти увѣщанія его. Нѣтъ надобности излагать ихъ здѣсь вполнѣ, когда онѣ содержатся въ сообщенной бесѣдѣ Фотія; но да будетъ позволено мнѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о нихъ. — Увѣщанія Фотія были продолжительны, потому что онъ говорилъ проповѣдь почти всѣмъ силамъ души, ея совѣсти, памяти, надеждѣ, страху, волѣ, уму, и потому что имѣлъ въ виду государственно-народные грѣхи и бѣдствія, отъ коихъ желалъ предостеречь дѣйствительными примѣрами богоизбраннаго народа Израильскаго. Вотъ увѣщаніе его совѣсти послѣ напоминанія о нечаянномъ спасеніи Царьграда по милости Бога. «Итакъ да не обратимъ человѣколюбія его въ поводъ къ нерадѣнію, и не забудемъ тѣхъ обѣтовъ, которые дали мы Богу . . . ибо всѣ вы знаете, бывъ научены совѣстію своею, какъ въ то время иной, сдѣлавшій чтолибо несправедливое, обѣщался предъ Богомъ не дѣлать того впредь, другой, растлившій тѣло блудомъ, возненавидѣлъ любострастіе . . . какъ тогда гордые смирялись, сластолюбцы постились.» Вотъ его слово памяти. «Пусть же помнитъ это всякій. Пусть никто *не забывается*, и обѣщаній своихъ *не сбываетъ* какъ нибудь. Ибо забвеніе ихъ умѣло воспламенить гнѣвъ Божій. . . Да обратится каждый отъ злыхъ дѣлъ своихъ, испытывая себя самаго: какими поступками своими съумѣлъ оскорбить Бога . . . за какіе чрезвычайные *пороки* даны такіе страшные *уроки*, чѣмъ заслужена кара, и какъ отклонено пораженіе. Ибо если мы все это затвердимъ, то я увѣренъ, что Господь впредь ущедритъ намъ милость свою.» Тутъ Фотій укрѣпилъ надежду слушателей на Бога, говоря словами Писанія: ибо онъ близокъ ко всѣмъ призывающимъ его, и волю боящихся его исполнитъ. «А если мы, — началъ онъ устрашать ихъ, — будемъ грѣшить по прежнему; то какую ископаемъ себѣ глубь несчастій! Сколько наживемъ себѣ зимнихъ бѣдъ, взбѣсившись на себя самихъ! Нѣтъ надобности, — продолжалъ онъ говорить, какъ свидѣтель крѣпкой воли покаявшихся, — нѣтъ надобности въ чужихъ примѣрахъ для собственнаго вразумленія: своего опыта достаточно для нашего исправленія. Ибо когда мы жили безпутно и сладострастно, тогда увидѣли, что гнѣвъ Божій стремится на насъ, какъ туча града на плоды. Но пораженіе остановлено покаяніемъ: не привлечемъ же его нерадѣніемъ. Гнѣвъ его погашенъ потоками нашихъ слезъ: не воспламенимъ же его снова кипучимъ смѣхомъ и безпрерывными музыкальными потѣхами . . . худое дѣло пьян-

ство. Худое дѣло блудъ. Худое дѣло неправда . . . все это скопляетъ грозу, отвращаетъ человѣколюбіе Божіе, готовитъ намъ униженіе предъ врагами и возвышаетъ ихъ бранную силу.» Послѣ этого Фотій долго говорилъ уму слушателей своихъ, и наипаче уму людей государственныхъ, обращая вниманіе ихъ на опасность отечества отъ внутреннихъ несогласій и раздоровъ, и отъ разгара страстей, и приводя въ примѣръ измѣнчивость судебъ народа Израильскаго, процвѣтавшаго, когда онъ былъ мудръ, и увядавшаго, когда онъ безумствовалъ. Въ основаніи этихъ послѣднихъ наставленій его скрыта вотъ какая истина: «въ нравственно-духовномъ мірѣ нѣтъ случайностей: воля разумнаго человѣка дѣйствуетъ, то, подчиняясь волѣ Божіей, то, уклоняясь отъ нея, то, согласно съ нею, то, противно ей, и потому производитъ либо благо, либо зло.» Зная эту истину Фотій говорилъ: «народу Божію надобно овладѣвать непріятелемъ съ помощію Всевышняго, а помощь его умѣть снискивать наилучшими дѣлами и множествомъ доблестей. Если же кто утратилъ добродѣтель и чистоту нравовъ, тотъ неизбѣжно лишается и Божіей помощи. Напротивъ, кто украсилъ жизнь свою добрыми дѣлами, какъ бронею, тотъ добродѣтель дѣлаетъ союзницею и помощницею противъ враговъ. Но если народъ Божій силенъ и побѣдоносенъ съ помощію Бога; то прочіе народы (и Россы), у которыхъ понятіе о божествѣ погрѣшительно, не своими благодѣяніями, а нашими худыми дѣлами увеличиваютъ свою силу. Однако господство надъ нами предоставляется имъ настолько времени, насколько ополчаются на насъ страсти, и насколько мы стремимся къ злу, оставивъ тотъ порядокъ, въ который поставилъ насъ божественный законъ. Итакъ, когда мы, исправляясь, приближаемся къ Богу, тогда удается намъ и *державить* надъ врагами при *сдержаніи* страстей: а грѣша, мы навлекаемъ на себя гнѣвъ Божій, и впадаемъ въ руки враговъ. Какъ же не убѣгать намъ отъ беззаконій, и какъ не преуспѣвать въ добродѣтеляхъ? Какъ отважился бы кто одолѣть враговъ, когда у себя питаетъ разрушительные раздоры, когда не разумная ярость овладѣваетъ *самодержавнымъ* умомъ, и склоняетъ убить ближняго (Россовъ), который не сдѣлалъ никакой неправды? Какъ тебѣ побѣдить непріятелей, когда чувственныя похотѣнія подчиняютъ себѣ *самодержавный* умъ твой, и водятъ и переводятъ его, какъ раба, куда велитъ страсть? . . Пусть страстями правитъ умъ: тогда мы одолѣемъ и тѣхъ внѣшнихъ непріятелей, которымъ *попущено* воевать насъ. Напередъ удалимъ отъ себя мятежные умы, и потомъ легко обезсилимъ силу иноплеменниковъ.» Современная необходимость и пристойность этихъ наставленій понятна всякому, кто изъ Византійской исторіи знаетъ: какой тогда былъ развратъ при дворѣ царя Михаила, и какъ бѣшены были въ Константинополѣ партіи, Латинская въ пользу папы Римскаго, Иконоборная, и особенно партіи Голубыхъ = православныхъ, и Зеленыхъ = еретиковъ, которые потрясали, раздирали, губили государство. Фотій долго повторялъ эти наставленія почти въ однѣхъ и тѣхъ же выраженіяхъ, не по говорливости своей, а съ умысломъ, дабы слушатели его твердо запомнили, — съ какихъ сторонъ грозитъ имъ опасность государственная. Съ этою цѣлію онъ изъ исторіи народа Израильскаго представилъ нѣсколько примѣровъ воздаянія Божія, благаго за дѣла добрыя, и страшнаго за дѣла худыя, и заключилъ свою проповѣдь послѣднимъ краткимъ увѣщаніемъ и трогательнымъ обращеніемъ къ Бого-

матери, говоря ей отъ лица всѣхъ: «мы любимъ тябя крѣпко. Сама ты спасай градъ твой, какъ знаешь, и какъ хочешь. . . А мы потщимся представить тебѣ чистыя сердца свои.» Послѣ этого обращенія къ небесной покровительницѣ Константинополя Фотій посмотрѣлъ на слушателей своихъ, какъ я думаю, посмотрѣлъ печально, и проговорилъ послѣднія слова: «такъ скажемъ Дѣвѣ, *но да не солжемъ*, да не обманется чаяніе наше, и да не погибнемъ въ житейскихъ треволненіяхъ и въ пучинахъ бѣдъ, но да войдемъ въ пристань вѣчнаго спасенія.» Эти грустныя слова произнесъ онъ или потому, что не очень надѣялся на постоянство столичныхъ жителей, или потому что въ эту минуту великая душа его предчувствовала будущее горе Константинополя. Какъ бы то ни было, но горе постигло этотъ седмихолмный городъ, солгавшій Богоматери и своевольно сожегшій Влахернскую церковь ея не задолго до взятія его Турками. Погибель его оплакалъ извѣстный Іоаннъ діаконъ Евгеникъ горючими слезами и съ такими заунывными причётами и воплями, которые щемятъ сердце. Кстати послушаемъ, какъ онъ плакалъ.

О, Христе царю! Увы мнѣ! О, Христе царю всѣхъ! О, граде великаго царя Бога, о немъ же преславная глаголашася! Пресвятая Богоматерь! Гдѣ градъ твой великоименитый и возлюбленный? Гдѣ око вселенной, зерцало всего міра? Увы мнѣ! И послѣ этого я еще дерзаю говорить и возвѣщать ужасы? Ахъ, какъ я не лишился ума? Какъ я живъ? и какъ еще дышу и чувствую и смотрю на свѣтъ?

О, содѣтели и стражи нашего спасенія, ангелы святые! Почто вы оставили стражбу сего града? . .

О, солнце все зрящее! Какъ устояло ты, видя наши напасти? Какъ не познало свой западъ на вѣки? . .

И ты, земля, какъ ты не разсѣлась для насъ, и почто не разсѣдаешься теперь, да по достоянію пребудемъ во мракѣ и въ нѣдрахъ ада, по изреченному опредѣленію Бога: ходити во дворѣ моемъ не приложите къ тому.

О, небо! отверзи врата твои, и прими и наши души въ сонмъ избіенныхъ. Ибо никому уже не мила жизнь и на минуту. На что мы посмотримъ? Что мы послушаемъ? Чѣмъ усладимся! Какимъ языкомъ и какими устами восхвалимъ Бога? Помрачены и оглушены мы, какъ громомъ. . .

Увы мнѣ! Граде златый! Граде великій! О чемъ первомъ у тебя возрыдаю? Какую вторую красоту твою оплачу? и что третіе и многое омою слезами моими? Величайшій ли храмъ св. Софіи, это небо на землѣ, этотъ рай вторый? или велелѣпіе прочихъ святилищъ? или повсемственный блескъ, или каждую порознь красоту, превосходящую благообразіе царевны невѣсты?

О, жалкіе мы! Что и что мы потерпѣли! О, провидѣніе Божіе! О, судебъ глубина неизреченная! О, спасителю и Слове Бога и Боже! Плакалъ ты о древнемъ Іерусалимѣ, болѣзнуя о немъ и провидя горе, грядущее къ нему: о насъ же было ли какое слово на небѣ? Какъ вдругъ оставилъ насъ ты, присный утѣшитель нашъ? Гдѣ милосердія твоего

сокровища? Гдѣ долготерпѣнія твоего неистощимая пучина? Какъ ты положилъ насъ въ притчу языкамъ?

Увы мнѣ! Мы жестоки. Выи у насъ желѣзныя. Сколько разъ мы были поражаемы, и не вразумились? Сколько разъ бичуемы, и не исправились? . .

О, всецарица Богородица! Почто ты оставила злополучныхъ женъ, у которыхъ въ устахъ всегда было препѣтое имя твое, и въ сердцѣ, паче дыханія и жизни, память о тебѣ и великая вѣра въ тебя? Какъ мы заключили человѣколюбивую утробу твою? Не за то ли, что мы сами, увы! предали пламени именитый храмъ твой Влахернскій, не за это ли оставила ты градъ нашъ? — Сынъ твой и Богъ нашъ не осудилъ жену прелюбодѣйную, не отринулъ блудницу, помиловалъ Хананеянку. А къ христіанскимъ женамъ нѣтъ никакой жалости? никакой милости? . .

О, какъ достаетъ у меня силъ говорить о всемъ этомъ? Кто когдалибо терпѣлъ такое злосчастіе? Кто когдалибо чаялъ такой напасти? Я, когда услышалъ въ первый разъ, не вѣрилъ долго и суетный, думалъ, что говорящіе мнѣ безумствуютъ, насмѣхаются, богохульствуютъ, вѣщаютъ невозможное, какъ бы кто сказалъ, что сатана со всѣми бѣсами снова вторгся въ небо. . .

О, горькій день, въ который столько бѣдъ приключилось намъ! Да не числится онъ въ дняхъ вѣка! Нѣкогда сердце мое содрогалось, и слезы падали съ рѣсницъ моихъ при слышаніи: какъ отринуты были дѣвы юродивыя, уже пришедшія на бракъ. А теперь мое сердце не только содрогается, не только трепещетъ и млѣетъ, но и разрывается, и вся утроба моя терзается отъ крайняго страданія. Да совокупится во едино и вся тварь, и да плачетъ со мною!

Увы! Увы! Христоименитый народъ сталъ, какъ дерево, лишенное листьевъ и цвѣта, или, какъ угасшій свѣтъ золотаго свѣтильника. Языкъ святый преданъ языкамъ нечестивымъ. Царственное священство уже не царствуетъ христіански. Наши святыни преданы псамъ и бисеръ свиньямъ. Младенцы лишены матерей. Цвѣтъ юности поблекъ. Сановитые старцы поруганы. Непорочныя дѣвы обречены позору. Народъ пожатъ и потоптанъ. Увы мнѣ! Уже нѣтъ Цареграда великаго. Око вселенной потускло. Жилище музъ разорено. Источникъ мудрости изсякъ. Дивное зерцало разбито. Достославное зрѣлище разметано. Именитый градъ, увы! опустошенъ и жалокъ болѣе, нежели бѣднѣйшая вдовица и сирая отроковица. Дивный царь городовъ нынѣ уже рабъ и работникъ потомковъ рабыни Агари. Стыдъ намъ и укоризна, Греки! Народъ, обладавшій вселенною, разрозненъ, разсѣянъ, и сдѣлался странникомъ и пришельцемъ.

О, дщери Цареграда, позоръ горькій испытавшія, прежде же красныя на подобіе храмовъ! Плачьте о себѣ и о чадахъ вашихъ. Плачьте и во всю жизнь рыдайте. Чѣмъ утѣшить васъ: недоумѣваю. Чего пожелать вамъ: не знаю. Не лучше ли вамъ, подобно баснословнымъ женамъ, обращеннымъ въ дерева и камни, молча, проливать со мною вѣчныя слезы? — (Переведено съ греческой рукописи Аѳоно-Иверскаго монастыря.)

Бѣдствія Константинополя предчувствовала великая душа Фотія, пораженная неожи-

даннымъ нашествіемъ Россовъ. Это предчувствіе онъ высказалъ и въ другой бесѣдѣ, говоренной имъ въ 867 году, по случаю искорененія ересей. Вотъ слова его: «что касается до поколѣній будущихъ, то время, — думаю, — опять заматорѣетъ, или будетъ больное, или потерпитъ что нибудь[1]).» Великія души прозорливы. По настоящему теченію дѣлъ и событій онѣ предугадываютъ явленія будущности и предрѣкаютъ ихъ, хотя и неясно, но твердо.

Этими словами оканчиваю свой разборъ первыхъ двухъ бесѣдъ Фотія, и начинаю говорить, что нужно, о третьей, предложенной, бесѣдѣ его.

Эту бесѣду Фотій говорилъ съ амвона Софійскаго храма, въ великую субботу, въ присутствіи царя Михаила, по случаю поставленія живописной иконы Богоматери и другихъ святыхъ образовъ въ семъ храмѣ, который до этого дня былъ пустъ съ давняго времени по причинѣ иконоборства. Слава Богу, что сохранилось и дошло до насъ это произведеніе пера сего знаменитаго витіи. Оно драгоцѣнно во многихъ отношеніяхъ. Это — кладъ для любителей иконописанія и церковной исторіи. Разсмотримъ его.

Святѣйшій Фотій понималъ и чувствовалъ, что *Православіе безъ иконъ угрюмо*, (это слова его) и потому всею душею и всемъ сердцемъ возрадовался, когда получилъ согласіе государя Михаила украсить Софійскій храмъ святыми образами. Исполненный этою радостію, онъ взошелъ на амвонъ и началъ говорить: «если бы кто учился молчать во всю жизнь, то въ настоящій день заговорилъ бы по всѣмъ правиламъ витійственнаго искуства.» Сладкозвучно это начало бесѣды его. Я, къ сожалѣнію, не списалъ слѣдующихъ словъ по недостатку времени, которое поглощали у меня многія занятія на Аѳонѣ, ученыя и художественныя. Но утѣшимся: невольный пропускъ мой не великъ, и есть что читать далѣе. Читайте сами предложенную бесѣду, а мнѣ позвольте предварительно показать общее содержаніе и особенности ея. — Предъ Фотіемъ и въ виду всѣхъ христіанъ высилась на стоячихъ пяльцахъ большая живописная икона Богоматери[2]); и вотъ онъ на нее-то и обратилъ общее вниманіе, называя ее произведеніемъ Православія и говоря о ней сладкія рѣчи, кои доказываютъ, что икона была написана тогдашнимъ Рафаелемъ. Восхваливъ эту икону, какъ богословъ и какъ художникъ, Фотій воскликнулъ: «смотри, какой красоты лишена была церковь!» и потомъ высказалъ свою радость о возстановленіи иконопочитанія въ самыхъ торжественныхъ выраженіяхъ. «Почитаніе иконъ, — говорилъ онъ, — есть блистательное проявленіе ума боговдохновеннаго и искреннѣйшей любви къ Господу. Ихъ изобрѣла эта любовь. Онѣ составляли наилучшее украшеніе невѣсты Христовой, Церкви. Иконоборцы похитили — было это украшеніе ея, съ бешенствомъ усиливаясь погубить и ее самую въ пучинѣ забвенія, обнаженную, безобразную = ἄμορφον и покрытую многими язвами, такъ

---

1) Смотри I отдѣл. 4-й бесѣды.

2) Обычай ставить иконы на такіе пяльцы понынѣ сохранился на Аѳонѣ. Такъ онѣ выставляются тамъ въ храмѣ предъ иконостасомъ по правую и лѣвую сторону царскихъ дверей, подаль отъ нихъ.

что самый храмъ св. Софіи оставался пустъ, въ теченіи немалаго времени, даже послѣ того какъ померкло мудрованіе иконоборной ереси и возсіяли правые догматы. Но теперь невѣста Христова снова преображается въ прежнее благолѣпіе свое, и нося все приданое свое, радостная, веселая, весело слышитъ громкій голосъ жениха своего, говорящаго: вся хороша ближняя моя, и недостатка нѣтъ въ ней. . . . Она живописью расцвѣтила истины правой Вѣры, и пѣвцовъ своихъ (Дамаскина, Іосифа, Ѳеофана) превознесла до неба. . . Раны ея зажили. Старинное убранство ея все на ней, какъ на невѣстѣ. . . Это царственное убранство ея описали богодухновенные пророки, Давидъ и Исаія (приводятся слова ихъ). . . При такомъ торжествѣ и мы, — продолжалъ Фотій, — въ веселіи и радости душевной вѣщаемъ устами пророковъ: «вельми радуйся дщерь Сіона. отъялъ Господь обиды твои . . возведи окрестъ очи твои и посмотри на собранныхъ чадъ твоихъ . . . радуйся и веселись. ибо вотъ идетъ Господь и водворится у тебя.» Радость сладкорѣчиваго витіи была такъ велика, что онъ не удовольствовался этими пророческими вѣщаніями, но и самъ отъ избытка сердца своего примолвилъ: «что лучше настоящаго дня? что радостнѣе нынѣшняго торжества? Сего дня (въ великую субботу) иное жало вонзено въ сердце смерти не положеніемъ Спасителя въ гробъ, а востаніемъ иконы Матери его изъ самыхъ глубинъ забвенія и сопоставленіемъ подлѣ нея прочихъ святыхъ образовъ.» — Чувство радости Фотія о возстановленіи почитанія иконъ высказалось сполна. Тогда послышалось его ученіе объ иконахъ, какъ о наилучшихъ способахъ наставлять людей вѣрѣ и благочестію. Онъ говорилъ: «какъ слово посредствомъ слуха, такъ икона посредствомъ зрѣнія напечатлѣвается въ душахъ и внушаетъ согласное съ Вѣрою наставленіе тѣмъ, которые не заражены ложными догматами. Икона Христа отображаетъ евангельское ученіе о томъ, что Онъ пришелъ во плоти. Иконы мучениковъ впечатлительно представляютъ моленія, пощенія и другія подвиги этихъ блаженныхъ, и любовь ихъ къ Господу, и такимъ образомъ располагаютъ зрителей къ подражанію. Икона Богоматери, носящей на рукахъ своихъ Творца, какъ младенца, напоминаетъ великое таинство нашего спасенія.» Вотъ истинно-православное ученіе объ иконахъ! Онѣ, лучше книгъ, усиливаютъ нашу врожденную любовь ко всему божественному, и пособляютъ намъ мысленно возноситься къ тѣмъ Первообразамъ, которые живописаны красками. Нельзя не согласиться въ этомъ съ Фотіемъ, который самымъ опытомъ и устройствомъ нашего тѣла и духа доказывалъ, что пониманіе чего бы то ни было посредствомъ зрѣнія бываетъ гораздо живѣе того познанія, которое получается посредствомъ слуха.» — Внушивъ слушателямъ своимъ истинное понятіе о томъ, что такое иконы въ христіанскомъ храмѣ, проповѣдникъ далѣе объяснилъ имъ: что значитъ почитать, или отвергать ихъ, чего домогались иконоборцы, и каковы они. «Кто отвергаетъ иконы и судитъ о нихъ не лучше тѣхъ, которые гоняются за всякою ложью, тотъ послѣдовательно отвергаетъ и ученіе, выражаемое ими: а кто чтитъ и восхваляетъ ихъ съ подобающимъ благоговѣніемъ, тотъ принимаетъ и это ученіе. Ибо неизбѣжно воздать честь иконѣ, кольскоро почитается изображенный на ней, или не признавать изображенныхъ, кольскоро попираются самыя иконы, развѣ кто отъ нечестія перестал бы и мыслить здраво, и оставаясь нечестивымъ, противорѣчилъ бы самъ себѣ. И такъ всѣ

презрители св. иконъ уличаются въ томъ, что они не хранятъ и правыхъ догматовъ, но проклиная одно, клянутъ и другое.» Достойны вниманія эти слова Фотія. Говоря такъ, онъ намекнулъ на тайное ученіе иконоборцовъ, которые, по свидѣтельству Георгія Амартола, не вѣровали, что Христосъ есть Сынъ Божій, а считали его простымъ человѣкомъ (ψιλὸν ἄνθρωπον), Матерь же его запрещали называть Богородицею, молитвы Святыхъ отвергали, на мощи ихъ плевали [1]), а по словамъ святаго патріарха Никифора († 818 год.), скрытно отвергали преданіе апостольской и каѳолической Церкви и святые вселенскіе Соборы, возвѣстившіе, что Христосъ Богъ нашъ по плоти есть описуемъ, и повелѣвшіе изображать его въ видѣ человѣка [2]). Но не одно тайное ученіе иконоборцевъ обличено было Фотіемъ, а и пронырство и нечестіе ихъ. «Эти люди, — говорилъ онъ — не имѣютъ смѣлости открыто исповѣдовать *свое ученіе* [3]), остерегаясь не нечествовать, а казаться нечестивыми, и избѣгаютъ прозвища καὶ φέυγουσι κλήσιν, но на самомъ дѣлѣ гоняются за нимъ усердно. У нихъ, отвратительныхъ по пронырству, отвратительнѣйшихъ по нечестію, всѣ вѣтви и всѣ корни испорчены наростами.» Рѣзко обличены были такимъ образомъ иконоборцы въ предостереженіе православныхъ христіанъ отъ ухищреній ихъ. Впрочемъ цѣль ихъ не была достигнута; надежда ихъ не исполнилась, а пронырство воспящено было неожиданнымъ для нихъ возстановленіемъ почитанія иконъ и внесеніемъ ихъ въ самый храмъ св. Софіи. Посему Фотій, обличивъ ихъ, примолвилъ; «къ нимъ относятся слова Давида: *память нечестивыхъ съ шумомъ гибнетъ:* а въ утѣшеніе и ободреніе православныхъ сказалъ: «съ нами же навсегда осталась сія Дѣва (на иконѣ), носящая въ объятіяхъ своихъ Творца, какъ младенца, радость очей, веселіе душъ, осталась не только въ книгахъ, но и въ живописи.» Наконецъ витія молитвенно выразилъ свое желаніе, чтобы и остальныя части Софійскаго храма украшены были святыми образами. — Таково общее содержаніе бесѣды. Въ ней выражена радость Фотія о возстановленіи иконопочитанія, предложено здравое ученіе объ иконахъ, обличено тайное ученіе и нечестіе иконоборцовъ, и оглашена безуспѣшность ихъ замысловъ, тогда какъ православнымъ суждено было опять увидѣть святые образа въ Софійскомъ храмѣ.

Показавъ общее содержаніе этой бесѣды, обращаю вниманіе на особенности ея.

1. Замѣчательны слова Фотія: «благодать Дѣвы радуетъ, воодушевляетъ и укрѣпляетъ насъ и посредствомъ иконъ.» Онѣ напоминаютъ извѣстное преданіе о томъ, что когда св. евангелистъ Лука написалъ икону Богоматери и представилъ ее Владычицѣ, тогда

1) Εἰς τοσάυτην ἀπόνοιαν ἐξώκειλεν (κωνσταντῖνος κοπρωνῦμος) ὡς καὶ θεσμὸν καθολικόν ἐκθέσθαι μὴ λέγεσθαι τίνα τὸ παράπαν ἅγιον, ἀλλὰ καὶ τὰ λείψανα τούτων εὑρισκόμενα διαπτύεσθαι, καὶ μηδὲ πρεσβείαν αὐτῶν ἐξαιτεῖν· οὐδὲν γὰρ ἰσχύουσιν. μηδὲ τὴν τῆς Μαρίας ἐπικαλεῖσθω τις πρεσβείαν, οὐ γὰρ δύναταί τι, μηδὲ θεοτόκον αυτὴν ὀνομάζεσθαι. — Ἀναστάσιος ὁ πατριάρχης κρατήσας τὰ τίμια ξύλα ὤμοσεν ἐν τῷ ἄμβωνι ἑστὼς, ὅτι «μὰ τὸν προσηλωθέντα ἐν ταύτοις, οὕτως μοι εἶπε Κωνσταντῖνος ὁ βασιλέυς, ὅτι μὴ λογίση ὑιὸν θεοῦ εἶναι τὸν χριστὸν, ὅν ἔτεκεν ἡ Μαρία, εἰ μὴ ψιλὸν ἄνθρωπον, ὡς ἔτεκέ με ἡ μητήρ μου Μαρία.» Καὶ τοῦτο ἀκούσαντες οἱ λαοὶ, ἀναθεμάτισαν αυτὸν. Chronic. Georgii Petropoli. 1861. pag. 643—645.

2) Историч. ученіе объ Отцахъ Церкви Филарета архіеп. Черниговъ. Томъ III, стран. 280—1. С. П. Б. 1859 г.

3) θάρρος οὐκ ἔχουσι ὁμολογεῖν ὃ δοξάζουσι.

она сказала: «благодать родившагося отъ меня *ради меня* да будетъ съ нею [1]).» Это изреченіе ея звучитъ въ оныхъ словахъ Фотія, который, какъ надобно полагать, зналъ сіе преданіе такъ же твердо, какъ современникъ его, монахъ Михаилъ, написавшій житіе св. Ѳеодора Студита († 826 г.) твердо зналъ, что св. евангелистъ Лука написалъ образъ Господа Іисуса Христа [2]).

2. Фотіево описаніе той иконы Богоматери, которая поставлена была въ Софійскомъ храмѣ въ первый разъ послѣ искорененія иконоборной ереси, доказываетъ, что эта икона была произведеніе какого-то вдохновеннаго живописца, который вѣрно и искусно отобразилъ на ней христіанское ученіе о Богоматери. Онъ написалъ Владычицу, не какъ Дѣву, или Матерь, а какъ Дѣво-Матерь, написалъ такъ, что она, по словамъ Фотія, «*страстно* (нѣжно) смотрѣла на Рожденнаго, а по причинѣ *безстрастнаго* и сверхъестественнаго рождества выражала въ лицѣ своемъ невозмутимое и спокойное состояніе ангельской души своей. Уста ея были сжаты и умолкли отъ какой-то тайны, но обрисованы были такъ живо, какъ будто она готова была отвѣчать на вопросъ: какъ же ты дѣвствуешь, когда родила? Ни одна неправильная черта не портила красоты цѣлаго лика. Въ немъ невидно было никакой искуственной прикрасы: напротивъ онъ былъ, какъ бы живый первообразъ.» Изъ всѣхъ этихъ словъ видно вотъ что. 1) Византійское иконописаніе, ранѣе девятаго вѣка Фотія и прежде иконоборства, было вовсе не такое, какимъ мы воображаемъ его: оно подражало природѣ. Фотій положительно сказалъ о живописцѣ, что онъ вдохновленъ былъ свыше и *вѣрно подражалъ природѣ*. ὑπόκρισις ἄρα τῆς ἄνωθεν ἐπιπνοίας ἡ ζωγράφου τέχνη. οὕτως ἀκριβῶς εἰς φύσιν τὴν μίμησιν ἔστηκε. Выслушавъ эти слова изъ устъ точнаго витіи, простимся навсегда съ своимъ невѣрнымъ мнѣніемъ о Византійской живописи, и будемъ говорить и писать, что она, во время оно, была подражаніе природѣ. 2) Древнѣйшіе Византійскіе иконописцы хорошо понимали и искусно отображали красками догматическое ученіе о Богоматери, что она есть Дѣва и вмѣстѣ Матерь, и что она родила І. Христа сверхъестественно, и не постигая этой величайшей тайны Бога, благоговѣла предъ нею. При такомъ пониманіи сего догмата они все стараніе и все искуство свое употребляли на то, чтобы въ живописномъ ликѣ пресвятой Маріи уравнять выраженіе дѣвственности и материнства, дабы видна была Дѣво-Матерь, а не Дѣва или Матерь, и для этого во взорѣ ея выражали нѣжность Матери, и отчасти неневѣстность, а во всемъ лицѣ невозмутимое спокойствіе Дѣвы, въ устахъ же ея то и другое, придавая имъ сжатость, въ знакъ благоговѣнія ея предъ тайною Бога, и изящную естественность для показанія ея матеродѣвственности. Такимъ образомъ подъ кистію ихъ являлось достойное подражанія сочетаніе двоякой правды, богословской и художественной. Этого сочетанія надобно требовать и отъ нашихъ иконописцовъ, которые, обыкновенно, пишутъ либо Дѣву, либо Матерь, но не Дѣво-Матерь. Пусть они изображаютъ намъ Царицу

---

1) Извлечено изъ рукописи Аѳонопантелеймоновскаго монастыря о церковной живописи. Эта рукопись 18 вѣка переведена мною, и будетъ издана въ свѣтъ, когда Богъ велитъ.

2) Vita Theodor. Studit in opp. V, 44. edit. Sirmondi.

небесную такъ, какъ описалъ ее Фотій. Сходный съ описаніемъ его Византійскій образецъ для нихъ сохранился въ Римѣ. Тамъ я видѣлъ его въ Космединской церкви, построенной папою Діонисіемъ I въ 271 году, и перестроенной папою Адріаномъ I въ 772 году. Тутъ надъ престоломъ водружена прекрасная икона Богоматери, написанная на доскѣ немного ранѣе 431 года, и принесенная изъ Константинополя въ Римъ греческими монахами во время иконоборства, начавшагося въ 726 году. «На этой иконѣ, по отзывамъ Римскихъ профессоровъ живописи, Іосифа Геззи, Бонавентуры Ламберти, Іоанна Моранди и Іосифа Кіари, лице Богоматери написано такъ совершенно, такъ величественно и такъ божественно, что возбуждаетъ изумленіе; оно выше всякаго искуства человѣческаго (supera anche ogni arte umana); *въ немъ соединено дивное величіе Дѣвы и вмѣстѣ Матери*, такъ что не найдешь его ни въ одной земной женѣ[1]).» А въ моей путевой книгѣ у самаго престола Космединской церкви записано вотъ что. «Чело Богоматери открыто и высоко; правильныя брови ея тонки и длинны; глаза велики, круглы и отмѣнно хороши; носъ прямъ и весьма правиленъ; ланиты полны и румяны; уста написаны въ видѣ лука (стрѣлебнаго); вся часть подъ нижнею губою кругла и соразмѣрна съ лицемъ такъ же округлымъ; шея длинна, персты длинны. . . Бѣлое лице Богоматери дивно-величественно и прекрасно. Въ очахъ ея выражена материнская нѣжность, благоговѣніе, умиленіе, а въ устахъ пріятнѣйшая сладость дѣвственной невинности. Головка ея, какъ Матери, слегка наклонена къ божественному Младенцу, возсѣдящему на лѣвой ручкѣ ея. А онъ написанъ превосходно. Бѣлое личико его кругло, полно, румяно, нѣжно; за головкою сіяетъ крестъ; густые, кудреватые, темнорусые волоски его пущены за плечики; изъ-подъ нихъ едва видно ушко; чело открыто и высоко, брови тонки, глаза круглы и черны, носикъ прямъ и весьма правиленъ, но не тонокъ, однако соразмѣренъ съ личикомъ и миловиденъ, уста въ видѣ лука прекрасны, губки тонки, бородочка мала, подбородочекъ нѣженъ; лѣвая ручка его, обнаженная съ плечика, полна и нѣжна; ею онъ поддерживаетъ шаръ съ крестикомъ, а правою ручкою *повелѣваетъ*, поднявъ два перста, указательный и средній, и поджавъ прочіе: я говорю, *повелѣваетъ*, а не благословляетъ, потому что онъ изображенъ, какъ Господь Вседержитель, а не какъ первосвященникъ; ножки его такъ хороши, что цѣловалъ бы ихъ вѣчно. Вотъ икона древнѣйшаго Византійскаго письма! Вотъ образецъ совершенства! Вотъ чудо искуства! Космединскую икону Богоматери и ту, которую описалъ Фотій, я считаю произведеніемъ если не одной кисти, то одной школы Константинопольской, которая подражала природѣ, идеализируя ее согласно съ христіанскимъ догматомъ.

3. Фотій, восхваливъ поставленную икону Богоматери, воскликнулъ: смотри, какой красоты лишена была церковь: а спустя немного сказалъ, что эта икона *востала изъ самыхъ глубинъ забвенія* (τῆς μητρικῆς εἰκόνος ἀπ᾽ αὐτῶν τῆς λήθης πυθμένων ἀνισταμένης). Изъ этихъ словъ его видно, что тогда она не вновь написана была, а только внесена въ

1) Notizie istoriche dell' antichissima e miracolosa immagine della B-ma Vergine che si venera nell' insigne Basilica di S. Maria in Cosmedin. Roma. 1851.

Софійскій храмъ изъ какого-то потаеннаго мѣста, гдѣ хранилась во все время иконоборства, продолжавшагося съ 726 года до святительства Фотія (857 г.), такъ что многіе и забыли о ней.

4. Фотій радовался о возстановленіи иконопочитанія въ дни свои: а я радуюсь тому, что до насъ дошла бесѣда его объ этомъ предметѣ. Ибо въ ней, кромѣ описанія дивно-художественной иконы Богоматери, перемѣняющаго понятія наши о древней Византійской живописи, упоминается та[illegible]торое до сей поры было неизвѣстно церковнымъ историкамъ. Кто изъ нихъ зналъ, что въ Софійскомъ храмѣ не было ни одной иконы до Фотія? Кто изъ нихъ говорилъ, что этому храму не дано было право поставленія иконъ даже послѣ того, какъ померкло мудрованіе иконоборцовъ? Никто. Но такъ это было. О семъ повѣдалъ Фотій, который самъ разставлялъ тутъ святые образа наканунѣ Пасхи и говорилъ проповѣдь по этому случаю. Вникнемъ же въ сказаніе его объ этомъ событіи, которое теперь надобно внести въ церковную исторію. Онъ говоритъ: «настоящій день если бы кто назвалъ началомъ и днемъ православія, дабы не сказать полновѣснѣе, тотъ не погрѣшилъ бы въ должномъ. Ибо хотя и не короткое время прошло съ той поры, когда померкло мудрованіе иконоборной ереси, и когда во всѣхъ концахъ вселенной возсіяли правые догматы, возженные по царскому повелѣнію: — *мое и это украшеніе, а подвигъ боголюбезной Державы:* — но это око вселенной, этотъ знаменитый и божественный храмъ, въ которомъ изглажены были священныя изображенія, еще угрюмъ былъ, потому что еще не получилъ права возстановленія иконъ (τῆς γὰρ εἰκονουργικῆς ἀναστηλώσεως οὔπω ἀπειλήφει τὸ δικαίωμα), и входящихъ въ него поражалъ блѣдною пустотою облицовки, а отъ этого и православіе казалось угрюмымъ. А теперь невѣста Христова украсилась всѣми убранствами своими.» Полновѣсное сказаніе! Въ немъ изложены два событія, 1) торжество православія надъ иконоборною ересью, и 2) внесеніе иконъ въ храмъ святой Софіи, и упомянуто, что между тѣмъ и другимъ событіемъ прошло некороткое время. Какъ же опредѣлить это время? Въ какомъ году поставлены были иконы въ сказанномъ храмѣ, а Фотіемъ произнесена бесѣда по этому случаю, и за сколько лѣтъ предъ тѣмъ померкло иконоборство и возсіяли правые догматы? Я полагаю, что Софійскому храму дано было право возстановленія иконъ въ 867 году, и что тогда же Фотій въ великую субботу говорилъ бесѣду по этому случаю, а полагаю такъ, имѣя твердое основаніе. Вотъ оно. Въ заключеніи этой бесѣды сказано: «сподоби (Господи) получившихъ отъ тебя царство на землѣ украшать прочія части сего храма святыми образами.» Тутъ, явно, разумѣются два современные Фотію царя, именно, Михаилъ и соцарствовавшій съ нимъ Василій Македонскій, а не мать Михаила, Ѳеодора, потому что во время патріаршества Фотія она уже не управляла государствомъ, и потому не могла быть подразумѣваема проповѣдникомъ. А Василій провозглашенъ былъ царемъ въ 866 году послѣ пасхи въ день пятидесятницы, въ сентябрѣ же 867 года[1]) Михаилъ скончался; слѣдовательно Фотій въ великую субботу говорилъ бесѣду въ присутствіи его въ 867 году, когда съ нимъ

1) а по церковному счисленію 868-го сентябрскаго года.

соцарствовалъ Василій: поелику же тогда великая суббота приходилась 29 марта, то и оказывается, что право возстановленія иконъ дано было Софійскому храму предъ этимъ днемъ, который Фотій назвалъ началомъ и днемъ православія. До этого дня, по увѣренію его, прошло не короткое время съ той поры, когда померкла иконоборная ересь и возсіяли правые догматы по царскому повелѣнію. Откуда же начать счетъ сего времени? Нельзя начать его съ седьмаго вселенскаго Собора, узаконившаго почитать св. иконы въ 787 году, потому что иконоборство не прекратилось съ этой поры, и продолжалось даже при царѣ Θеофилѣ, который скончался въ 840 году. Нельзя начать его и съ учрежденія праздника православія при царицѣ Θеодорѣ въ 841 году, потому что во время управленія ея государствомъ съ 840 года по 854-й было еще много сильныхъ иконоборцовъ, которыхъ Фотій назвалъ отвратительными по пронырству и отвратительнѣйшими по нечестію[1]). Итакъ остается только то время, которое протекло отъ начала святительства сего патріарха въ 857 году до великой субботы 867 года. Эти десять лѣтъ и составляютъ искомое время некороткое, въ теченіи котораго Софійскій храмъ не получалъ права возстановленія иконъ послѣ уничтоженія ереси иконоборцовъ. Въ началѣ сего времени, либо въ 857 году либо въ слѣдующемъ, померкло мудрованіе этой ереси и возсіяли правые догматы по повелѣнію царя Михаила при содѣйствіи Фотія, какъ это доказываютъ слова самаго витіи: *«мое и это украшеніе, а подвигъ боголюбезной Державы:»* а спустя десять лѣтъ явились и иконы въ сказанномъ храмѣ, но не многіе, потому что полное украшеніе его святыми образами предоставлено было времени, какъ это видно изъ заключенія бесѣды Фотія. — По соображеніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, надобно внести ихъ въ исторію Церкви въ слѣдующемъ порядкѣ времени. Въ 726 году началось иконоборство и явно продолжалось до смерти иконоборнаго царя Θеофила, скончавшагося въ 840 году, а съ этой поры до 857 года дѣйствовало хотя и не открыто, но такъ сильно, что даже послѣ праздника православія и возстановленія честныхъ иконъ, при царицѣ Θеодорѣ, Софійскій храмъ оставался пустъ во все время несовершеннолѣтія Михаила III; когда же Фотій провозглашенъ былъ патріархомъ въ 857 году, тогда при содѣйствіи его обнародовано было повелѣніе сего государя, уже совершеннолѣтняго и единовластнаго, повелѣніе, которымъ иконоборство оглашено было, какъ ересь, а иконопочитаніе, какъ правый догматъ. Это важное дѣяніе Фотій приписалъ царю, а о себѣ по скромности сказалъ только, что оно послужило украшеніемъ его патріаршества. Но и послѣ этого дѣянія Софійскій храмъ еще не получалъ права возстановленія иконъ въ теченіи десяти лѣтъ, безъ сомнѣнія, по государственной осторожности, выжидавшей смерти многихъ посѣдѣлыхъ головщиковъ иконоборства, и по умному расчету самаго Фотія, который сперва старался

1) Въ числѣ ихъ, по словамъ самой Θеодоры, были многіе сановники изъ Синклита (Сената), служащіе чиновники, даже митрополиты, и самъ патріархъ (Іоаннъ Леканомантъ). Θεοδώρα, ἐπεὶ περὶ τῆς ὀρθοδοξίας ἤκουσε, «τοῦτο, ἔφη, καὶ δι᾽ ἐπιθυμίας ἦγον ἀεὶ καὶ μελετῶσα διέλειπον οὐδαμῶς. ἀλλ᾽ ἡ τῶν πολλῶν συγκλητικῶν καὶ τῶν ἐν τέλει τῇ τοιαύτῃ προσανακειμένων αἱρέσει πληθὺς ἐκώλυεν ἄχρι τῆς σήμερον, οὐχ᾽ ἧττον δέ καὶ οἱ τῆς ἐκκλησίας ὑπερμαχοῦντες μητροπολῖται, καὶ μάλιστα ὁ πατριάρχης. — Theophanis continuati L. IV, pag. 149. Editio. Bonnae 1838 an.

утвердить въ умахъ правое ученіе Церкви объ иконопочитаніи, утвердить посланіями и тѣми публичными уроками, которые онъ, будучи патріархомъ, преподавалъ многимъ въ Царьградѣ, потомъ, когда увидѣлъ общее расположеніе къ древнему православію, освятившему иконопочитаніе, внесъ въ Софійскій храмъ и святые образа вмѣстѣ съ дивнохудожественною иконою Богоматери, которая до того времени хранилась гдѣ-то въ потаенномъ мѣстѣ. Умно же онъ велъ все это дѣло: сперва вытѣснилъ ложное ученіе иконоборцовъ истиннымъ ученіемъ Церкви, а потомъ ввелъ и обрядъ иконопочитанія, какъ наилучшій способъ учить простыхъ людей вѣрѣ и благочестію посредствомъ живописныхъ иконъ. Вѣчная память Фотію, ревнителю древняго православія и возстановителю иконопочитанія! Вѣчная память и православнымъ царямъ Михаилу и Василію, украсившимъ Софійскій храмъ святыми образами, безъ которыхъ православіе угрюмо.

Конченъ мой разборъ третьей бесѣды Фотія. Остается мнѣ показать содержаніе четвертой бесѣды и особенности ея. Приступаю и къ этому труду, заранѣе радуясь тому, что мнѣ суждено оповѣстить другое важнѣйшее событіе, котораго до сей поры не знали всѣ историки.

Четвертая, предложенная, бесѣда говорена была Фотіемъ съ амвона въ храмѣ святой Софіи, когда Константинопольскіе граждане воздвигли колонну съ надписью въ честь государей своихъ Михаила и Василія, которыхъ умѣніемъ и усердіемъ обращены были въ православіе всѣ еретики и идолопоклонники во всемъ царствѣ ихъ. День былъ торжественный, радостный, священный. Такому дню приличествовало слово краснорѣчивое и, по обычаю Грековъ, *столповое* (λόγος στηλευτικὸς), которое возвѣщаетъ болѣе громадность событій и величіе дѣяній, нежели блистательныя качества дѣятелей. Такое слово произнесъ Фотій. Оно весьма полновѣсно и богато историческимъ содержаніемъ своимъ. Посему я, не стѣсняя свободы читающихъ его, рѣшаюсь изложить свое разсужденіе о немъ, и во первыхъ показываю составныя части его, во вторыхъ опредѣляю время, когда оно произнесено было, въ третьихъ поясняю тѣ выраженія, которыя не всякій можетъ понять, и наконецъ обобщаю всѣ новыя свѣдѣнія, какія оно даетъ намъ.

1. — Торжество православія, покорившаго себѣ всѣ ереси во всемъ тогдашнемъ Византійскомъ государствѣ, было чрезвычайное событіе въ вѣкъ Фотія. Чѣмъ менѣе онъ ожидалъ его отъ своего времени, тѣмъ болѣе возрадовался, и бесѣду свою началъ прославленіемъ сего времени. А прославлено оно краснорѣчиво. Слушаешь славу ему и чувствуешь, что ее изрѣкалъ витія восточный, настроившій рѣчь свою по образцамъ твореній древнеэллинскихъ. Онъ представилъ вѣкъ свой въ видѣ жены, которая давно не раждала, и вдругъ принесла дивнопрекрасное дѣтище и вскормила его своею грудью. Вотъ начало бесѣды его, сокращенное мною въ избѣжаніе повтореній. «Заматорѣвшее время уже давно не мучилось

новыми родами, и только лелѣяло прежнія порожденія свои, будучи не въ силахъ помолодѣть и произвесть что либо славное, кругомъ вращая одно и тоже, и хвалясь тѣмъ, что не разъ было пересчитано и потеряло свою цвѣтущую юность и прелесть. Но теперь у него есть мужъ, могучій производитель событій боголюбезныхъ и великихъ[1]); и вотъ, опять оно красуется своими родами, какъ молодица, и даетъ плодъ царственный, вседобротный, котораго красота цвѣтетъ подъ освѣщеніемъ Истины. Если бы приглашены были витіи, умѣющіе сильнымъ краснорѣчіемъ выражать величіе событій; то пылъ и свѣжесть настоящаго времени все-таки остались бы при немъ. Посему и я желалъ бы молчать и не унижать неизреченнаго величія дѣлъ слабымъ словомъ моимъ. Впрочемъ когда присущи событія, и когда всѣ, сами, понимаютъ благознаменитость дѣяній, тогда, думаю, не великъ будетъ ущербъ, ежели слово окажется ниже своего предмета.» Такимъ началомъ бесѣды своей Фотій съ перваго раза далъ знать, что совершилось что-то новое и чрезвычайное, но не политическое, и не въ области вѣдѣнія, или искуствъ человѣческихъ, а *боголюбезное и цвѣтущее подъ освѣщеніемъ Истины*, слѣдовательно въ области Вѣры и Церкви, и потому далѣе сказалъ, что хотя и славны многіе подвиги царя Михаила, но онъ не намѣренъ говорить ни о разсудительности и сильной волѣ, ни о благосклонности и щедрости его, ни о той заботливости, съ какою онъ украсилъ церкви святыми образами, а предложитъ слово лишь о томъ, въ чемъ выразилось истинное благочестіе и вмѣстѣ великая ревность. Послѣ этого предложенія логически слѣдовало ему говорить либо о торжествѣ православія надъ ересями, либо о лицахъ, подготовившихъ это чрезвычайное событіе, либо о томъ и другомъ. Уму Фотія представилось то и другое съ равнымъ правомъ на первенство; и онъ послѣ минутнаго колебанія въ выборѣ того или другаго предмета бесѣды рѣшился говорить и о радостномъ для Церкви событіи и о виновникахъ его, и говорилъ такъ, что возвеличилъ не столько дѣйствовавшія лица, сколько священное дѣло ихъ. Такъ какъ два царя, съ помощію государственнаго Совѣта и военнаго начальства, совершили благотворное дѣло искорененія всѣхъ ересей, Михаилъ и Василій; то онъ, бесѣдуя объ ихъ участіи въ этомъ дѣлѣ, возвеличилъ ихъ обоихъ, но порознь. Посему и бесѣда его раздѣлена на двѣ части. Въ первой повѣдано исполненіе этого дѣла Михаиломъ къ великой радости Церкви, а во второй открыты помыслы содѣйствовавшаго ему Василія и ихъ мирное осуществленіе при посредствѣ многихъ сподвижниковъ.

Фотій, раздѣляя радость Церкви объ искорененіи всѣхъ ересей, говорилъ: —

«Вельми радуйся дщерь Сіона. . Отъялъ Господь обиды твои. . Вотъ возлюбленный сынъ твой (Михаилъ) не одного врага твоего, и не начальника одной, или многихъ ересей, но всѣ полчища враждебныя съ ихъ вождями представилъ тебѣ, какъ добычу. Возведи окрестъ очи твои, и посмотри на собранныхъ чадъ твоихъ, которыхъ разсѣяли еретики и раскольники. Веселись и радуйся всѣмъ сердцемъ твоимъ.

---

1) Подъ этимъ мужемъ Фотій разумѣлъ царя Михаила, но не отдѣлялъ отъ него и Василія Македонскаго, представляя ихъ обоихъ единомысленною двоицею. Это доказываетъ вся бесѣда его.

Православіе торжествуетъ. (Слова Фотія.)	Ересей уже нѣтъ. (Мои поясненія.)
Сынъ проповѣдуется единосущный отцу.	— Аріанство, отрицавшее это единосущіе его, исчезло.
Духъ совчисляется съ ними въ едино Божество.	— Ересь Македоніанъ, признававшихъ Духа святаго только силою Божіею, искоренена.
Слово, пріявшее плоть отъ Дѣвы для общаго спасенія и возсозданія человѣческаго рода, не отдѣляется отъ существа человѣческаго.	— Ересь Несторіанъ, отдѣлявшихъ во Христѣ божеское естество отъ человѣческаго, погибла.
Два естества въ немъ сохраняютъ неслитность,	— Лжеученіе Евтихіанъ, сливавшихъ два естества во Христѣ въ одно, не слышно.
и то и другое обнаруживается свойственнымъ каждому дѣйствованіемъ.	— Мудрованіе Монооелитовъ, признававшихъ одну волю и одно дѣйствованіе во Христѣ, отвержено.
Переселеніе душъ уже не проповѣдуется.	— Пиоагорейцы и Манихеи умолкли.
Басни не помогаютъ бѣсамъ вспрыгнуть на ту высоту, съ которой низпали они по злой волѣ своей.	— Миоологія, выдуманная бѣсами, осталась въ одномъ воспоминаніи; и боговъ, богинь, героевъ, нимфъ, идоловъ, уже никто не почитаетъ, (хотя еще въ дни патріарха Игнатія, которому преемникомъ былъ Фотій, въ Константинополѣ находились идолопоклонники, съ которыми прилучилось ему сидѣть въ темницѣ.)
И самъ Христосъ уже не осмѣивается и не порицается поддѣльными хвалами.	— Нѣтъ болѣе иконоборцовъ, которые, какъ тутъ же сказалъ Фотій, злились на икону Христа, а его дивословили (прославляли какими-то напыщенными и странными пѣснопѣніями), ее разбивали, а его почитали, и такимъ образомъ бѣсились бѣшенствомъ двойнымъ.
Ни одно нечестивое ученіе уже не появится дерзновенно. Ибо побѣдоносный Перворатоборецъ нашъ письменнымъ Вѣроисповѣданіемъ своимъ, какъ богокованнымъ копьемъ, поразилъ самыя внутренности ересей . . . и онѣ лишены послѣднихъ надеждъ своихъ.	— Благовѣрный царь Михаилъ написалъ исповѣданіе православной Вѣры, и обнародовавъ оное, объявилъ эту Вѣру господствующею, единою и единственною въ государствѣ. Посему еретики и во снѣ не увидятъ возрожденія своихъ лжеученій.

Повѣдавъ такое радостнѣйшее торжество Православія, Фотій сказалъ нѣсколько словъ въ похвалу царя Михаила, побѣдившаго грозныя (sic) ереси, и заключилъ первую часть бесѣды выраженіемъ своего выспренняго воззрѣнія на то величайшее благо для вселенной, которое проистекаетъ отъ единства Вѣры и Церкви. «Эта побѣда, — говорилъ онъ, — всю вселенную, какую только увѣнчаваетъ законъ христіанскій, освобождаетъ отъ раздраженія, предупреждаетъ многія бѣдствія, и всѣмъ струитъ обильные потоки радости и веселія. Ибо вездѣ видится одно согласіе, одно исповѣданіе Вѣры, и одна каѳолическая Церковь, распространяющаяся во всѣ концы земли.»

Обращеніе всѣхъ еретиковъ въ Православіе, увеличившихъ собою полноту единой Церкви Христовой, было событіе чрезвычайное. Чѣмъ менѣе можно было ожидать его по человѣческому расчету, потому что еретики были сильны и даже грозны; тѣмъ яснѣе видѣнъ былъ въ немъ перстъ Божій, тотъ перстъ, который указываетъ потребнаго мужа, какъ начинателя новыхъ судебъ лучшей части человѣческаго рода. Этотъ перстъ видѣлъ Фотій: видѣлъ и этого начинателя, назвалъ его по имени, и повѣдалъ о немъ, что онъисполнилъ волю Бога, какъ мужъ наученный свыше, и поощренный къ великому дѣлу святымъ апостоломъ Петромъ. Созерцаніе, или лучше, душевное ощущеніе дѣйствія Божія въ такомъ событіи, каково обращеніе всѣхъ еретиковъ въ православіе, и радость объ этомъ событіи, придали рѣчи сего витіи оборотъ, складъ и тонъ особенный. Въ упоеніи духовнымъ веселіемъ онъ говорилъ: «горы да каплютъ сладость, и холмы веселіе! Ибо человѣколюбивыми очами призрѣлъ Господь на народъ свой, воздвигнувъ и возвысивъ Василія, дѣйствительную силу державы, Василія возлюбленнаго сына своего; да и онъ, — съ восторгомъ говорю, — все то, чему надлежало быть по волѣ Отца небеснаго, понялъ и принялъ, какъ свой жребій.» Сказавъ эти слова, Фотій какъ бы увидѣлъ предъ собою царя Василія, понявшаго свое предназначеніе и дѣло, и началъ спрашивать: кто умудрилъ его, и кто поощрилъ къ совершенію новаго и великаго дѣла? и самъ же отвѣтилъ на эти два вопроса. Вотъ вкратцѣ вопросительно-отвѣтная рѣчь его обращенная къ сему государю. «Вселенскіе Соборы пользовались прежними преданіями и ученіями: ты же, защитникъ благочестія, чей примѣръ имѣлъ въ виду, когда совершалъ новое и священное дѣло? Какого нашелъ ты учителя? . . Явно, что тайнымъ наставникомъ твоимъ въ совершеніи сей службы былъ самъ Господь, который въ евангеліи сказалъ: всякаго, кто исповѣдаетъ меня предъ человѣками, и я исповѣдую предъ отцемъ моимъ небеснымъ. . . . Да и совѣтникомъ тебѣ былъ тотъ, кого сама Истина (І. Х.) назвала камнемъ и основаніемъ Вѣры, Петръ верховный ученикъ ея. Онъ внушилъ тебѣ быть готовымъ дать отвѣтъ всякому, требующему отчета въ чистотѣ неподдѣльной вѣры твоей[1]). А ты принялъ совѣтъ его всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и тотчасъ осуществилъ его, написавъ и провозгласивъ правое Вѣроисповѣданіе, и всѣ ереси шугнувъ на насѣстъ ада. Это дѣяніе твое настолько превосходитъ всѣ прочія царскія заботы, насколько душа превосходитъ тѣло, солнце луну, умозрѣніе чувственныя понятія. Посему теперь всякому

1) 1 Петр. 3, 15.

языку есть что говорить о твоей доблести.» Всѣ эти слова Фотія — не слова, а лучи свѣта, сгущенные вокругъ головы царя Василія. Озаривъ его такимъ небеснымъ сіяніемъ, витія превознесъ этого избранника Божія выше Моисея, Финееса и Давида, въ томъ отношеніи, что тѣ спасали народъ свой отъ идолопоклонства, опасностей и враговъ, не безъ пролитія крови одноплеменниковъ своихъ и не надолго, а онъ избавилъ подданныхъ своихъ отъ лжеученія еретиковъ и отъ душевной погибели, избавилъ мирно, и навсегда даровалъ Церкви единомудріе и единомысліе: [что и понынѣ продолжается у Грековъ, между которыми нѣтъ ни еретиковъ, ни раскольниковъ.] Этою похвалою царю Василію окончена вторая часть бесѣды Фотія, за которою непосредственно слѣдуетъ заключеніе ея весьма замѣчательное. Краснорѣчивый патріархъ, подъ конецъ, восхвалилъ и ублажилъ сограждан, патрицієвъ и военачальниковъ, первыхъ за то, что они воздвигли памятникъ въ честь царей Михаила и Василія, а вторыхъ и третьихъ за ихъ ревностное содѣйствіе въ такомъ богоугодномъ дѣлѣ, каково искорененіе всѣхъ ересей во всемъ государствѣ. По такому ходу рѣчи слѣдовало ожидать отъ него похвалъ и архіереямъ и священникамъ, если они участвовали въ этомъ дѣлѣ; но не то сказалъ правдивый Фотій. Послушаемъ его. «Блаженны и вы, патриціи и военачальники, ратовавшіе противъ такихъ и столькихъ ересей, и совершившіе богоугодные подвиги! А вы, священный ликъ іереевъ и архіереевъ, почто такъ, *молча*, стали (здѣсь), и какъ бы *перелитые* чрезвычайною радостію, уподобились пораженнымъ и изумленнымъ, впєривъ взоры и мысли ваши въ самый блескъ дѣяній? Вѣдь тѣ, которые умѣютъ владѣть собою, умѣютъ и уравновѣсить великую печаль и великую радость. Проговорите же достойно торжества и съ богоотцемъ Давидомъ скажите слово громовое и молніеносное: напрягись и успѣвай достолюбимая двоица царей, и царствуй ради истины кротко и правосудно.» — Изъ этихъ словъ видно, что тогдашніе іереи и архіереи сильно печалились о томъ, что много было еретиковъ, но молчали и бездѣйствовали, и что даже и тогда, когда совершилось обращеніе ихъ въ Православіе, они не произнесли ни одного похвальнаго слова, и молчаливые (σιγῶντες) пришли въ храмъ св. Софіи, хотя и обрадованы и изумлены были этимъ блистательнымъ дѣяніемъ. Надлежало бы имъ по крайней мѣрѣ *говорить и говорить* въ избыткѣ радости, говорить столь много и долго, сколь много и долго молчали прежде, и такимъ алгебраическимъ уравненіемъ говорливости и молчаливости доказать, что они умѣли владѣть собою; но не то было. Когда еретиковъ было много: они горевали и молчали. Когда еретиковъ не стало: они радовались, но опять молчали. Гдѣ же тутъ уравненіе печали и радости ихъ? Гдѣ говорливость отъ избытка сердца? Гдѣ умѣнье владѣть собою? И что это значитъ? Ужъ не трудненько ли было имъ говорить о томъ, что совершилось безъ ихъ участія? Должно быть такъ. О Фотій! Люблю я твою правду. Сладко мнѣ краснорѣчіе твое. Оно — манна съ неба.

II. — Бесѣда сего витіи о торжествѣ Православія надъ ересями говорена была въ 867 году, если не въ день памяти верховнаго апостола Петра (29 Іюня), который упомянутъ въ ней, то не много позже. Такъ опредѣляю я время это по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ 866 году 26 мая вѣнчанъ былъ на царство Василій Македонскій. Но не вдругъ же онъ

могъ вмѣстѣ съ Михаиломъ совершить такое трудное дѣло, каково искорененіе всѣхъ ересей, кои тогда были грозны. По словамъ Фотія, *оно было слѣдствіемъ меткости соображеній, совѣтовъ и исполненій дѣйствовавшихъ лицъ* [1]); и такъ прошелъ покрайней мѣрѣ годъ въ однѣхъ приготовленіяхъ и распоряженіяхъ, дававшихъ ускоренный ходъ сему дѣлу во всемъ государствѣ. Но надобно же прибавить къ этому году два, или вѣрнѣе три мѣсяца, для постановки памятника двумъ государямъ, и для обнародованія ихъ вѣроисповѣданія; а если надобно, то и окажется, что Фотій, по случаю торжества Православія надъ ересями, говорилъ бесѣду въ концѣ августа 867 года. Отнести сіе торжество къ сентябрю мѣсяцу этого же года я затрудняюсь потому, что въ этотъ мѣсяцъ дозрѣвалъ заговоръ противъ царя Михаила, который и умервщленъ былъ тогда ночью подъ 24 день. Такой расчетъ времени, сдѣланный мною, приметъ всякій, кто только привыкъ судить о ходѣ событій такъ, какъ велитъ логика ихъ.

III. — Фотій говорилъ бесѣду Грекамъ, приспособляясь къ ихъ обычаямъ и повѣрьямъ и употребляя такія выраженія, какихъ мы теперь избѣгаемъ. Посему нѣкоторыя изрѣченія его не всякому понятны и требуютъ поясненій.

Въ началѣ четвертаго отдѣленія бесѣды сказано: «Ты видишь: какія новыя, хорошія и блестящія златицы съ *большою лихвою* далъ онъ тебѣ, какъ кормилицѣ.» Тутъ подъ златицами и лихвою ихъ разумѣются обращенные въ православіе *весьма многіе* еретики, а подъ кормилицею Каѳолическая церковь. Такое сравненіе занято изъ житейскаго быта. Какъ отецъ семейства давалъ золото кормилицѣ съ условіемъ, чтобы она грудью кормила новорожденное дѣтище его: такъ царь Михаилъ, вмѣсто золота, вручилъ церкви новообращенныхъ въ православіе, для того, чтобы она вмѣстѣ съ чадами своими напитала ихъ истиною. Благопристойно — данное Фотіемъ Церкви названіе, кормилица; но оно можетъ быть употребляемо съ разборчивостію только тогда, когда придется говорить объ еретикахъ, принявшихъ ученіе вселенской Церкви, но еще не напитавшихся имъ.

Въ этомъ же отдѣленіи, не много ниже, сказано: «Посмотри на собранныхъ чадъ твоихъ, которыхъ разсѣяли по горамъ и стремнинамъ погибели Вакханки и г'Арпіи ересей и расколовъ, унесши ихъ туда послѣ обаянія разными Корива́нцинами». Такая рѣчь можетъ быть понятна только тому, кто хорошо знаетъ Греческую Миѳологію (Баснословіе). А такъ какъ немногіе знаютъ ее; то и предлагается здѣсь объясненіе баснословныхъ названій, употребленныхъ въ этой рѣчи, и передается смыслъ ея. — Въ древнѣйшія времена, когда Греки покланялись разнымъ богамъ, Вакханками назывались спутницы бога Вакха = Діо́ниса, будто бы изобрѣтателя винодѣлія. Онѣ вмѣстѣ съ нимъ ходили по горамъ, и, бѣшеныя отъ вина, руками своими разрывали на части живыхъ звѣрей, и питались ихъ невареньмъ мясомъ. Въ склоконенные волосы ихъ вплетаемы были змѣи. Въ рукахъ онѣ держали посохи, обвитые виноградными вѣтвями, и въ минуты жажды своей ударяли ими о землю и камни, и такимъ

1) Смотри конецъ IV отдѣл. этой бесѣды.

способомъ изводили оттуда молоко, медъ, вино, которымъ и упивались до́пьяна. Такихъ спутницъ у Вакха было сперва девять; потомъ онъ присоединилъ къ нимъ столько же Музъ, и наконецъ собралъ ихъ весьма много и назвалъ Ѳуа́дами. Всѣ онѣ на головахъ своихъ носили Фригійскія мітры, а въ рукахъ держали тимпаны, свирѣли и вѣтви, такъ называемые Ѳѵрсы, и выплясывали разныя бѣшеныя пляски вмѣстѣ съ сатирами и хоpоводителями своими, безобразнымъ Силеномъ и козьеногимъ Паномъ. Вмѣстѣ съ ними плясалъ и самъ Вакхъ. А впереди ихъ прыгала Ники (побѣда) съ золотыми крыльями. Такія пляски Вакханокъ продолжались у Грековъ, пока они обожали Вакха. — Кромѣ сего божества ихъ плодовитое баснословіе создало Диво подъ именемъ Ѳа́вмасъ. Этотъ Ѳавмасъ, сынъ моря и земли, сочетавшись съ дочерью океана Илектрою, родилъ Иру (радугу) и три г'Арпіи (хищницы), Аэлло̀, Окипету и Келено̀. Эти г'Арпіи, видомъ чудовища, имѣли уши медвѣжьи, станъ коршуновъ, руки человѣческія, а лице дѣвичье, и летая на крыльяхъ своихъ подобно вихрямъ, производили большой шумъ, а гдѣ пролетали, тамъ оставляли нестерпимое зловоніе, которое сообщалось и тѣмъ предметамъ, къ коимъ онѣ приближались. Всегда голодныя, онѣ похищали все, что попадалось имъ. Посему Греки вѣрили, что кто пропалъ безъ вѣсти, того унесли г'Арпіи. Этихъ чудовищъ всѣ боялись, а Корибантовъ почитали. Они жили на островѣ Критѣ и составляли особое племя, враждебное сосѣдямъ ихъ Телхинамъ. У нихъ богиня Рея укрыла младенца своего, Зевеса, боясь, какъ бы не пожралъ его мужъ ея Сатурнъ. Принявъ къ себѣ этого младенца Корибанты, когда онъ плакалъ, заглушали крики его звуками своихъ свирѣлей, тимпановъ и кимваловъ, дабы не отыскалъ его Сатурнъ, и такимъ способомъ обманувъ этого всепоглощающаго бога, воспитали сына Реи. Они выдумали пляску, называемую Пѵррихій, и производили ее, ударяя щитъ о щитъ и мечь о мечь, крича что есть мочи, и подскакивая подобно бѣшенымъ, или изступленнымъ. Отъ такихъ тѣлодвиженій ихъ произошло и слово, Кориба́нщина [1]). Послѣ этого понятенъ смыслъ рѣчи Фотія. Сравнивъ еретиковъ и раскольниковъ съ Вакханками, г'Арпіями и Корибантами, онъ далъ тѣмъ знать, что они въ свои общины завлекали немудрыхъ людей не проповѣдями, не убѣжденіями, а разными обольщеніями, выгодами и шумно-пышными обрядами, и заражали ихъ зловоніемъ своихъ душъ смердящихъ.

Въ пятомъ отдѣленіи бесѣды, тамъ, гдѣ говорится о царѣ Василіи, выражено, что «памятникъ торжества надъ всѣми ересями воздвигнутъ былъ свободною волею и рукою съ искреннею надписью на немъ, и исповѣдана утвержденная, не какъ прежде, тайна благочестія: Ὁ κατὰ πασῶν αἱρέσεων πεπαῤῥησιασμένῃ καὶ γνώμῃ καὶ γλώσσῃ [2]) καὶ χειρὶ ἐστηλογραφήθη θρίαμβος, καὶ τὸ τῆς εὐσεβείας κρατυνθὲν, ὡς οὔπω πρότερον, ἀνωμολογήθη τὸ μυστήριον». Въ этихъ выраженіяхъ, сжатыхъ и искуственныхъ, заключается та простая мысль,

1) Ἑλληνικὸν Πάνθεον παρὰ Χαρισίου Δημητρίου Μεγδάνου, §§. 204. 240. 332. — Ἐν Πέστῃ, 1812.

2) Здѣсь выраженіе, πεπαῤῥησιασμένῃ γλώσσῃ ἐστηλογραφήθη θρίαμβος, можетъ быть понимаемо только въ томъ смыслѣ, что на памятникѣ начертана была надпись, и что языкъ, или, слогъ ея отзывался непринужденною искренностію тѣхъ людей, которые ставили памятникъ.

что граждане Константинополя поставили колонну въ память торжества надъ всѣми ересями по доброй волѣ своей, и, благодарные своимъ государямъ, искоренившимъ ложныя ученія, искренно выразили въ надписи на ней свою признательность къ нимъ и свою радость о торжествѣ Православія, которое утвердилось болѣе, нежели когда либо, отъ того, что цари Михаилъ и Василій исповѣдали тайну благочестія [1]), то есть, написали Исповѣданіе Православной Вѣры и провозгласили ее единою и единственною въ государствѣ.

IV. Пояснивъ выраженія не всѣмъ понятныя, обобщаю тѣ новыя свѣдѣнія, какія даетъ намъ разсматриваемая бесѣда Фотія.

1. Въ ней сказано о Михаилѣ, что онъ воцаренъ былъ еще въ пеленахъ [2]). Дѣйствительно, первый годъ его 27 лѣтняго съ третью царствованія совпадаетъ съ 840 годомъ, въ который онъ родился. Стало быть, царемъ провозгласили его тотчасъ послѣ крещенія.

2. Извѣстно, что онъ юность свою провелъ разсѣянно; а остепенился ли хоть въ послѣдніе годы своего царствованія: объ этомъ и о лучшихъ качествахъ его никто не сказалъ ни слова. Но Фотій, знавшій его близко, повѣдалъ, что «онъ одаренъ былъ разсудительностію и сильною волею, кои обнаруживалъ во многихъ обстоятельствахъ, и особенно въ дѣлахъ запутанныхъ, былъ ко всѣмъ привѣтливъ, со всякимъ говорилъ улыбаясь, и во всѣхъ вмѣсто тиранскаго страха поселилъ свободную любовь, поставляя любочестіе свое въ томъ, чтобы его называли лучше отцемъ отечества, нежели повелителемъ, непринимая титуловъ прежде совершенія дѣлъ, но украшаясь дѣяніями прежде проименованій, какъ это велитъ разумъ, заповѣдующій приличіе» [3]). Юношеская разсѣянность его не скрыта правдивымъ патріархомъ, но за то повѣдано и исправленіе его въ послѣдніе годы царствованія. Фотій, незадолго до кончины сего государя, прямодушно сказалъ о немъ, что онъ совершилъ славные подвиги *послѣ того, какъ присмотрѣлся къ своему царству* (ἀφ' οὗ τῆς βασιλείας οὗτος διέκυψεν), то есть, сдѣлался внимателенъ къ дѣламъ государственнымъ [4]), и что Церковь, усыновившая его еще въ пеленахъ и вскормившая своимъ благовѣріемъ, *обратила его къ благочестію* и возрастила въ мѣру возраста Христова, какой онъ могъ достигнуть. Ὁρᾷς σοῦ τὸν ἠγαπημένον υἱόν, ὃν ἐξ αὐτῶν σπαργάνων εἰς υἱὸν θέμενη καὶ βασιλεύσασα, καὶ εὐσεβείᾳ μὲν συνεκθρέψασα, εὐλαβείᾳ δὲ συναθροίσασα, εἰς τοῦτο τὸ μέτρον τῆς κατὰ Χριστὸν ἡλικίας προήγαγες (IV отдѣл. бесѣд.). Изъ всѣхъ этихъ словъ ясно видно, что Михаилъ сначала не занимался государственными дѣлами, тѣмъ менѣе благочестіемъ, а потомъ былъ хорошій государь и благоговѣйный христіанинъ. Эти двѣ правды Фотій сказалъ о немъ въ храмѣ Божіемъ, призывая въ свидѣтели саму истину: κἂν καὶ αὐτὴν ἔχωσι ἐφεστῶσαν αὐτοῖς καὶ μάρτυρα τὴν ἀλήθειαν (II отд. бес.). Посему надобно признать ихъ, и видѣть въ этомъ государѣ не однѣ слабости его, но и тѣ достоинства, какія онъ имѣлъ и какія указалъ въ немъ не

1) 1 Тимоѳ. 3, 16.

2) Смотр. IV отдѣл. бесѣд. — 3) II отдѣл. ея. — 4) II отдѣл.

придворный льстецъ, а правдивый патріархъ, который даже о щедрости его говорилъ, не какъ другіе, считая ее полезною для государства [1]).

3. Пусть другіе скажутъ, если могутъ: какіе и чьи города разумѣлъ Фотій, когда говорилъ, что царь Михаилъ непріятельскіе между ними перемѣщалъ, а города союзниковъ украшалъ и населялъ [2]). А я обращаю вниманіе на слѣдующія слова сего витіи: «священною заботливостію его (Михаила) о семъ храмѣ (Софійскомъ) и о священныхъ зданіяхъ = οἰκοδομημάτων ἱερῶν совершено неожиданное дѣло и явлена красота неизгладимая» [3]). Этими словами Фотій напомнилъ слушателямъ своимъ о недавнемъ возстановленіи иконопочитанія: а намъ эти же слова внушаютъ, что при Михаилѣ не одна Софійская церковь, но и всѣ прочія украсились святыми образами. Новое историческое свѣдѣніе! Но вотъ еще намъ новость неслыханная!

4. До 867 года въ Константинополѣ и во всемъ тогдашнемъ Византійскомъ царствѣ находилось много послѣдователей Арія, Македонія, Несторія, Евтихія, и не мало Монофелитовъ, Манихеевъ, иконоборцовъ и идолопоклонниковъ. Всѣ эти еретики были сильны и даже грозны [4]); но всѣ вдругъ обратились въ православіе. Это чрезвычайное событіе было слѣдствіемъ *меткости соображеній*, *совѣтовъ и исполненій* двоицы царей, Михаила и Василія, и ихъ сподвижниковъ, Патриціевъ и военачальниковъ [5]). Самый дѣятельный между ними былъ Василій, котораго Фотій назвалъ дѣйствительною силою Державы. А дѣятельность его въ этотъ разъ возбуждена была словами Господа въ евангеліи, — *всякаго, кто исповѣдуетъ меня предъ человѣками, и я исповѣдую предъ отцемъ моимъ небеснымъ*, — и внушеніемъ св. апостола Петра, заповѣдавшаго христіанамъ *быть готовыми дать отвѣтъ всякому требующему отчета въ чистотѣ неподдѣльной вѣры*. Трудно сказать, какъ проявилось въ немъ такое возбужденіе: внезапно ли онъ припомнилъ, или услышалъ эти слова Господни и это наставленіе Петрово, и потомъ сталъ думать, какъ хорошо было бы, если бы всѣ подданные царя исповѣдовали одну Вѣру, и если бы самъ онъ подалъ примѣръ тому; или, напередъ думалъ крѣпкую думу о благотворности единства Вѣры царя и всѣхъ подданныхъ его, и даже всѣхъ народовъ, и потомъ закрѣпилъ эту думу припоминаніемъ онаго обѣтованія Господня и наставленія Петрова. Я полагаю, что сія дума его и эта закрѣпа ея образовались въ немъ, какъ близнецы. Василій былъ государь умный и христіанинъ истинный: какъ умный, онъ понималъ всю благотворность обращенія еретиковъ въ православіе и единства Церкви восточ-

---

1) II отдѣл. бесѣды. «Онъ болѣе другихъ сыпалъ золото щедрою рукою, и такимъ образомъ изгналъ бѣдность изъ государства и проч.

2) Тамъ же. Οὐδὲ πόλεων τῶν μὲν πολεμίων ἀνδραποδιζμοὺς καὶ μεταναστάσεις, οἰκοδομὰς δὲ καὶ ἀνοικισμοὺς τῶν φίλων . . . ἀριθμεῖν ἡμῖν μελέτη.

3) Тамъ же.

4) IV отдѣл. бес. «Τούτων ἕκαστον ἅμα καὶ ἀθρόον ὁ βασιλεὺς κατὰ κράτος ἐτροπώσατο.

5) Тамъ же. — «Τοῦτο τοῦ κατὰ θεὸν στρατηγοῦντος, ὡς ἀληθῶς, αἱ στρατηγικαὶ βουλαὶ καὶ μελέται καὶ τὰ κατορθώματα.» VI отдѣл. бесѣд. — «Ἐυδαίμονες καὶ τρισμάκαρες καὶ ὑμεῖς, ὁ τῶν Πατρικίων χορὸς, σὺν τηλικούτοις στρατηγοῖς καὶ ταξιάρχοις, καὶ κατὰ τηλικούτων καὶ τοσούτων αἱρέσεων συνεστρατηγηκότες καὶ τοὺς ἱεροὺς τούτους καὶ θείους ἄθλους συνδιενέγκαντες!

ной и западной, и всю необходимость своего собственнаго единенія съ нею посредствомъ открытаго усвоенія Вѣроисповѣданія ея и охраненія его: безъ чего не могло осуществиться и то единство имперіи Константина великаго, котораго онъ домогался во всю жизнь свою: какъ христіанинъ истинный, онъ хорошо зналъ священное писаніе, и въ немъ почерпалъ ту крѣпость, какую даетъ Вѣра для совершенія великихъ дѣлъ. Въ какія мгновенія зрѣла въ немъ мысль объ единой Вѣрѣ, Церкви и Власти на востокѣ и западѣ, въ тѣже самыя мгновенія ему представлялся и апостолъ Петръ, какъ камень и основаніе Вѣры, и слышалось внушеніе сего апостола давать отчетъ въ неподдѣльности ея, и обѣщаніе Спасителя сказать слово Богу Отцу о всякомъ, кто исповѣдуетъ его предъ человѣками. Такое разсужденіе мое есть выводъ изъ словъ самаго Фотія въ четвертомъ отдѣленіи бесѣды его. Тутъ ясно сказано, что Василій дозналъ успѣшность предпріятія = τετελεσφορηϑεῖσαν ἔγνω ἐργασίαν ταύτην, значитъ, думалъ о немъ и расчитывалъ, будетъ ли успѣхъ, или не будетъ, и что самъ Господь и апостолъ Петръ внушили ему дать всѣмъ отчетъ въ Вѣрѣ, но внушили не посредствомъ какого-либо особаго откровенія, — на это нѣтъ и намека у Фотія, — а просто чрезъ припоминаніе (выше приведенныхъ) словъ въ евангеліи и въ первомъ посланіи Петровомъ; значитъ, на него сильно подѣйствовали эти слова. Его дознаніе успѣшности предпріятія и слова̀ священнаго Писанія Фотій назвалъ сѣменами, кои дали свой плодъ, то есть, обращеніе еретиковъ и провозглашеніе каѳолической Вѣры вѣрою единою и единственною въ государствѣ; значитъ, въ душѣ Василія собственныя думы его и слова̀ Писанія, какъ сѣмена въ вертоградѣ, сооживлялись въ одно и то же время. Но какъ бы то ни было, а великое дѣло было сдѣлано.

5. Ходъ сего дѣла былъ постепенный, но быстрый. Оно было задумано царемъ Василіемъ, и сперва обсуждено Патриціями (въ Государственномъ Совѣтѣ), потомъ подготовлено военачальниками во всѣхъ областяхъ царства такъ, что вожди всѣхъ еретиковъ добровольно согласились принять Православіе; когда же Василій узналъ объ этомъ и увѣрился въ успѣхѣ задуманнаго и обдуманнаго предпріятія своего, тогда не потерпѣлъ ничьихъ возраженій = οὐκ ἀνέμεινε τὸν ἐπερωτῶντα, и тотчасъ вмѣстѣ съ государемъ Михаиломъ привелъ его въ исполненіе не насильственно, а мирно. Исполненіе же его состояло въ томъ, что оба царя эти написали и обнародовали Исповѣданіе православно-каѳолической Вѣры и такимъ образомъ провозгласили ее вѣрою единою и единственною въ государствѣ [1]). Въ память сего преславнаго дѣянія ихъ граждане Константинополя добровольно поставили колонну = στήλην съ надписью, въ которой выражена была ихъ искренняя благодарность царямъ и радость о торжествѣ Православія надъ всѣми ересями, а Фотій въ день сего торжества произнесъ Слово столповое.

6. Цари, Михаилъ и Василій, написали Вѣроисповѣданіе, каждый порознь [2]). Такъ тому и быть надлежало. Ежели обыкновенныя граматы, напримѣръ, двухъ соцарствовавшихъ го-

---

1) Этого Вѣроисповѣданія я не нашелъ въ восточныхъ библіотекахъ при всѣхъ прилежныхъ поискахъ моихъ, вознагражденныхъ однако открытіемъ Вѣроисповѣданія Константина Мономаха и другихъ царей греческихъ.

2) Смотр. IV и V отдѣл. бесѣды.

сударей, Андроника и сына его Михаила, объ одномъ и томъ же предметѣ, вдвойнѣ писались и приводились въ исполненіе отъ лица обоихъ [1]); то тѣмъ паче Вѣроисповѣданіе двоицы царей, побѣдившихъ всѣ ереси, долженствовало явиться въ народѣ двойникомъ, то есть, въ двухъ спискахъ, скрепленныхъ своеличною подписью каждаго. Этого требовало равенство ихъ по сану и власти. Это необходимо было и для успокоенія православныхъ христіанъ и обратившихся еретиковъ. Они, получивъ два списка одного Вѣроисповѣданія отъ лица двухъ царей своихъ, увѣрились въ ихъ единовѣріи и единомысліи, и уже не могли ожидать тѣхъ измѣненій догматовъ Вѣры, какія прежде тревожили Церковь при царяхъ, то иконоборныхъ, то склонныхъ къ Монофелитству, или Монофизитству, или Аріанщинѣ. Не подпиши Михаилъ, или Василій, вѣроисповѣданія каѳолической Церкви; тогда ожиданіе это возродилось бы, и дѣло не состоялось бы: а Церковь эта по прежнему жила бы жизнію сокровенною въ Богѣ, и выжидала бы союза своего съ государствомъ, или преобладанія надъ нимъ, какого достигли Римскіе папы, эти роковые соперники царей.

7. Фотій сказалъ, что царемъ Василіемъ исповѣдана была тайна благочестія, то есть, Вѣра, и утверждена, не какъ прежде, κρατυνθὲν, ὡς οὔπω πρότερον. Дѣйствительно, прежде утверждали ее одни вселенскіе Соборы, цари же не всѣ и не навсегда, но только на свое время, какъ сказалъ Фотій [2]): а нѣкоторые изъ нихъ, особенно иконоборцы, колебали ее, Іуліанъ же замышлялъ даже искоренить ее. Но со времени Василія она незыблемо утвердилась въ Византійскомъ царствѣ, потому что торжественно провозглашена была единою и единственною, какъ вѣра Христоименитаго народа и *самого царя*, и утвердилась навсегда такъ, что не могли поколебать ее Латиномудрствующіе государи, Михаилъ и Іоаннъ Палеологи. Итакъ вѣкъ Василія и Фотія былъ *первый вѣкъ полнаго торжества Православія и каѳолической Церкви.* Съ этого вѣка, точнѣе съ 867 года сія Церковь соединилась съ государствомъ тѣснѣйшимъ союзомъ единовѣрія, любви и равноправности. Государи стали сынами ея, а она стала имъ матерью. Ихъ долгъ былъ охранять ея догматы, преданія, каноническія правила и Начала ея управленія [3]), и защищать ея спокойствіе и цѣлость: а ея долгъ былъ молиться о нихъ, и изъ корней христіанства выращать доблести гражданскія. Они имѣли право утверждать своею печатью подлинность соборныхъ опредѣленій [4]) и вмѣстѣ съ святителями избирать патріарха, или, удалять его, ежели онъ не другъ Церкви: а она имѣла право напоминать имъ долгъ устойчивости въ Каѳолической Вѣрѣ, и въ случаѣ уклоненія отъ нея отлучать ихъ отъ общенія съ собою.

---

1) Такія граматы находятся въ моемъ собраніи Аѳонскихъ актовъ.

2) Въ концѣ IV отдѣл. бесѣды.

3) Вотъ главнѣйшія изъ этихъ Началъ: 1) Истина открывается *всѣмъ*, вѣрующимъ въ Господа, и оберегается общею любовію ихъ. — 2) Законодательная власть Церкви, сосредоточенная въ вселенскихъ Соборахъ, есть сила и благо. — 3) Епископствованіе — вездѣ одно и тоже, и каждый епископъ, гдѣ бы онъ ни былъ, отвѣчаетъ предъ другими епископами за цѣлость Вѣры и Церкви и проч., и проч.

4) Смотри I правило св. вселен. Собора шестаго. — Царь Мануилъ въ 1166 году утвердилъ опредѣленіе Константиноп. Собора, подписавшись такъ: «Στοιχῶ ταῖς γνώμαις τῶν ἁγίων πατριαρχῶν καὶ τῆς θείας καὶ ἱερᾶς συνόδου.

8. Когда царь Михаилъ, — говорю словами Фотія, — письменнымъ вѣроисповѣданіемъ своимъ, какъ богокованнымъ копьемъ, поразилъ самыя внутренности ересей; тогда всякое лжеученіе лишилось послѣднихъ надеждъ своихъ, и даже во снѣ не видѣло возрожденія своего»[1]). Съ той поры православная Церковь въ Византійскомъ царствѣ не только увеличилась по причинѣ мирнаго возсоединенія съ нею многочисленныхъ еретиковъ, но и успокоилась, не опасаясь ни попятности возсоединенныхъ, ни возрожденія ересей. Залогомъ ея спокойствія послужила, со стороны возсоединенныхъ, искренность, съ какою они приняли Православіе, а со стороны царей, ихъ твердая рѣшимость впредь не отдѣляться отъ Церкви божіей, и не давать гражданскихъ и военныхъ должностей и никакихъ общественныхъ выгодъ тѣмъ, которые захотѣли бы проповѣдовать ереси прежнія, или выдумывать новыя. Всѣ преемники Михаила и Василія, кромѣ злополучныхъ Палеологовъ, Михаила и Іоанна, сдержали свое царское слово, данное православной Церкви, были вѣрными сынами ея, охраняли неприкосновенность догматовъ, преданій, правилъ и Началъ ея, и, сколько могли, защищали ее отъ враговъ. Но и въ самой Церкви этой болѣе не появлялись ни раскольническія, ни еретическія общины, подобныя, по численности и силѣ, общинамъ Аріанъ, Несторіянъ, Монофизитовъ и Монофелитовъ, хотя и возникали разные толки, напримѣръ, о словахъ въ евангеліи, *Отецъ мой болій мене есть*, о Фаворскомъ свѣтѣ, толки временные и нигдѣ не укоренившіеся. Догматическая чистота Греческой Церкви, со времени Фотія, Михаила и Василія, сохранилась до нашихъ дней. Я, долго жившій на Востокѣ, нигдѣ не видалъ никакихъ отщепенцовъ отъ нея, и никогда ни отъ кого не слыхалъ о нихъ.

9. — Современно съ обращеніемъ еретиковъ, о которомъ идетъ рѣчь, православно-каѳолическая Церковь, какъ сказалъ Фотій, начала распространяться во всѣ концы земли[2]). Тогда, по старанію сего свѣтозарнаго святителя, на востокѣ отъ Константинополя, въ передней Азіи присоединились къ ней многіе Армяне[3]); на сѣверозападѣ окрестилась Болгарія, изъ которой христіанство проникло въ Влахомолдавію, подчинившуюся вмѣсто Болгаро-Охридскаго архіепископа Константинопольскому патріарху уже въ 1359 году[4]); на сѣверѣ приняли Православіе Моравія и Паннонія, для которыхъ ученикъ Фотія Константинъ = Кириллъ философъ еще въ Константинополѣ составилъ азбуку и перевелъ Изборъ евангельскихъ чтеній съ помощію нѣсколькихъ сотрудниковъ[5]); на дальнемъ сѣверѣ увѣровали во Христа Россы, оглашенные епископомъ имѓркъ и сподвижниками его, Аѳанасіемъ и *инымъ* Кирилломъ, который въ послѣдствіи былъ Катанскимъ Епископомъ въ Сициліи, зависѣвшей тогда отъ Константинопольскаго патріарха. Просвѣщеніе Россовъ евангельскимъ свѣтомъ

---

1) Смотри IV отдѣл. бесѣды.

2) Смотри конецъ первой части бесѣды.

3) Фотій въ своемъ окружномъ посланіи къ восточн. Церквамъ упомянулъ о обращеніи Армянъ отъ Іаковитскихъ заблужденій. Его ученикъ Аврамій былъ Амидійскимъ митрополитомъ въ Арменіи. Смотр. Историч. ученіе объ Отцахъ Церкви. Томъ III, стран. 323. С. П. Б. 1859 г. — Филар. А. Ч. и Н. —

4) Acta Patriarchatus Constantinopolitani. Tomus prior. Vindobonae, 1860. pag. 383 et sequent.

5) Извлечено изъ Житія его, переписаннаго въ Аѳоно-Хиландарскомъ монастырѣ въ 1625 году съ старой книги, при Игуменѣ Иларіонѣ, монахомъ отъ земле Херцка (изъ Герцеговины).

въ такое время, когда въ Константинопольскомъ патріархатѣ искоренены были всѣ ереси, было предопредѣлено свыше по особенной милости Божіей къ нимъ. Ибо если бы они ранѣе наслушались разныхъ еретическихъ ученій, то едва ли бы составили одно крѣпкое государство.

Итакъ изъ разсмотрѣнной бесѣды Фотія мы узнаемъ, что въ дни его совершилось громадное событіе, то есть, искорененіе всѣхъ ересей въ предѣлахъ Константинопольскаго патріархата и соединеніе Церкви съ государствомъ, такъ что она послѣ многовѣковыхъ страданій достигла содружества съ нимъ.

Достойны вниманія проявленія и послѣдствія этого двойнаго событія. Указываю важнѣйшія изъ нихъ для округленія понятія о немъ.

Послѣ содружества государства и Церкви, при Василіи Македонскомъ съ 870 года начало сосредоточиваться *многонародное* монашество на Аѳонѣ подъ царскимъ (sic), а не патріаршимъ, покровительствомъ, какъ проявленіе *каѳоличества* Церкви, соединяющей въ себѣ народы и царей ихъ не политическими трактатами, а союзомъ Вѣры, Любви и Надежды, какъ сила, оберегающая утвержденное вселенскими Соборами и царями Православіе отъ прибавленій къ нему догадокъ ума, какъ живопримѣрное напоминаніе всѣмъ объ усовершеніи души и о вѣчной жизни, и какъ звено, соединяющее человѣковъ съ ангелами. Аѳонскіе и прочіе монастыри, имѣвшіе такое значеніе, поддерживаемы были щедротами царей, которые, въ доказательство своего глубокаго уваженія къ нимъ, какъ учрежденіямъ православнаго народа и средоточіямъ его благочестія, и во свидѣтельство своего единовѣрія, часто выражались въ жалованныхъ имъ граматахъ, что какъ человѣку свойственно дышать, такъ царю свойственно обезпечивать наипаче тѣхъ, которые живутъ для одного Бога, *иногда помѣщали въ этихъ граматахъ краткое исповѣданіе Вѣры*, и всегда подписывали ихъ такъ: «въ Христа Бога вѣренъ царь и самодержецъ». Такимъ образомъ даже въ судебныхъ актахъ выразилось единеніе Церкви и государства. Вотъ какъ широко пустила свои корни мысль Василія Македонскаго объ этомъ единеніи. Кромѣ сего, оно проявилось въ жизни, или что тоже, въ исторіи, не какъ преобладаніе, или подчиненіе одной стороны, а какъ равноправное и равносильное содружество обѣихъ сторонъ [1]). Христоименитый народъ, священный клиръ его, и богомвѣнчанный царь съ своимъ законнымъ правительствомъ, составили одну Церковь и вмѣстѣ одно государство, какъ три разумныя Личности и Свободы, не стѣсняющія другъ друга, однако ограничивающія себя уваженіемъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Народъ, по праву самосохраненія тѣлеснаго и духовнаго и по долгу общежитія, самъ заботился о воспитаніи и обученіи юныхъ поколѣній своихъ, содержа училища своими складчинами, и самъ надзиралъ за учителями, а многозаботливаго вмѣшательства клира и правительства въ это семейное дѣло не зналъ и не видалъ. Такимъ образомъ грамотныхъ людей на службу Богу и царю доставляли семейства, разумѣется, не по обязательству, а по склонности членовъ ихъ къ той,

---

1) Преобладаніе Церкви надъ государствомъ есть проявленіе папскаго католицизма. Преобладаніе государства надъ Церковію, или разрозненность ихъ, есть проявленіе протестантства. Содружество Церкви и Государства есть проявленіе Православія. Подумайте объ этомъ, и поймите меня.

или другой службѣ. Царское правительтельство, по долгу заботливости о облегченіи борьбы человѣка съ природою, объ удобствахъ общественной жизни, о справедливомъ уравновѣшеніи взаимныхъ отношеній людскихъ, и о распространеніи въ народѣ вѣрнаго, обширнаго и полезнаго Вѣдѣнія, общественною казною поддерживало такъ называемыхъ философовъ и Ѵпáтовъ ихъ, которые въ Константинополѣ публично преподавали всѣ высшія Науки туземцамъ и иностранцамъ, желавшимъ слушать ихъ, имѣя въ своемъ распоряженіи огромную библіотеку (въ 36000 томовъ), но никогда не рѣшалось и не помышляло учреждать въ своихъ Ѵпатствахъ богословскія каѳедры подлѣ каѳедръ философскихъ, юридическихъ и прочихъ, потому что знало и исполняло свой удѣльный долгъ, о которомъ сказано сей-часъ[1]). За то и патріархъ и всѣ епископы съ священствомъ своимъ никогда и нигдѣ не имѣли отдѣльныхъ училищъ своихъ, и не сочиняли богословскихъ системъ, довольствуясь однимъ общецерковнымъ Сѵмволомъ Вѣры. Духовное Вѣдѣніе всѣмъ преподавалось въ храмахъ Божіихъ, въ этихъ общедоступныхъ и даровыхъ училищахъ, преподавалось съ налоя, съ клироса и съ каѳедры: съ налоя читалось слово Божіе, именно, Псалтирь, Бытописанія, Притчи, Пророчества, Апостолъ и Евангеліе; съ клироса внушалось полное ученіе о благодатномъ спасеніи человѣка тріединымъ Богомъ, внушалось посредствомъ пѣснопѣній, изъ коихъ многія сочинены были царями, Львомъ мудрымъ, Константиномъ багрянороднымъ, Ѳеодоромъ Ласкаремъ, и мірянами, Андреемъ Пирромъ, Византіемъ, Львомъ магистромъ, Еммануиломъ Палеологомъ, и по нынѣ слышатся и у насъ; съ каѳедры преподавалось толкованіе священнаго писанія, и догматическое и нравственное ученіе, и читались житія Святыхъ, составленныя Метафрастомъ и другими писателями. Эти три способа сообщенія духовныхъ познаній, кромѣ домашняго чтенія, признавались достаточными для духовнаго просвѣщенія всѣхъ членовъ Церкви и государства, грамотныхъ и не грамотныхъ. Кто имѣлъ даръ извитійствованія молитвъ и пѣснопѣній, патріархъ ли Фотій, царь ли Ѳеодоръ, міряпинъ ли Пирръ, монахиня ли Кассія, госпожа ли Пастада, тотъ и назидалъ Церковь, то есть, вѣрующій народъ. Изъ греческихъ царей одинъ Левъ мудрый произносилъ въ церквахъ (sic) проповѣди своего сочиненія[2]): прочіе же не принимались за это дѣло. Монахи, священники и епископы назидали, покрайней мѣрѣ должны были назидать народъ своимъ благочестіемъ и духовною жизнію. Это,

1) Царь Константинъ порфирородный въ Константинополѣ усовершилъ главное училище, пренебреженное во время иконоборства. Тутъ преподавались науки, γνώσεις καὶ λογικαὶ τέχναι καὶ ἐπιστῆμαι, философія, словесность, математика и астрономія, но не богословіе. Философскимъ отдѣленіемъ завѣдывалъ Константинъ Протоспаѳарь, Словеснымъ Никейскій митрополитъ Александръ, Математическимъ Никифоръ патрицій, а Астрономическимъ Григорій Асикритъ. Государь приглашалъ учениковъ въ своему столу, и ихъ, въ свое время, ставилъ судьями и прозводителями дѣлъ. Изъ нихъ въ послѣдствіи избирались и митрополиты. — Παιδευτὰς ἀρίστους προκέκρικεν. Εἰς Κωνσταντῖνον πρωτοσπαθάριον τὸ τῶν φιλοσόφων παιδοτριβεῖον δέδωκεν, εἰς δὲ τὸ τῶν ῥητόρων Ἀλέξανδρον μητροπολίτην Νικαίας, εἰς δὲ τὸ τῆς γεωμετρίας Νικηφόρον πατρίκιον, εἰς δὲ τὸ τῶν ἀστρονόμων Γρηγόριον ἀσηκρῆτιν. καὶ πολλὴν ἐπιμέλειαν καὶ σπουδὴν εἰς τοὺς φοιτητὰς ὁ αὐτοκράτωρ ἐποιεῖτο, ὁμοδιαιτους καὶ ὁμοτραπέζους τούτους καθ' ἑκάστην ποιῶν καὶ ἀργύρια παρέχων καὶ ὁμιλίας μετ' αὐτῶν προσηνεῖς ποιούμενος. Καὶ οὐ πολὺς χρόνος διελθὼν, τὰς μεγάλας ἐπιστήμας καί τέχνας τῇ συνέσει τοῦ αὐτοκράτορος κατωρθώσαντο, καὶ κριτὰς καὶ ἀντιγραφεῖς καὶ μητροπολίτας ἐξ αὐτῶν ἐκλεξάμενος τετίμηκεν. — Theophan. continuati L. VI. pag. 446. Editio Bonnae 1838.

2) Одна изъ нихъ помѣщена въ нашемъ Сборникѣ церковныхъ проповѣдей, читаемыхъ народу.

и наипаче это назиданіе требовалось отъ нихъ, и считалось дѣйственнымъ, спасительнымъ. Что касается до священнопроповѣдниковъ; то они, до вступленія въ клиръ, *божій даръ имъ слова* развивали и усовершали въ высшихъ училищахъ *государственныхъ*, слушая тутъ правила витійства и діалектики, философію и прочія науки, но не богословскія, кои никогда и нигдѣ не преподавались. Такимъ и только такимъ развитіемъ ихъ дара слова царское правительство помогало Церкви, не нуждавшейся въ заботливости его о духовномъ просвѣщеніи, благодарной ему за эту содружественную помощь, и спокойной отъ того, что не оно задавало предложенія для проповѣди Христоименитому народу. Итакъ народное обученіе, правительственное любомудріе, и духовное просвѣщеніе *посредствомъ святаго житія и божьяго дара слова*, по причинѣ содружества государства и Церкви, проявлялись въ жизни точно такъ, какъ тяжесть, блескъ и теплота проявляются въ солнечномъ свѣтѣ, составляя одно нераздѣльное цѣлое и сопроницаясь, но не теряя своихъ особыхъ свойствъ, движеній и дѣйствій. Вѣрующій клиръ священствовалъ, но не безъ философіи; вѣрующее правительство любомудрствовало, но Вѣру при епископахъ присно-живыхъ не брало подъ свою опеку; Христоименитый народъ трудился и жилъ, но самъ хранилъ свой языкъ, свои нравы и обычаи, самъ себя училъ необходимому, и самъ берегъ свою Вѣру, и строилъ себѣ храмы, кладбища, монастыри, больницы и разнаго рода богадѣльни. Но вотъ и другія проявленія содружества Церкви и государства. Народъ въ городахъ и селахъ изъ среды себя свободно избиралъ достойныхъ и зажиточныхъ поселянъ, гражданъ и дворянъ, для священнослуженія въ многочисленнѣйшихъ храмахъ, *зажиточныхъ*, дабы они туне давали, чтò туне пріяли, то есть, благодатное освященіе посредствомъ таинствъ [1]). Многочисленные Епископы (не говорю о соборахъ ихъ) изъ среды своей свободно избирали достойнѣйшихъ, а иногда и богатѣйшихъ родовымъ имѣніемъ, избирали на каѳедры митрополичьи, а изъ клира возводили достойныхъ на каѳедры Епископскія, такъ что въ *выборы* ихъ не вмѣшивался ни патріархъ, ни государь [2]). Первый только рукополагалъ избранныхъ епископами митрополитовъ, какъ эти рукополагали избранныхъ изъ клира епископовъ, а вторый утверждалъ выборъ только одного патріарха. Всѣ же избиратели отвѣчали предъ Богомъ въ случаѣ кривды. Исполнительная власть Церкви сосредоточивалась въ одномъ патріархѣ и въ священномъ Сѵнодѣ его; и всѣ церковныя дѣла рѣшались только ими и народовались съ ихъ подписями, вотъ такъ: «Мы во святомъ Духѣ объявляемъ то и то = ἐν ἁγίω πνεύματι ἀποφαινόμεϑα». Какъ Церковь никого не производила въ чинъ сенатора, или полковника, а предоставляла это царю: такъ и царь никого не объявлялъ ни преподобнымъ, ни богоноснымъ отцемъ, а признавалъ угодникомъ Божіимъ того, кого признала такимъ св. Церковь, имѣющая въ себѣ Духа Божія. Такимъ

---

1) Нѣкоторые изъ нихъ были очень богаты. На примѣръ: недалеко отъ Аѳона въ селѣ Оздравикіѣ, что у рѣки Стримона, священникъ Модиносъ, живжій въ концѣ 13-го вѣка, имѣлъ родовую пахатную землю, которая давала 3000 мѣръ пшеницы. Ἱερέυς τις Μοδηνὸς πρὸ χρόνων εἶχε διὰ χρυσοβούλλου γῆν μοδίων τρισχιλίων ἐλευϑέραν. μετὰ δὲ τὴν ἐκείνου τελευτὴν παρεπέμφϑη ἡ τοιάτη γῆ πρὸς τοὺς τρεῖς ὑιοὺς αὐτοῦ. — Извлечено изъ хрисовула царя Андроника, пожалованнаго Аѳоно-Хиландарскому монастырю въ 1321 году.

2) Смотри 4 правило св. вселен. Собора Никейскаго, — 28 правило св. вселен. Собора Халкидонскаго, — 3 правило св. вселен. Собора седмаго.

образомъ у народа, клира и царя, была своя доля церковной свободы, было свое участіе въ дѣлахъ церковныхъ, и при равновѣсіи взаимнаго воздѣйствія была своя отвѣтственность предъ Богомъ за небрежное исполненіе удѣльнаго долга. Государи, признавъ и утвердивъ однажды на всегда единство государства и Церкви, были властны прибавлять, и прибавляли къ правиламъ церковнаго благочинія свои распоряженія, касающіяся этого же благочинія, и Церковь охотно вносила ихъ въ свою Кормчую книгу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сами стали въ рядъ отвѣчающихъ за цѣлость и неприкосновенность Вѣры и Церкви: и было нѣсколько случаевъ, когда они должны были гласно давать такой отвѣтъ матери своей Церкви. Перечисляю эти случаи, между прочимъ, и для того, чтобы никто не смѣлъ укорять Греческую Церковь въ рабскомъ подчиненіи Византійскимъ государямъ. — 1) Когда недоброжелатели царя Константина Мономаха (1042 — 1054 г.) оклеветали его въ неправославіи; тогда онъ обнародовалъ свое изложеніе Вѣры для обличенія клеветниковъ своихъ, πρός ἔλεγχον τῶν διαβαλλόντων αὐτόν[1]). Въ этомъ Изложеніи, кромѣ анаѳемъ еретикамъ, Савеллію, Арію, Несторію, Евтихію, Севиру, особенно замѣчательны слѣдующіе члены Вѣры. *Членъ 3.* Вѣрую, что Духъ святый отъ Отца исходитъ прежде временъ и вѣковъ. *Членъ 6.* Вѣрую, что единородный Сынъ Отца, не оставивъ лона Отчаго, сошелъ на землю ради грѣховности моей, ибо паденіе праотца есть и мое паденіе, и не измѣнивъ божественнаго естества, сдѣлался человѣкомъ совершеннымъ. *Членъ 9.* Вѣрую и исповѣдую, что святая Богоматерь Марія безъ мужа зачала Господа нашего Іисуса Христа, и родила его безъ болѣзней. А ее самую почитаю такъ, что она выше Херувимовъ и святѣе Серафимовъ и чище всякаго естества рождаемаго. *Членъ 12.* Во имя трехъ лицъ святой Троицы крещенъ я, и знаменательно сдѣлался причастникомъ смерти Христовой трижды погрузившись въ воду, а трижды воспрянувъ изъ нея сталъ соучастникомъ и воскресенія его. *Членъ 14.* Покланяюсь и служу иконѣ воплощеннаго Сына Божія, очертанію тѣла святой Матери его, и написаннымъ красками образамъ Святыхъ, отъ вѣка благоугодившихъ ему, не останавливаясь вниманіемъ своимъ на этихъ очертаніяхъ, а возводя умъ свой къ первообразамъ». Тутъ члены 3-й и 12-й направлены противъ Латинъ, признававшихъ изхожденіе Духа святаго и отъ Сына и крестившихъ чрезъ обливаніе, а не чрезъ погруженіе, 6-й противъ Пелагіанъ, отрицавшихъ наслѣдственность первороднаго грѣха, 14-й противъ иконоборцовъ, а въ 9-мъ выражено ученіе православной Церкви о пресвятой Дѣвѣ Маріи, что она съ минуты преестественнаго воплощенія Сына Божія стала чище всякой твари и выше Херувимовъ и Серафимовъ, по особенному дѣйствію Духа святаго и силы Вышняго. Стало быть, Константинъ Мономахъ оклеветанъ былъ, какъ Папистъ, Пелагіанецъ, иконоборецъ и противникъ онаго ученія о Богоматери, но защитился Изложеніемъ Вѣры. — 2) Въ царствованіе Мануила Комнина и въ дни патріарха Михаила Анхіала (1169—1177 г.) въ Константинополь пріѣхали многіе архіереи и монахи Латинскіе, и предлагали соединеніе Церквей, восточной и западной, ничего болѣе не требуя отъ Гре-

---

1) Это Изложеніе найдено мною въ библіотекѣ Аѳоно-Иверскаго монастыря, и помѣщено въ моемъ Сборникѣ Вѣроисповѣданій.

ковъ, кромѣ того, чтобы они уступили Папѣ первенство и право верховнаго суда, и поминали бы имя его въ церквахъ: τῶν ἐκκλησιῶν ζητοῦντες τὴν ἕνωσιν, καὶ μηδὲν ἕτερόν τι ἀπὸ τῶν Γραικῶν ἀπαιτοῦντες, ἢ παραχωρῆσαι τῷ Πάπα τὸ πρωτεῖον καὶ τὸ τῆς ἐκκλήτου, δοῦναι δὲ τούτῳ καὶ τὸ μνημόσυνον. По этому случаю царь Мануилъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ патріархомъ Михаиломъ въ присутствіи всего священнаго Сѵнода, и настаивалъ, чтобы предложенія Папистовъ были приняты и приведены въ исполненіе, но встрѣтилъ сильный отпоръ. Этотъ разговоръ, Διάλογος, найденный мною въ библіотекѣ Аѳоно-Иверскаго монастыря, занимателенъ въ высшей степени. Передаю сущность его. «Патріархъ Михаилъ не признавалъ ни первенства Папы, ни верховнаго суда его въ дѣлахъ церковныхъ: *ни первенства*, потому что оно древле предоставлено было Римскому епископу только ради чести Рима, какъ царствующаго города; а такъ какъ этотъ городъ уже не столица царства, то съ утратою столичной чести его утрачено и первенство тамошняго епископа: *ни верховнаго суда*, потому что Папа, какъ еретикъ, прибавившій къ Сѵмволу Вѣры «и отъ Сына», и *потому лишившійся благодати архіерейства и ставшій въ ряду міряиъ*[1]), не можетъ быть верховнымъ судіею епископовъ, которые пребыли вѣрными догматамъ, опредѣленнымъ вселенскими Соборами. Выслушавъ эти доводы, царь Мануилъ возразилъ, что не было вселенскаго Собора, который осудилъ бы еретичность Папы, и что самъ Фотій, въ началѣ писавшій грозныя разсужденія = γράψας δεινότατα противъ Папъ, подъ конецъ имѣлъ церковное общеніе съ ними, = πάλιν τὴν τούτων κοινωνίαν προσήκατο. На это возраженіе патріархъ отвѣчалъ: «еретичность Папъ, дѣйствительно, не осуждена никакимъ вселенскимъ Соборомъ, *дабы не оповѣстилась она далеко за морями*[2]); но такъ какъ Паписты вездѣ сами, обнажа голову, упорно проповѣдуютъ свое лжеученіе, то этимъ они сами себя осуждаютъ предъ всѣмъ свѣтомъ, а потому не могутъ быть и верховными судіями у насъ; ибо не слыхано, чтобы уличенный, или уличающій себя въ чемъ бы то ни было, могъ быть признанъ судіею правыхъ. Наши предшественники, православнѣйшіе епископы по бережливости κατ' οἰκονομίαν объявили Папу только раскольникомъ (σχισματικόν); но и раскольникъ не можетъ быть судіею въ единой, святой и соборной Церкви, и не долженъ быть поминаемъ въ молитвахъ. Что касается до Фотія, то онъ погрѣшилъ, вступивъ въ общеніе съ Папами, которыхъ лжеученіе было извѣстно ему: а погрѣшность его ни мало не оправдываетъ ихъ; да притомъ нельзя намъ и осуждать сего святѣйшаго мужа, потому что онъ возобновилъ свое общеніе съ Папами уже тогда, когда они прислали къ нему правое Исповѣданіе Вѣры (безъ прибавленія, «*и отъ Сына*») и не только къ нему, но и ко всѣмъ прочимъ патріархамъ на Востокѣ». Послѣ этой отповѣди патріарха Мануилъ, душевно согласный съ нимъ какъ православный христіанинъ, началъ умолять его, какъ несчастный государь, говоря: «Но Насъ пощади,

1) Такъ думалъ о папѣ патріархъ Михаилъ. Но это мнѣніе его, не подтвержденное никакимъ Соборомъ, не важно.

2) То есть, дабы не остановилось распространеніе христіанства среди отдаленнѣйшихъ народовъ языческихъ ради оглашенія еретичности папы, въ которой онъ могъ раскаяться рано, или поздо. Благоразумное снисхожденіе! Но, къ сожалѣнію, оно не оправдалось.

умоляю тебя; пощади и все воинство наше. Оно непрестанно сражается, и — безуспѣшно. Мы потеряли многіе города и области, бывъ лишены помощи Италіанцовъ по причинѣ церковнаго разъединенія съ ними, и подвергаясь нападеніямъ нечестивыхъ. Магометане ругаются надъ нашею вѣрою и надъ честнымъ крестомъ. Многіе знаменитые храмы, какъ всѣ вы знаете, обращены ими въ мечети. Итакъ не лучше ли соединиться съ тѣми, которые согласны съ нами хоть въ чемъ нибудь = κατά τί, нежели подпасть подъ иго невѣрныхъ?» — Но эта мольба Мануила была отринута патріархомъ, который не могъ пожертвовать вѣчную Вѣру расчетамъ политики временной. Онъ отвѣчалъ царю: «Заботиться о тѣлѣ хорошо, а радѣть о душѣ несравненно лучше. О магометанахъ, вредящихъ тѣлу, говорить мнѣ горько, а Италіанцамъ, губящимъ душу, у меня готовъ отпоръ сильный. Мы, *какъ живые храмы Бога*, не потерпѣли никакого душевнаго вреда отъ овладѣвающихъ нами магометанъ, а когда соединяемся съ Италіанцами, тогда получаемъ отъ нихъ величайшій вредъ, подвергаясь опасности потерять Вѣру. Пусть Агарянинъ завладѣетъ моею землею, лишь бы Италіанецъ не отнималъ у меня неба. Тому я подчинюсь, не слѣдуя лжеученію его, а отъ этого принимая искаженную Вѣру, отлучаю себя отъ Бога моего. Чего тотъ лишаетъ меня, все то, быть можетъ, я еще возвращу себѣ, если не потеряю правой Вѣры, а потерявъ ее, лишусь всего; ибо я страшно боюсь, и страха моего никто не назоветъ безпричиннымъ [1]). Отданъ я магометанамъ? Это значитъ, что я грѣшникъ, но покрайней мѣрѣ не богохульникъ. А съ Италіанцами я изреку ложь о св. Духѣ, и отъ нихъ понесу рабство двойное (политическое и церковное), да и безъ всякой надежды освободиться отъ него когда либо. Притомъ, есть высшая причина, по которой Господь спаситель оставилъ насъ *еще на одно лѣто* (какъ смоковницу) въ тяжкихъ обстоятельствахъ: *авось, мы не потеряемъ бодрости, страдая ради его, испытующаго насъ*. Посему не должны мы унывать, когда онъ обличаетъ насъ. Ибо онъ любитъ всякаго сына, котораго хочетъ исправить посредствомъ наказанія.» На эту рѣчь патріарха государь отвѣчалъ: «Ты говоришь отлично. Твои поученія убѣждаютъ меня, да и всякій убѣдится ими. Лучше же ты тяни насъ за уши, нежели другіе потянутъ насъ за носъ, какъ говоритъ пословица.» Этотъ разговоръ заключенъ былъ Сѵнодальнымъ одобреніемъ сужденій патріарха и многолѣтіемъ ему и царю. Итакъ предложеніе Мануила было отринуто непоколебимыми въ Православіи Святителями, которые по совѣсти не могли пожертвовать Вѣру политикѣ, а по расчету человѣческихъ вѣроятностей предвидѣли сохраненіе Православія и своей народности подъ игомъ вѣротерпимыхъ магометанъ, и даже надѣялись когда нибудь свергнуть съ себя иго ихъ, уступки же Папистамъ считали началомъ вѣковѣчнаго рабства, политическаго и народно-церковнаго. Время оправдало ихъ. Греческое царство разрушилось, но Церковь уцѣлѣла. Еллада теперь свободна, а Турція скована христіанскими Державами. Православіе незыблемо, а Папизмъ разшатывается. Но вотъ другія доказательства свободности православной Церкви въ Византійскомъ царствѣ и ея равноправности съ нимъ. 3) Когда царь Михаилъ Палеологъ отнялъ у Латинъ завоеванный ими Константинополь (1261 г.), но

1) Патріархъ опасался взятія Царьграда Латинами: что и случилось въ 1204 году.

по роковой неизбѣжности, отъ нихъ же чаялъ спасенія уже небольшаго царства своего, которое громили Турки и Сербы, и въ этомъ чаяніи рѣшился соединить Церкви, восточную и западную, такъ, чтобы первая подчинилась второй въ лицѣ Папы, яко главы всего христіанскаго міра; тогда встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны своего народа, клира и наипаче монастырей Аѳонскихъ, въ которыхъ въ это время спасались иноки Грузинскіе, Сербскіе, Болгарскіе и Русскіе. Эти монастыри всѣ съ общà отправили къ нему свое посланіе, въ которомъ основательно доказали, что ни первенство и главенство Папы, ни поминъ его въ церквахъ, ни служеніе Евхаристіи на опрѣснокахъ, ни прибавленіе къ Сѵмволу Вѣры «и отъ Сына», не могутъ быть терпимы, и назвавъ царя Михаила еретикомъ, умоляли его оставить многотревожное и опасное предпріятіе[1]). Они между прочимъ писали: «Мы ясно видимъ, что ты еретикъ = ἡμεῖς διὰ ταῦτα καὶ ὡς αἱρετικὸν προφανῶς θεωροῦμεν σε, но умоляемъ тебя: оставь все это и пребывай въ томъ ученіи, которое ты принялъ и *которое ввѣрено тебѣ*, зная, кѣмъ ты наученъ. Храни добрый залогъ, и отринь несвятыя новоученія ложнаго вѣдѣнія (γνώσεωσ), прибавляющаго къ Вѣрѣ догадки, да чрезъ тебя, съ тобою и съ Совѣтомъ твоимъ, и мы со всѣми христіанами явимся въ день пришествія Господа, какъ православные и Богу любезные, и сподобимся вѣчнаго наслѣдія царства небеснаго.» Михаилъ Палеологъ, какъ извѣстно, не внялъ увѣщаніямъ Аѳонскихъ отшельниковъ и даже гналъ и жегъ ихъ, но ни въ чемъ не успѣлъ, и, жалкій, скончался неприсоединенный къ Церкви западной и отлученный отъ Церкви восточной (1283 г.). 4) По смерти его вдовствующая царица Ѳеодора (приготовьтесь выслушать чрезвычайное дѣло) обнародовала Исповѣданіе = ΟΜΟΛΟΓΙΑ, которымъ обязалась предъ Церковію никогда не поминать души усопшаго супруга своего Михаила. Перевожу по Русски этотъ важнѣйшій актъ, найденный мною въ Каирской библіотекѣ Александрійскаго патріарха. — «Ѳеодора въ Христа Бога вѣрная царица и самодержица Ромеевъ, Княгиня Комнина Палеологина. О Вѣрѣ я думаю не такъ, какъ о прочихъ дѣлахъ добрыхъ, какія кто можетъ совершать для спасенія себя самого. Хорошо скрывать сіи дѣла отъ всѣхъ, да видящій ихъ втайнѣ небесный Отецъ и Богъ воздастъ за нихъ явно: а Вѣру, какъ источникъ, начало, матерь всякой добродѣтели, не скрывать, но исповѣдовать предъ всѣми и народовать спасительно. Она-то, какъ мнѣ кажется, и есть тотъ свѣтъ, который, по заповѣди святаго евангелія, долженъ свѣтиться предъ человѣками. Посему Царственность моя никогда не скрывала Вѣры и теперь не скрываетъ ее, напротивъ объявляетъ и подтверждаетъ, что Она вѣруетъ такъ, какъ свыше научила ее вѣровать и исповѣдовать Церковь Божія. Это знаетъ Богъ, испытующій самыя глубины сердецъ нашихъ: но да будетъ вѣдомо и всѣмъ людямъ, что мы не содержимъ никакого другаго ученія, кромѣ того истиннаго, которое преподаетъ Церковь соборная и апостольская. Поелику же Царственность моя, по благодати Божіей, такъ мыслитъ и такъ полагаетъ; то явно, что Она всею душею отвергаетъ, ненавидитъ и считаетъ мерзкимъ то дѣло (унію), которое недавно случилось въ Церкви и смутило ее всю, какъ бы ни называли оное, миръ, или эко-

---

1) Это посланіе найдено мною въ библіотекѣ Аѳоно-Иверскаго монастыря, 2 декабря 1845 года.

номія, или инымъ подобнымъ именемъ, а тѣхъ, которые еще и теперь хвалятъ и одобряютъ оное, признаетъ преоборителями Церкви Божіей, противниками собственнаго спасенія, врагами и заразителями всѣхъ тѣхъ, которые принимаютъ ихъ, и отвергаетъ какъ виновниковъ погибели душъ. Ибо ежели душевредность этого дѣла и необнаруживалась прежде, то не скрывается отъ моей Царственности теперь, бывъ обличена дѣлами и рѣчами, которыхъ истинность не подлежитъ сомнѣнію. Впрочемъ Царственность моя, по благодати Божіей, еще и тогда, когда началось это дѣло, весьма тяготилась имъ, и едва терпѣла необычайность и *новость* его, даже негодовала, хотя и не постигала всей опасности отъ него, а теперь негодуетъ тѣмъ болѣе, что ясно видитъ худой конецъ онаго недобраго замысла. Но довольно объ этомъ. Поелику же Церковь Божія осудила Векка (патріарха) за хульные догматы его, и съ нимъ Мелитиніóта и Метохита, какъ единомысленниковъ, и ославила = ἀπεκήρυξεν и отлучила отъ общенія съ собою; то и Царственность моя, въ слѣдстіе такого рѣшенія ея, достодолжно считаетъ ихъ отобщенными и отверженными. А такъ какъ сія же святая Церковь Божія *опредѣлила* не удостоивать уставныхъ поминовеній и скончавшагося супруга моего и владыку и царя за помянутое дѣло и смятеніе; то Царственность моя, предпочитающая всему страхъ Божій и покорность святой Церкви, любитъ и принимаетъ и *это опредѣленіе ея*, и никогда не понудитъ ее совершать поминовеніе души владыки моего и царя и супруга, или что либо другое сверхъ заповѣданнаго мнѣ. Ибо согласоваться во всемъ съ Церковію Божіею и слѣдовать ей *хочетъ* царственность моя, устрояющая такимъ образомъ спасеніе свое, и желающая явно исповѣдать предъ всѣми Вѣру свою, которую приняла отъ отцовъ, сохранила до настоящаго времени, и сохранитъ до конца, будучи хранима силою создавшаго и воцарившаго ее милосердаго Бога.» (Къ этому Исповѣданію была привѣшена золотая печать на шелковомъ шнуркѣ пунцоваго цвѣта, а на печати, съ лица, вычекана была пресвятая Богоматерь, носящая Младенца, на оборотѣ же — сама царица у столпа.) Вотъ актъ, вотъ свидѣтельство о величайшей силѣ греческой Церкви, которая о царяхъ своихъ грѣшныхъ, по любви, съ надеждою молилась, да помилуетъ ихъ Богъ, а царей искажавшихъ Вѣру ея, по праву самосохраненія и по данной ей отъ Бога власти, предавала вѣчному забвенію, какъ бы ихъ вовсе не было! Sapienti sat. Мꙋдромꙋ доволь. Ему же предоставляю рѣшить вопросъ: вездѣ ли и всегда ли такъ быть должно все это, что̀ было въ Греческой Церкви? А самъ обращаю вниманіе на послѣдствія искорененія всѣхъ ересей.

Послѣ того, какъ Православіе восторжествовало надъ ними, всѣ обращенные еретики приняли текстъ священнаго писанія отъ Константинопольской Церкви, которая получила его отъ святаго мученика Лукіана, и отъ Епископовъ, Евсевія Кесарійскаго и Аѳанасія Александрійскаго, а свои прежнія *переиначенныя* евангелія и прочія книги священныя покинули. Изъ числа этихъ еретическихъ изданій однѣ попали въ монастырскія библіотеки, какъ были, и оттуда въ послѣдствіи взяты въ Ватиканъ, Парижъ, Лондонъ, Вѣну, Венецію, другія исправлены были по общецерковному тексту, то, книгопродавцами, то, владѣльцами ихъ, и употреблялись при богослуженіи, а въ нѣкоторыхъ старое письмо счищено было пемзою, и по счищенному были написаны или тѣже книги, или другія: отъ чего и явились такъ называе-

мые Палимпсе́сты, и явились именно съ девятаго не еретичнаго вѣка восточной Церкви. Съ этой же поры греческіе филологи въ малой Азіи, Ѳракіи, Македоніи, Ѳессаліи, и наипаче въ Константинополѣ, въ разное время издали подлинныя творенія святыхъ Отцовъ, Григорія Нисскаго, Василія Великаго, Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, Прокопія Софиста и другихъ, издали съ вѣрнымъ и одинаковымъ текстомъ св. Писанія, текстомъ Константинопольскаго семейства [1]), и составили много толковыхъ евангелій, апостоловъ и ветхозавѣтныхъ книгъ съ немалочисленными выписками изъ подлинныхъ твореній древнихъ учителей Церкви. Такая работа, удивляющая насъ огромностію своею, предпринята была ими не потому, что у нихъ не было творческихъ дарованій, производящихъ что либо самородіое, а потому что любовь, оберегавшая буквальную цѣлость вѣрнаго текста священнаго Писанія и Отеческихъ твореній, признала необходимымъ распространить такой текстъ между Возсоединенными съ православною Церковію въ замѣнъ текстовъ еретическихъ, и Отеческими изъясненіями его доказать неизмѣнную одинаковость пониманія его этою Церковію [2]).

Отвращеніе каѳолическихъ христіанъ отъ пагубнаго разномыслія еретиковъ и отъ разрозненнаго у нихъ чина Богослуженія было причиною того, что эти христіане и пастыри ихъ, въ предѣлахъ четырехъ патріархатовъ, соединенные единовѣріемъ и убѣжденные въ догматической чистотѣ греческой Церкви, *постепенно* установили у себя однообразіе въ богослуженіи. Изъ Іерусалима, куда со всѣхъ концовъ христіанскаго міра сходились толпы поклонниковъ мірскаго и духовнаго званія, заняты были Церквами, Александрійскою, Антіохійскою и Константинопольскою, пѣснопѣнія Козмы Маюмскаго, Іоанна Дамаскина и другихъ, и раздѣленіе псалтири на каѳизмы, кои послѣдовательно читались тамъ въ храмѣ воскресенія Христова ранѣе 862 года [3]). Изъ Константинополя вездѣ приняты были пѣснопѣнія Іосифа, Ѳеофана, Кассіи, Льва мудраго, и прочихъ пѣснотворцовъ. Около 1070 года Антіохійскій патріархъ Ѳеодосій заповѣдалъ всей своей паствѣ въ Сиріи соблюдать Успенскій постъ [4]). Въ 1203 году Александрійскій патріархъ Маркъ отсовѣтовалъ христіанамъ своимъ, жившимъ въ странѣ Сарацинъ, то есть, въ нижнемъ Египтѣ, слушать литургію, усвоенную евангелисту Марку, и присудилъ замѣнить ее литургіями Златоустаго и Василія великаго [5]).

1) Ежели уцѣлѣли Отеческія Творенія не съ этимъ текстомъ; это значитъ, что онѣ были переиначены и переписаны еретиками.

2) Изданія этихъ филологовъ и старинные списки съ нихъ, хранящіеся въ восточныхъ библіотекахъ, и суть самыя лучшія рукописи, кои надобно печатать.

3) Καθὼς ψάλλομεν ἐν τῇ ἁγίᾳ χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν Ἀναστάσει. — Такъ сказано въ принадлежащей мнѣ непечатной Псалтири греческой, написанной на пергаминѣ in 8⁰ косвенными унціальными буквами въ 6370 = 862 году, когда индиктъ былъ и-й, по повелѣнію Тиверіадскаго епископа Ноя рукою Ѳеодора Діакона Святаго Воскресенія Христа Бога нашего. — Лист. 307. Ἐγράφη καὶ ἐτελειώθη τὸ παρὸν ψαλτήριον κελεύσει τοῦ ἁγίου καὶ μακαρίου πατρὸς ἡμῶν Νῶε προέδρου τῆς φιλοχρίστου μεγαλοπόλεως Τιβεριάδος, ἔτους κόσμου ,ϛτο ἰνδικτιῶν. ΙΑ. χειρὶ Θεοδώρου ἐλαχίστου διακόνου τῆς ἁγίας χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν Ἀναστάσεως.

4) Это свѣдѣніе заимствовано изъ Арабскаго хронографа объ Антіох. патріархахъ, составленнаго іереемъ Іоанномъ Жéми въ 1756 году, и хранящагося въ Уніатской патріархіи въ Іерусалимѣ.

5) Это заимствовано изъ рукописнаго Пандекта въ библіотекѣ Синае-Каирскаго подворья, содержащаго, кромѣ многихъ статей, кормчую книгу. Рукопись 14-го вѣка.

Въ Палестинскихъ епархіяхъ прекратилось совершеніе литургіи, усвоенной апостолу Іакову, и установился полный чинъ богослуженія Константинопольской Церкви въ началѣ 16 вѣка, когда въ Іерусалимѣ туземный Арабскій клиръ передалъ патріаршую власть Грекамъ. Для Сирійскихъ христіанъ, у которыхъ въ церковныя книги на Сирскомъ языкѣ вкрались еретическія мнѣнія Аріанъ, Монофизитовъ и Монооелитовъ, переведены были съ Греческаго на принятый въ Сиріи Арабскій языкъ три литургіи, Златоустова, Василіева и Преждеосвященная, требникъ, часословъ, прологъ, и другія церковныя книги, Алеппскимъ митрополитомъ Мелетіемъ въ теченіи 12 лѣтъ, съ 1623 года по 1635-й, въ который онъ скончался уже въ Дамаскѣ, бывъ тутъ патріархо̀мъ только восемь мѣсяцовъ подъ именемъ Евѳимія[1]).

Кромѣ единства священнаго текста и однообразія въ Богослуженіи, въ восточной Церкви съ девятаго не еретичнаго вѣка ея появилась однообразность, историческая достовѣрность и догматическая непреложность священной живописи въ отвѣтъ раскольничьимъ вымысламъ Запада. Мозаическіе и живописные цвѣты и птицы, коими иконоборцы испещряли храмы Божіи, исчезли вездѣ, кромѣ церкви св. Георгія въ Ѳессалоникѣ (нынѣ мечеть), въ которой они оставлены, вѣроятно, въ память торжества Православія надъ ихъ ересью. Въ монастыряхъ Аѳонскихъ, Метеорскихъ, Оссо-Олимпійскихъ, и въ Ѳессалійскихъ городахъ, Стаго́нѣ, Трикалѣ, За́ркѣ, Тирнавѣ, на островѣ Халки близъ Константинополя, стѣны храмовъ въ разные вѣка украсились живописными изображеніями точь въ точь въ томъ порядкѣ, въ какомъ Кесарь Василій Македонскій, въ первый разъ послѣ иконоборства, украсилъ стѣны своей дворцовой церкви образами мозаическими.

Какъ въ ней по словамъ Фотія, —

Ἐπ᾽ αὐτῆς τῆς ὀροφῆς ἀνδρείκελος εἰκὼν μορφὴν φέρουσα τοῦ χριστοῦ πολυανθέσι ψηφῖσιν ἐγγέγραπται. Ἐιποις ἂν αὐτὸν τὴν γῆν ἐφορᾶν, καὶ τὴν περὶ ταύτης διανοεῖσθαι διακόσμησίν τε καὶ κυβέρνησιν. Τοῖς δὲ περὶ αὐτῇ ὀροφῇ τοῦ ἡμισφαιρίου τμήμασιν ἐγκύκλοις πληθὺς ἀγγέλων τῷ κοινῷ δεσπότῃ δορυφοροῦντες διαμεμόρφωνται. Ἡ δὲ ἀπὸ τοῦ θυσιαστηρίου ἀνεγειρομένη ἁψὶς τῇ μορφῇ τῆς παρθένου περιαστράπτεται, τὰς ἀχράντους χεῖρας ὑπὲρ ἡμῶν ἐξαπλούσης καὶ πραττομένης τῷ βασιλεῖ τὴν σωτηρίαν καὶ κατ᾽ ἐχθρῶν ἀνδραγαθήματα. Χορὸς δὲ ἀποστόλων

такъ и тамъ, по моимъ наблюденіямъ,

въ небѣ купола написанъ мужуподобный образъ Христа, какъ Господа вседержителя, призирающаго на землю и помышляющаго объ устройствѣ и украшеніи ея. Въ шеѣ купола изображены дорùносящіе ангелы, служащіе общему владыкѣ своему, въ алтарномъ углубленіи (абсидѣ) — Богоматерь съ распростертыми руками молящаяся о нашемъ спасеніи и о побѣдѣ надъ врага-

1) Это свѣдѣніе заимствовано изъ рукописной исторіи Антіох. патріарховъ, составленной священникомъ Михаиломъ Брекомъ на Арабскомъ языкѣ, и переведенной для меня въ Дамаскѣ на греч. языкъ въ 1844 году.

καὶ μαρτύρων, ναὶ δὴ καὶ προφητῶν καὶ πατριαρχῶν, ὅλον πληροῦντες ταῖς εἰκόσι τὸ τέμενος ἐξωραΐζουσιν [1]).

ми, а на стѣнахъ — лики апостоловъ, мучениковъ, пророковъ и праотцевъ.

Поразительное сходство! Удивительное увѣковѣченіе изящнаго вкуса царя Василія, утвердившаго Православіе! Такое подражаніе ему, мнѣ кажется, возбуждено было и признательностію потомства къ этой заслугѣ его. Лицевые святцы, составленные при этомъ государѣ не неискусными живописцами, и сказанія о чертахъ лица и внѣшнемъ видѣ Святыхъ, апостоловъ, мучениковъ, святителей, преподобныхъ, и даже нѣкоторыхъ пророковъ, помѣщенныя въ Синаксарѣ, который составилъ нѣкто Петръ въ десятомъ вѣкѣ, эти Святцы и сказанія придали иконной и стѣнной живописи историческую достовѣрность и ту просопографическую = лицеписную неизмѣнность, по которой на старинныхъ иконахъ съ разу узнаѐшь, напримѣръ, апостоловъ Петра и Павла, великомученицу Екатерину, святителей Николая чудотворца, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Кирилла Іерусалимскаго, и прочихъ [2]). Съ той поры, когда царь Романъ изъ Едессы перенесъ въ Констатинополь нерукотворенный образъ Спасителя (944 г.), извѣстный еще святому Ефрему Сирину, историку Евагрію († 593 г.), Іоанну Дамаскину и Льву чтецу Константинопольской Церкви (787 г.), православный Востокъ почиталъ и живописью воспроизводилъ только этотъ образъ, но никогда не принималъ Убруса Вероники, ни стариннаго безъ терноваго вѣнца, о которомъ письменное извѣстіе въ первый разъ появилось въ послѣдней четверти одиннадцатаго вѣка, ни поздняго съ онымъ вѣнцомъ и съ страдальческимъ окровавленнымъ ликомъ І. Христа, появившагося съ 1495 года [3]), не принималъ, потому что этотъ Убрусъ былъ неизвѣстенъ древнимъ историкамъ даже западнымъ. На этомъ Востокѣ, послушномъ евангелію, никогда въ церквахъ не былъ изображаемъ Богъ Отецъ, котораго никто нигдѣ не видалъ, а у главы единороднаго Сына его І. Христа надписывалось евангельское слово Ο ωΝ = СЫЙ, для означенія Божеской Ѵпостаси его, воспринявшей въ себя человѣческое естество [4]); Богоматерь съ божественнымъ Младенцемъ на иконахъ всегда изображалась, какъ *небесная* Владычица и Царица, ΔΕСΠΟΙΝΑ, ΠΑΝΤΆΝΑССΑ, которой *сотворилъ величіе Сильный, да ублажатъ ее вси роди*, и которую всѣ любили привѣтствовать, Радуйся, но никогда не писалась, какъ *земная* Матерь скорбящая, Mater dolorosa, особенно чтимая католиками. Достойны вниманія

---

1) Φωτίου ἔκφρασις τῆς ἐν τοῖς Βασιλείοις νέας ἐκκλησίας τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου, ὑπὸ Βασιλείου τοῦ Μακεδόνος οἰκοδομηθείσης. — Patrolog. Graecae cursus complet. T. CII. Paris. 1860. pag. 572.

2) Я имѣю Синаксарь вышепомянутаго Петра, переписанный въ 1249 году. Въ предисловіи къ нему сказано, что многіе ученые мужи принимались *кратко* составлять Житія Святыхъ и обозначать дни памяти ихъ, но нѣкоторые изъ нихъ по невнимательности своей, а иные по недостатку матеріаловъ (ἀπειρία), изложили ихъ безпорядочно и не послѣдовательно: οὐ καθ' εἱρμὸν, οὐδὲ κατὰ τάξιν, ἀλλὰ συγκεχειμένως καὶ ἀνακολούθως ἐξέθεντο: наконецъ нѣкто Петръ, пользовавшійся лучшими сочиненіями древнихъ писателей, составилъ и издалъ въ свѣтъ Синаксарь полный и отчетливый. Онъ, какъ видно изъ моей рукописи, жилъ вскорѣ послѣ царя Льва мудраго.

3) Waagen, Handbuch d. Geschichte d. Malerei. 1862.

4) Іоанн. 1, 18. — 3, 13. — 6, 46. — Смотр. Библейскую рѣдкость А. П. У. 1864. стран. 50, 51.

живописные отвѣты православнаго Востока раскольничьему Западу. Вздумалъ этотъ Западъ, въ противность древнему преданію, своевольно изображать у распятаго Господа стопу на стопѣ, пронзенную однимъ гвоздемъ, а Его — еще живаго на крестѣ, съ открытыми очами, иногда безъ бороды, иногда въ Папской тіарѣ, иногда съ выраженіемъ лица страдальческимъ, которое непристойно Богочеловѣку, не имѣвшему грѣха, и возшедшему на крестъ добровольно[1]): на такое изображеніе Востокъ отвѣтилъ своимъ живописнымъ распятіемъ, представляя Господа на крестѣ съ двумя порознь пригвожденными стопами, съ закрытыми очами, съ спокойнымъ выраженіемъ лица, и тѣмъ внушая, что все уже совершилось, добровольныя страданія перенесены съ твердостію духа, жертва принесена и принята Богомъ, смерть для насъ есть уже успеніе, сонъ, а не наказаніе за грѣхи. Отмѣнилъ оный Западъ преподаніе мірянамъ животворящей крови Христовой: эту отмѣну Востокъ, помнившій слово Господа,— *пійте отъ нея вси*, — обличилъ изображеніемъ Тайной Вечери, на которомъ Спаситель преподаетъ апостоламъ тѣло и кровь порознь. Самое старшее изображеніе ея въ такомъ видѣ помѣщено въ живописной псалтири десятаго вѣка, принадлежащей Пандократорскому монастырю на Аѳонѣ. Оно отподоблено мною. Выдумалъ оный Западъ Пургаторіумъ, то есть, огонь будто бы очищающій души усопшихъ: на эту выдумку Востокъ, послушный евангелію, въ которомъ сказано,—*идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный*,— отвѣтилъ изображеніемъ Рая и Ада, и въ первомъ — олицетвореніемъ покоя душъ въ лонѣ Авраама, а во второмъ — размѣщеніемъ ихъ въ вѣчномъ огнѣ, мразѣ, мракѣ, и среди червей неусыпающихъ. Такое изображеніе было извѣстно тамъ еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ. Я на Аѳонѣ въ Иверѣ нашелъ его въ Житіи Индѣйскаго царевича Іоасафа, переписанномъ въ этомъ вѣкѣ, и отподобилъ съ красками.

Благотворно было для восточной Церкви мирное обращеніе всѣхъ еретиковъ въ Православіе въ предѣлахъ Греческаго царства. Послѣ этого событія уже никогда не было тамъ ни гоненій, ни мученій за разномысліе о Вѣрѣ. Эта Церковь, по праву и долгу самосохраненія, хотя и продолжала анаѳематствовать разномыслящихъ и упорныхъ, то есть, отлучать ихъ отъ общенія съ собою; но анаѳемы ея, произносимыя въ недѣлю Православія, были не наказанія, а духовно-нравственныя средства къ вразумленію заблуждающихъ и непокорныхъ вселенской Правдѣ, или, святой истинѣ, исповѣдуемой многочисленными сонмами вѣрующихъ и засвидѣтельствованной многими Соборами и святыми мужами. Притомъ въ ней самой ослабѣлъ тотъ сильный порывъ къ утонченнымъ преніямъ богословскимъ, который прежде крушилъ ее, и надолго отдѣлилъ отъ нея многочисленныхъ чадъ. Ей стали непріятны измѣнчивыя мудрованія не святыхъ людей о непреложныхъ тайнахъ Вѣры, откровенной Богомъ. Она признала, что для вѣчнаго спасенія душъ достаточно исповѣдовать тѣ одни догматы Вѣры, которые опредѣлены были седмью вселенскими Соборами и уяснены св. Отцами, особенно, Василіемъ великимъ, Григоріемъ богословомъ и Іоанномъ Златоустымъ. Съ той поры, когда св. Игнатій патріархъ Константинопольскій въ 871 году вновь совершилъ Послѣдо-

---

1) Christus Archaeologie von Glückselig. Prag. 1863. Seite 145 und folg.

ваніе Службы въ недѣлю Православія, составленное св. Меѳодіемъ при царицѣ Ѳеодорѣ [1]), возгласы въ этомъ Послѣдованіи, — Сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православныхъ (ὀρθοδόξων), сія вѣра вселенную утверди — эти торжественные возгласы повторялись восточною Церковію во всѣ послѣдующіе вѣка. А неизмѣнная преданность ея ученію Василія, Григорія и Іоанна, ознаменовалась даже установленіемъ особаго праздника въ 1084 году въ память сихъ трехъ учителей, которые названы вселенскими. Творенія же ихъ переписывались, читались и перечитывались въ царскихъ чертогахъ, въ домахъ вельможъ и богатыхъ людей, во всѣхъ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ; посему-то и дошли до насъ многочисленные списки съ нихъ, хранящіеся во всѣхъ лучшихъ библіотекахъ на Востокѣ и Западѣ. Эти Творенія любимы были Славянами и прочими народами православными, любимы даже такъ, что у нихъ въ теченіи многихъ столѣтій рѣдко кто говорилъ проповѣди своего сочиненія. Напримѣръ: въ Сиріи съ девятаго вѣка извѣстны только два проповѣдника, іеродіаконъ Абдалла Антіохіянинъ, скончавшійся въ 1052 году, и Алеппскій митрополитъ Мелетій, преставившійся въ 1635 году [2]), а въ Палестинѣ одинъ Аѳанасій патріархъ Іерусалимскій, который живъ былъ въ 1236 году [3]). Священное Писаніе, догматы и правила седми вселенскихъ Соборовъ, апостольскія и отеческія преданія, литургіи, пѣснопѣнія и Творенія св. Отцовъ древнихъ, вотъ все, чѣмъ наипаче утверждалась вѣра православныхъ христіанъ съ девятаго нееретичнаго вѣка ихъ, и чѣмъ отстаивали ее просвѣщенные архипастыри и учители, когда имъ нужно было обличать мудрованія Папистовъ и братски приглашать ихъ къ единомыслію вселенскому. Въ ихъ посланіяхъ къ Папамъ, въ ихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ ихъ мудрованій, рѣдко употреблялись силлогизмы, или, умствованія о предметахъ Вѣры, вызванные силлогизмами же Папистовъ, напротивъ чаще всего просто излагались древнія ученія вселенской Церкви. Всѣ они, начиная отъ Фотія до современныхъ намъ восточныхъ святителей, отвѣчавшихъ Папѣ Пію IX, всѣ

---

1) Въ рукописи Аѳоно-Кутлумушскаго монастыря, содержащей эту службу, а написанной на пергаминѣ вскорѣ послѣ 1352 года, сказано «что Богъ, вспомнивъ поношеніе, которымъ уничижили Церковь иконоборцы, возвеличилъ Православіе, въ первый разъ послѣ многолѣтняго поруганія св. иконъ, и во вторый спустя почти 30 лѣтъ послѣ этого поруганія.» А такъ какъ первое торжество Православія было вскорѣ по смерти послѣдняго иконоборнаго царя Ѳеофила при супругѣ его Ѳеодорѣ въ 841 году; значитъ второе, бывшее спустя 30лѣтъ, совершено было въ 871 году при патріархѣ Игнатіи.—Τούτου τοῦ ὀνειδισμοῦ, οὗ ὠνείδισαν οἱ ἐχθροὶ κυρίου.. ἐπιμνησθεὶς ὁ θεὸς ἡμῶν , . πέπραχε δεύτερον, ὅπερ ἐτέλεσε πρότερον. πρότερον μὲν γὰρ μετὰ πολυετῆ τινὰ χρόνον τῆς τῶν ἁγίων εἰκόνων ἐκφαυλίσεως καὶ ἀτιμίας ἐπανέστρεψε τὴν εὐσέβειαν εἰς ἑαυτήν· νυνὶ δὲ, ὅπερ ἐστὶ δεύτερον, μικροῦ μετὰ τριακονταετηρίδα κακώσεως κατηρτίσατο τοῖς ἀναξίοις ἡμῖν τὴν τῶν δυσχερῶν ἀπαλλαγὴν, καὶ τῆς εὐσεβείας ἀνακήρυξιν, καὶ τῆς εἰκονικῆς προσκυνήσεως τὴν ἀσφάλειαν, καὶ τὴν πάντα φέρουσαν ἡμῖν τὰ σωτήρια ἑορτήν.

2) Ἐναρετώτατος ἱεροδιάκονος Ἀπδάλλας ὁ Ἀντιοχεὺς ἐφώτισε τὴν Συρίαν μὲ τὰς θείας ἑρμηνείας καὶ διδαχάς του, καταλιπὼν εἰς τὴν ἐκκλησίαν πολλὰ συγγράμματα, καὶ μετὰ γῆρας βαθὺ ἀπῆλθεν ἐν εἰρήνῃ πρὸς κύριον τῷ 6560 ἔτει ἀπὸ τῆς κοσμογονίας, καθὼς ἀναφέρεται εἰς τὺ προοίμιον τοῦ βιβλίου καλουμένου, Ἀγαλλίαμα τοῦ πιστοῦ. — Ἡ διδαχὴ τοῦ Μελετίου ἐμαλάκωνε τὰς καρδίας καὶ εἷλκεν αὐτὰς εἰς ἔλεον καὶ ἐργασίαν τῆς ἀρετῆς, ὥστε πολλοὶ τῶν χριστιανῶν διὰ τὴν πρὸς αὐτὸν ἀγάπην παρήτησαν τοὺς τόπους των καὶ μετῴκισαν εἰς τὸ Χαλέππι. (Καταγραφὴ τῶν κατὰ καιροὺς ἐν Ἀντιοχείᾳ πατριαρχευσάντων συντεθεῖσα παρὰ τοῦ ἱερέως Μιχαὴλ Μπίρεκ.)

3) Для меня переведены двѣ проповѣди Аѳанасія съ Арабскаго языка на новогреческій. Онѣ будутъ напечатаны, когда Богъ велитъ.

твердили соперникамъ своимъ одно и тоже: «Глава Церкви Христосъ: основаніемъ ея служитъ исповѣданіе Петра, — *Ты еси Христосъ сынъ Бога живаго:* Седмь святыхъ вселенскихъ Соборовъ суть седмь столповъ богословствующей мудрости[1]): нельзя ничего ни прибавлять, ни убавлять въ Сѵмволѣ вѣры и во всемъ прочемъ, что̀ узаконено этими Соборами[2]): вселенскій Соборъ судитъ всѣхъ, а самъ не судится никѣмъ: всѣ христіанскія Церкви равны и свободны; слѣдовательно, ни одна изъ нихъ не можетъ быть главою и владычицею прочихъ[3]): нѣкоторымъ изъ нихъ присвоено, не первенство, и не главенство, а старшинство — πρεσβεῖα, и присвоено властію вселенскихъ Соборовъ, а не самимъ Господомъ[4]): совершеніе Евхаристіи на пресномъ хлѣбѣ непристойно христіанамъ, непразднующимъ Іудейскую пасху, и проч.» Вся эта вселенская Правда не была уважена западною Церковію. Эта Церковь, какъ извѣстно, не только не отмѣнила обличенныхъ еще Фотіемъ мудрованій, но даже увеличила число ихъ, вымысливъ чистилище душъ, индульгенціи, вмѣненіе заслугъ людей святыхъ людямъ грѣшнымъ и кающимся, непричастность св. Дѣвы Маріи первородному грѣху, и проч. А восточная Церковь удержала древнее вселенское Православіе, и ничего не прибавивъ къ нему и не убавивъ отъ него, только уясняла оное соборнѣ. Такъ, когда догматъ объ единосущіи Отца и Сына и о равенствѣ всѣхъ совершенствъ ихъ, сопоставленный съ словами Іисуса Христа, — Отецъ мой болій мене есть, Боже мой, Боже мой, вскую оставилъ мя еси, — оказался неудобопонятнымъ для нѣкоторыхъ христіанъ и епископовъ, Константинопольскій Соборъ въ 1166 году уяснилъ его по смыслу св. Отцовъ, опредѣливъ такъ: «Отецъ больше Сына не только въ томъ смыслѣ, что Сынъ добровольно *умалилъ себя, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ* (Филиппис. 2, 7.), но и въ томъ, что Отецъ раждаетъ изъ себя Сына единосущнаго и равносовершеннаго, Сынъ же не раждаетъ никого: Іисусъ Христосъ Сынъ Божій на крестѣ воззопилъ, — Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ — возопилъ отъ лица всѣхъ человѣковъ, ибо оставлены были они, какъ грѣшники, повинные наказанію, а не Самъ Онъ, не сотворившій грѣха; слѣдовательно этотъ крестный вопль есть вопль всего человѣчества, просившаго и просящаго себѣ примиренія и соединенія съ Богомъ[5]). Въ другой разъ, когда по случаю толковъ о Ѳаворскомъ свѣтѣ, многіе не до-

---

1) Это — слова Кіевскаго митрополита Іоанна († 1089 г.) въ посланіи его къ папѣ Клименту, бывшему архіепископу Равенскому, который признанъ былъ папою императоромъ Генрихомъ.

2) Смотри 1-е правило 6-го вселенскаго Собора.

3) Смотри 8-е правило Ефесс. вселенск. Собора.

4) Никейск. Собора правило 7. — Ефесск. Собора правило 8. — Перв. Константин. Собора правила 2, 3, 6. — Халкидон. Собора правила 9, 17, 28. — Шест. всел. Собора правило 36.

5) Ἐζητεῖτο, ὅπως ἡ κατὰ τίνα μείζων τοῦ λέγοντος Χριστοῦ ὁ πατὴρ ἐκλαμβάνεται. . . . . Οἱ μεν (ἐπίσκοποι ἐν Συνόδω) τῶν τισί Γραφικῶν ἀποχρώμενοι χρήσεων, μόνῳ τῷ αἰτίῳ τῆς ἀχρόνου γεννήσεως τοῦ μονογενοῦς υἱοῦ τοῦ Θεοῦ τὴν ἐξήγησιν ταυτησὶ τῆς φωνῆς (ὁ πατὴρ μου μείζων μου ἐστίν) περιέγραφον. . Οἱ δ' ᾔδεσαν καὶ τινὰς τῶν πνευματοφόρων τῆς τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίας Πατέρων καὶ διδασκάλων τὴν τοῦ κυρίου ταύτην φωνὴν ἑρμηνεύσαντασ κατὰ τὸ αἴτιον τῆς ἀκαταλήπτου πρώτης γεννήσεως. . Οἱ δὲ κατὰ μόνον τὸν τῆς κενώσεως, ἢ συγκαταβάσεως τρόπον, εἰρῆσθαι μείζονα τοῦ υἱοῦ τὸν πατέρα διενοοῦντο. . . Ἐντεῦθεν καὶ ὁρογραφεῖται τὰ περὶ τῆς τοιαύτης τοῦ κυρίου φωνῆς, ὅπως ἀκολούθως τοῖς ἀνέκαθεν τῶν ἱερῶν συνόδων εὐσεβεστάτοις δόγμασιν ὀφείλει παραλαμβάνεσθαι. Ἐκύρωται γὰρ

умѣвали, какъ надобно думать о дѣйствованіи (ενέργεια) всемогущества Божія, — соприсносущно ли оно Божескому естеству, или является, когда нужно, какъ произведеніе воли Божіей = κτίσμα, — Константинопольскій же Соборъ въ 1352 году опредѣлилъ, что оно соприсносущно и совѣчно Божескому естеству, а не творимо» [1]). Правда, въ восточной Церкви, послѣ девятаго нееретичнаго вѣка ея, не много было такихъ Соборовъ, которые подобнымъ образомъ уясняли принятые отъ вселенскихъ Соборовъ догматы; но за то она, утомленная богословскими преніями и довольная этими спасительными догматами, обратилась къ изученію опытовъ духовной жизни. Преподобный Симеонъ Метафрастъ († 936) написалъ 122 житія Святыхъ, къ коимъ послѣ него присоединены были еще 539. Такая полная Четь-Минея читалась въ церквахъ и домахъ. Кромѣ ея особенно любимы были христіанами душеспасительныя Творенія Макарія великаго, Нила Синайскаго, Іоанна Лѣствичника, Марка подвижника, Аввы Исаіи, Симеона новаго Богослова, и другихъ подобныхъ имъ св. мужей, которые что̀ писали о спасеніи души, то писали по опыту, бывъ просвѣщаемы благодатію всесовершительнаго Духа. Изданія этихъ Твореній были многочисленны. Увлеченіе ими было сильное. Царь Левъ мудрый († 911 г.), по подражанію имъ, писалъ книгу о врачеваніи душъ = ἀκαιστικὴ τῶν ψυχῶν ὑποτύπωσις; царица Евдокія, супруга Романа Діогена

καὶ κατὰ τὰς διαφόρους μὲν παρὰ τῶν ἁγίων πατέρων δοθείσας ἐξηγήσεις νοεῖσθαι ταύτην καὶ λέγεσθαι, οὐ μὴν δέ, ἀλλὰ καὶ κατ' αὐτὴν τὴν ἐν τῷ χριστῷ ἀνθρωπίνην κτιστὴν καὶ περιγραπτὴν φύσιν. — Ἐγκαταληφθῆναι παρὰ τοῦ πατρὸς ἐπὶ σταυροῦ κρεμάμενος ἀνακέκραγεν. ὅπερ οἱ θεῖοι Πατέρες προσώπῳ τῆς κοινῆς τῶν ἀνθρώπων φύσεως λεχθὲν ἐκλαμβάνονται. ἐκείνης γαρ — ἡ ἐγκατάληψις, ἣ ταῖς ἁμαρτίαις ὑπέδικος γέγονεν, οὐ γὰρ δὴ Χριστοῦ αὐτοῦ, ὃς ἁμαρτίαν οὐκ ἐποίησε. — [Βασιλικὸς καὶ συνοδικὸς Τόμος, ͵ϛχοδ ἔτους, ἐπὶ Μανουὴλ βασιλέως πορφυρογεννήτου, ἐγχαραγμένος ἐν τῷ θείῳ ναῷ τῆς Ἁγίας Σοφίας ἐν πλάκαις μαρμαρίτικαις, χειρόγραφον ἐν βιβλιοθήκῃ τῆς ἱερᾶς μονῆς τῆς ἐν τῷ ὄρει Σινᾶ.]

— Τοῖς μὴ δεχομένοις τὴν τοῦ ἀληθινοῦ θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ φωνὴν, τὴν «ὁ πατήρ μου μείζων μου ἐστὶ» καθὼς κατὰ διαφόρους τρόπους οἱ ἅγιοι ταύτην ἐξηγήσαντο, οἱ μὲν, κατὰ τὴν αὐτοῦ θεότητα λέγοντες ταύτην ῥηθῆναι, διὰ τὸ αἴτιον τῆς ἐκ τοῦ πατρὸς τούτου γεννήσεως, οἱ δὲ κατὰ τὰς φυσικὰς ἰδιότητας τῆς προσληφθείσης παρ' αὐτοῦ σαρκὸς καὶ ἐνυποστάσης τῇ αὐτοῦ θεότητι . . . . ἀνάθεμα Γ̅. — [Ἐπωφιλομένη πρὸς θεὸν ἐτήσιος εὐχαριστία = Служба въ недѣлю Православія — Χειρογραφον ἐν βιβλιοθήκῃ τῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ Κουτλουμουσίου ἐν τῷ ὄρει τοῦ Ἄθω.]

1) Τὰ κατὰ μῆνα Ἰούλιον τῆς ε' ἰνδικτιῶνος τοῦ 6860 ἔτους λαληθέντα καὶ πραχθέντα παρά τῆς θείας καὶ ἱερᾶς συνόδου, τῆς συγκροτιθείσης κατά Βαρλαὰμ καὶ Ἀκυνδίνου ἐν τῷ θεοφρουρήτῳ παλατίῳ τῶν ἱερῶν Βλαχερνῶν, ἔνδον τοῦ μεγάλου τρικλίνου τοῦ λεγομένου Ἀλεξιακοῦ: ✝

Β̅. Τοῖς φρονοῦσι καὶ λεγοῦσι μηδεμίαν ἐνέργειαν φυσικὴν ἔχειν τὸν θεόν, ἀλλὰ μόνην οὐσίαν, εἶναι ταυτόντε καὶ ἀδιάφορον παντελῶς οἰομένοις τὴν τε θείαν οὐσίαν καὶ τὴν θείαν ἐνέργειαν, καὶ μηδὲ μίαν εἶσθαι τούτων κατά τι διαφορὰν, ἀλλὰ τὴν αὐτὴν ποτὲ μὲ νοὐσίαν, ποτὲ δὲ ἐνέργειαν λέγεσθαι, ὡς καὶ αὐτὴν ἀνοήτως τὴν θείαν οὐσίαν παντάπασιν ἀναιροῦσι καὶ εἰς τὸ μὴ ὂν ἄγουσιν· ἐνεργείας γὰρ μόνον τὸ μὴ ὂν στερεῖσθαι φασὶν ἐπὶ λέξεως οἱ τῆς ἐκκλησίας διδάσκαλοι· — ἀνάθεμα Γ.

Γ̅. Ἔτι τοῖς αὐτοῖς φρονοῦσι καὶ λεγοῦσι κτιστὴν εἶναι πᾶσαν φυσικὴν δύναμιν καὶ ἐνέργειαν τῆς τρισυποστάτου θεότητος, ὡς κτιστὴν ἐκ τούτου πάντως καὶ αὐτὴν τὴν θείαν οὐσίαν ἀναγκαζομένοις δοξάζειν· κτιστὴ γὰρ, κατὰ τοὺς ἁγίους, ἐνέργεια κτιστὴν δηλώσει καὶ φύσιν, ἄκτιστος δὲ ἄκτιστον χαρακτηρίσει οὐσίαν. κἀντεῦθεν ἤδη κινδυνεύουσιν εἰς ἀθεΐαν παντελῆ περιπίπτειν, καὶ τὴν Ἑλληνικὴν μυθολόγίαν, καὶ τὴν τῶν κτισμάτων λατρείαν τῇ καθαρᾷ τῶν χριστιανῶν πίστει προστριβομένοις, μὴ ὁμολογοῦσι δέ κατὰ τὰς τῶν ἁγίων θεοπνεύστους θεολογίας καὶ τὸ τῆς ἐκκλησίας εὐσεβὲς φρόνημα, ἄκτιστον εἶναι πᾶσαν φυσικὴν δύναμιν καὶ ἐνέργειαν τῆς τρισυποστάτου θεότητος, ἀνάθεμα Γ. [Ἐπωφιλομένη πρὸς θεὸν ἐτήσιος εὐχαριστία. . . . Χειρογραφ. Κουτλουμουσιανόν.]

(1067 — 1071 г.) писала сочиненіе о житіи монахинь. Григорій Синаитъ, Максимъ Кавсокаливскій, Григорій Палама, въ 14 вѣкѣ, словомъ и примѣромъ возбуждали, наипаче въ монахахъ, рвеніе въ внутренней молитвѣ и къ духовному совершенству. Весьма замѣчательно, что до десятаго вѣка ни одинъ царь и ни одна царица у Грековъ не постриглись въ монашество, а послѣ этого вѣка Ѳеодоръ Дука / Ѳеодоръ же инокъ, Андроникъ старшій / Антоній инокъ, Іоаннъ Палеологъ / Іосифъ инокъ, Мануилъ Палеологъ / Матѳѣй инокъ, Марія / Ксенія, Ирина / Евгенія, Ѳеодора / Евгенія, Елена / Ипомони, скончались въ власяницахъ, и легли въ сырой землѣ подлѣ многихъ патріарховъ и епископовъ, вельможъ и богачей, именитыхъ женъ и дѣвъ, которые приняли схиму, показанную ангеломъ святому Пахомію. Такое явленіе — не безпричинно. Когда христіанская Вѣра опредѣлена и уяснена, тогда остается только философствовать по христіански, то есть, быть благочестивымъ, уповать на Бога, любить его всѣмъ сердцемъ, и готовиться къ вѣчной жизни.

Таковы были проявленія и послѣдствія мирнаго обращенія всѣхъ еретиковъ въ православіе и соединенія Церкви и государства!

Объ этомъ событіи не упомянули Византійскіе историки, потому что они повѣствовали только о гражданскихъ и военныхъ дѣлахъ въ Греческомъ царствѣ, а не о церковныхъ; но оно совершилось, какъ совершилось возстановленіе иконопочитанія при Фотіи, переселеніе мірскихъ жителей съ Аѳона въ Пелопонесъ при Алексеѣ Комнинѣ[1]), подчиненіе Валахской Церкви Константинопольскому патріарху и Сѵноду его въ 1359 году: о чемъ однако нѣтъ ни слова у оныхъ историковъ, нарочито не говорившихъ ни о законодательствѣ, ни о военномъ и мореходномъ искуствѣ, ни о зодчествѣ и живописи, ни о народномъ просвѣщеніи у Византійскихъ грековъ. Это событіе подготовилъ Фотій вмѣстѣ съ государями Михаиломъ и Василіемъ: онъ же и оповѣстилъ его въ своемъ столповомъ Словѣ, которое имѣетъ всю силу достовѣрнаго свидѣтельства очевидца.

Фотій былъ великій человѣкъ. Отъ него узнали мы и событія великія, какъ то, первый походъ Россовъ къ Константинополю, вторичное возстановленіе иконопочитанія, обращеніе всѣхъ еретиковъ въ Православіе и соединеніе Церкви и государства. Это знаніе есть драгоцѣнный прибытокъ нашъ. Но надлежало бы намъ лучше знать и самого Фотія. А никто у

1) Это свѣдѣніе заимствовано изъ хрисовула царя Андроника старшаго, Палеолога, 1292 года. А хрисовулъ этотъ хранится въ Аѳоно-Ватопедскомъ монастырѣ. «Τῷ πρώην βασιλεῖ Ἀλεξίῳ τῷ Κομνηνῷ μετὰ πάσης συνέσεως ἔδοξε μετοικῆσαι τοὺς ἐγχωρίους ἐκ τοῦ ἁγιονύμου ὄρους τοῦ Ἄθω πρὸς Πελοπόνησον, παντὸς κοσμικοῦ θορύβου ἀπηλλαγμένου, τοῖς τὸν μονήρη βιόν προαιρουμένοις τὸν τόπον καταλιμπάνων ἥσυχον καὶ ἀτάραχον. Ἔτυχε δὲ μείνασα ἡ χώρα τοῦ Μιχαὴλ ἐν μέσῳ κειμένη τοῦ Βατοπεδίου καὶ τοῦ Ἐσφιγμένου, ἐφ' ᾧ πλεῖσται ταραχαὶ καὶ θόρυβοι καὶ τῆς αὐτῶν ἐπαγγελίας ἀπέσια μίση ἀλλήλους προσανεφύοντο .... ὁ βασιλεὺς ἐπρόσταξεν, ἵνα διαχωρισθῇ ἡ χώρα αὕτη εἰς δύο μέρη.

насъ до сей поры не написалъ полнаго житія его. Однако онъ будетъ имѣть своего Метафраста. Подождемъ его, а теперь на основаніи разсмотрѣнныхъ бесѣдъ составимъ себѣ понятіе о строѣ и свойствахъ рѣчи Фотія, и о познаніяхъ, способностяхъ и качествахъ его.

Начала, или приступы всѣхъ бесѣдъ этого витіи — блистательны, заманчивы, увлекательны. Логическое расположеніе каждой изъ нихъ просто, а содержаніе богато и для насъ ново. Рѣчь его, рѣчь возвышенная, сильная, звучная, плавная, соотвѣтствующая предметамъ ея, настроена по образцамъ Твореній древнихъ Еллинскихъ писателей, и особенно Ѳукидида и Димосѳена, которыхъ выраженія замѣтны въ Бесѣдахъ[1]). Она искуственна. Самъ Фотій дома не говорилъ такъ, какъ бесѣдовалъ въ храмѣ св. Софіи. Однако слушатели понимали его, потому что въ школахъ изучали сказанныя Творенія, и потому что онъ, по обычаю Греческихъ проповѣдниковъ, произносилъ бесѣды наизустъ и нараспѣвъ, какъ они произносятъ ихъ и нынѣ. Особенныя свойства рѣчи его суть игривость отъ созвучія словъ, стремительность и великоразмѣрная картинность. Представляю примѣры, въ которыхъ видны эти свойства. Вотъ игра словъ созвучныхъ (рvѳмъ):

— Οὕτω μαστίζεται λαὸς ἁμαρτάνων ἢ ξίφεσι πολεμίων θεριζόμενοι, ἢ θηρίων ὀδοῦσι κατεσθιόμενοι, ἢ ἀέρος φθόρῳ συνφθειρόμενοι.	Такъ карается народъ грѣшный: то мечи враговъ *пожинаютъ* его, то зубы звѣрей *пожираютъ* его, то *порча* воздуха *портитъ* его.
— Δακρύω κᾳγὼ σὺν ὑμῖν, ἔιπερ ἐστὶ δακρύων καιρὸς ὁ παρὼν καιρὸς, ἀλλὰ μὴ πολλῷ μείζων τῆς δακρύων φορᾶς ἡ καταλαβοῦσα συμφορά.	И я плачу съ вами, если только время теперь плакать, и если охватившій насъ *потокъ* горя не больше *тока* нашихъ слезъ. Иначе: если постигшее насъ *горе* не такъ *горько*, что еще можно выронить слезу.
— Ἐγὼ ὑμῖν ἐγγυῶμαι τὴν σωτηρίαν, ἂν αὐτοὶ συντηρήσητε τὰς ὁμολογίας. ἐγὼ τὴν τῶν δυσχερῶν ἀπαλλαγὴν, ἂν ὑμεῖς πάγιον τὴν ἐπιστροφὴν. ἐγὼ τὴν ὑποχώρησιν τῶν ἐχθρῶν, ἂν τὴν ἀναχώρησιν ὑμεῖς τῶν παθῶν.	Поручимся другъ другу, я за ваше *спасеніе*, а вы за то, что нѣтъ *опасенія* касательно договоровъ, я за *отвращеніе* бѣдствій, а вы за *обращеніе* къ Богу, я за *удаленіе* враговъ, а вы за *отдаленіе* отъ страстей.
— Ταύτης (τῆς Μητρὸς τοῦ Λόγου) τὴν παρρησίαν ἐις σωτηρίαν ἐπιβοώμενοι. αὐτὴν θραῦσαι τὸ θράσος τῶν βαρβάρων καθικετεύοντες.	Ея (Матери Слова) *дерзновеніе* призывали во *спасеніе*: ее умоляли *сдержать дерзость* варваровъ.

1) Напр. τιμωρίαν ὑπέχειν, Thucid. — Ἡλίκος ἐστί. Demosth.

— Ὀργὴν εἶχον εἰς τὴν καθ᾽ ἡμᾶς ἐπιδρομὴν, συνελάυνουσαν αὐτὰς φιλανθρωπίαν εὕρομεν θεοῦ, τούτων ἀναστέλλουσαν ὁρμήν.	Ихъ привелъ къ намъ *гнѣвъ;* но за ними, какъ мы видѣли, слѣдовала Божія милость и отвратила ихъ *набѣгъ*.
— Μηδεὶς τὰς τοιάυτας ὑποσχέσεις λήθῃ λυμανάσθω. ἡ γὰρ τούτων λήθη ὀργήν οἶδεν ἀνάπτειν θεοῦ.	Пусть никто *не забывается* и обѣщаній своихъ *не сбываетъ* какъ нибудь; ибо забвеніе ихъ умѣло воспламенить гнѣвъ Божій.
— Τί τοσάυτην ἔχει τῆς μοχθηρίας τὴν ὑπερβολὴν, ὡς τηλικάυτην κινεῖν ἀπειλήν;	За какіе чрезвычайные *пороки*, даны такіе страшные *уроки;*
— Ὅταν κατορθοῦντες μὲν οἰκειώμεθα θεῷ, καὶ τὸ κρατεῖν ἡμῶν παραγίνεται τῶν ἐχθρῶν τῷ κράτει τῶν παθῶν.	Когда мы, исправляясь, приближаемся къ Богу, тогда удается намъ и *державить* надъ врагами при *сдержаніи* страстей.

Фотій, какъ извѣстно, любилъ поэзію, и самъ сочинялъ стихи, и церковныя риѳмическія пѣснопѣнія. Поэтичность его выразилась и въ бесѣдахъ увеселительными созвучіями словъ. А быстрота его мыслей и воображенія придавала рѣчи его стремительность. Онъ былъ вихрь, когда говорилъ: «знаю, что и вы сами горюете. но время не терпитъ, судія неумолимъ, угроза страшна, беззаконій много, покаяніе недостаточно». Онъ былъ мгновенно-рисующій свѣтъ, когда показывалъ, какъ карается народъ грѣшный: «то мечи враговъ пожинаютъ его, то зубы звѣрей пожираютъ его, то небесныя молніи испепеляютъ его, то порча воздуха портитъ его»: или, когда изображалъ мщеніе Россовъ: «они губятъ все, нивы, жилища, пажити, стада, женъ, дѣтей, старцовъ, юношей, всѣхъ сражая мечами. Гибель всеобща. Они, какъ саранча на нивѣ и какъ ржавчина на виноградѣ, или страшнѣе, какъ жгучій зной, тифонъ, наводненіе, явились въ странѣ нашей». Онъ поражалъ слушателей крупнымъ градомъ, когда твердилъ имъ: «такъ, мы побиты нашими беззаконіями, изнурены страстями, унижены грѣхами, сгублены злыми дѣлами, и стали поношеніемъ и поруганіемъ сосѣдей нашихъ». Онъ металъ огни у стремнинъ, когда предостерегалъ отъ бѣдъ и наказаній, говоря: «Худое дѣло пьянство. Худое дѣло блудъ. Худое дѣло неправда. Худое дѣло ненависть къ братьямъ, гнѣвъ на ближняго, презрѣніе, зависть, убійство. Худое дѣло лѣность и безпечность. Все это скопляетъ грозу.» Онъ разсыпался въ хвалахъ, когда обрадованный побѣдою Церкви надъ иконоборствомъ говорилъ: «Вся хороша она! Отъ пораженій укрылась, отъ язвъ исцѣлилась, прахъ отрясла, ругателей низринула въ тартаръ, пѣвцовъ превознесла до неба. Недостатка нѣтъ въ ней! Она лучше стала. Раны ея зажили. Старинное убранство ея все на ней, какъ на невѣстѣ. Увидѣли ее дѣвы, и ублажаютъ ее царицы: кто она, прекрасная, какъ луна? превосходная, какъ солнце?» Можно ли говорить живѣе, какъ говорилъ такъ Фотій? Любо слушать такія стремительныя рѣчи его. Онъ *похищаетъ* тебя въ высокую область истины, когда говоритъ: «Сынъ проповѣдуется единосущный Отцу. Духъ совчисляется съ ними въ едино Божество. Слово, пріявшее плоть

отъ Дѣвы, не отдѣляется отъ человѣческаго естества. Всякое заблужденіе и мечтаніе прогнано далеко. Переселеніе душъ уже не проповѣдуется. Басни не помогаютъ бѣсамъ вспрыгнуть на высоту, съ которой упали они по злой волѣ своей. И самъ Христосъ уже не осмѣивается...» Не будь такихъ краткихъ выраженій, такихъ летучихъ зарницъ: рѣчь Фотія не была бы стремительна. Но какъ на небѣ рѣдко блистаютъ зарницы, такъ и въ бесѣдахъ этого витіи не часто употребляются быстрыя рѣчи, а только тогда, когда нужно, и только тамъ, гдѣ надобно. Фотій, какъ искусный ораторъ, бережливъ на нихъ. Онъ не щедръ и на картины. Но за то онѣ огромны и великолѣпны у него. Таковы картины, изображающія входъ Россовъ въ Константинопольскій проливъ, ихъ мщеніе, покаяніе Византіи, и чудо отъ ризы Богоматери. На первой картинѣ представлено успокоенное море; по этому морю въ виду всѣхъ жителей Царьграда плывутъ Русскіе корабли, и навѣваютъ на нихъ что-то свирѣпое и дикое и убійственное; а на корабляхъ стоятъ вооруженные воины, и простерши на седмихолмный городъ обнаженные мечи свои, потрясаютъ ими и грозятся. Византійцы — всѣ въ ужасѣ. На второй картинѣ, вдали, показаны холмы, долины, пещеры, рощи и нивы, всѣ покрытые трупами; ближе, умираютъ люди зараженные язвою, а на первомъ планѣ въ устьяхъ рѣчекъ струится кровь, на берегахъ пролива домы горятъ, водоемы завалены мертвыми тѣлами, у камней лежатъ разможженные младенцы и подлѣ нихъ матери, рыдающія, умирающія, растерзанныя на части, вездѣ по мѣстамъ раздѣльно бугрятся трупы мущинъ и воловъ, юношей и коней, и зарѣзанныя жены и кóкоши. На третьей картинѣ есть что посмотрѣть! Гордые смиряются, сластолюбцы постятся, у весельчаковъ и игроковъ слезы ручьями текутъ по щекамъ, ростовщики раздаютъ деньги бѣднымъ, плюнувъ на свое серебро и золото, многіе руками и ногами даютъ знать, что впредь они будутъ служить образцами добродѣтели. На четвертой картинѣ идетъ крестный ходъ по стѣнамъ Царьграда. Фотій несетъ на рукахъ своихъ ризу Богоматери, а въ эти минуты Россы отъ какого-то непонятнаго страха обращаютъ тылъ свой, насыпь же ихъ осыпается, какъ по данному знаку; наконецъ, Господь съ неба призираетъ на покаявшихся и гонитъ полки Россовъ, а они поспѣшно удаляются. Эти витійственныя картины Фотія стòятъ того, чтобы воспроизвесть ихъ красками, но — на мѣстѣ, въ Царьградѣ, на берегахъ его пролива. Пусть другіе исполнятъ это художественное дѣло, какъ умѣютъ: а мы округлимъ свое понятіе о великомъ витіи.

Онъ говорилъ всѣмъ душевнымъ силамъ своихъ слушателей, воображенію цвѣтисто, памяти впечатлительно, сердцу чувствительно, совѣсти просто, правдиво и строго, уму ясно и глубокомысленно. Онъ не доказывалъ святыя истины, а указывалъ и освѣщалъ ихъ. Въ бесѣдахъ его отразилась вся душа его со всѣмъ богатствомъ ея познаній, и даже съ пережитымъ бытомъ. Былъ онъ въ военной службѣ: военныя и выраженія его слышались на патріаршей каѳедрѣ: «мы совѣсть свою признали побѣдительницею, совершивъ отступленіе внутрь себя самихъ.» «Былъ онъ предсѣдателемъ государственнаго Совѣта: государственное и сужденіе произнесъ съ патріаршей каѳедры:» невозможно, совершенно невозможно одолѣть враговъ внѣшнихъ тому, кто, какъ плѣнникъ, связанъ врагами домашними и проданъ страстямъ... Напередъ удалимъ отъ себя мятежные умы, и потомъ легко обезсилимъ

силу иноплеменниковъ.» Любилъ онъ дома Иліаду Омира: не утерпѣлъ и въ храмѣ, сказалъ, что никто не могъ бы описать раззоренія Царьграда стихами Иліады. Помнилъ онъ Миѳологію: не забылъ и въ проповѣди сравнить еретиковъ съ Вакханками, г'Арпіями и Корибантами, и примолвить, что басни не помогаютъ бѣсамъ вспрыгнуть на ту высоту, съ которой они упали. Зналъ онъ медицину и врачевалъ больныхъ: умѣлъ и сказать, какъ медикъ, что у всѣхъ трусовъ дрожь начинается въ предсердіи (praecardium), и оттуда, какъ изъ источника, пробѣгаетъ по всему тѣлу, и что у пораженныхъ величайшимъ горемъ не льются слезы, отъ того что у нихъ сжимается и цѣпенѣетъ вся внутренность. Занимался онъ Правовѣденіемъ и судебными дѣлами: судебнымъ и языкомъ выразился, припомнивъ» какъ въ день суда Божія каждый самъ дѣлался неумолимымъ судіею грѣховъ своихъ, не упрекая обвинителей въ напраслинѣ, дабы отклонить обвиненіе, не требуя постороннихъ уликъ, и не извертываясь приглашеніемъ свидѣтелей для своего оправданія.» Прислушаемся къ другимъ рѣчамъ Фотія, дабы по нимъ узнать его короче. «Чего люди боятся по мнительности своей, то почитаютъ дѣйствительнымъ, хотя того и нѣтъ: а чего даже и не подозрѣвали, то̀ хотя и виситъ надъ головами, но имъ кажется, что до того еще далеко.» Это говорилъ Психологъ, то есть, знатокъ человѣческой души. Но вотъ отрывки и изъ Логики и Физіологіи его!» Пониманіе посредствомъ зрѣнія бываетъ гораздо живѣе того познанія, которое получается посредствомъ слуха, какъ это доказываетъ и опытъ. Склонилъ ли кто слухъ свой къ рѣчамъ: воображеніе его схватываетъ слышанное, а здравый смыслъ обсуживаетъ и передаетъ памяти. Не менѣе сего, ежели не сильнѣе, дѣйствуетъ и зрѣніе. Ибо и оно, посредствомъ тока глазныхъ лучей какъ бы уловляя и схватывая видимый предметъ, представляетъ его уму, а онъ передаетъ памяти для пріобщенія къ точнымъ свѣдѣніямъ.» Мы слышали рѣчи Фотія, какъ бывшаго воина и государственнаго мужа, какъ поэта и миѳографа, какъ врача, правовѣда и знатока души, и какъ учителя Логики и Физіологіи: теперь припомнимъ, какъ онъ богословствовалъ. «Сынъ единосущенъ Отцу. Духъ святый Богъ. Слово пріяло плоть отъ Дѣвы для спасенія человѣческаго рода. Дѣва родила его безстрастно и сверхъестественно. Въ немъ два естества и два дѣйствованія, божеское и человѣческое, и оба не слитны но и нераздѣльны. Богъ благъ, безгнѣвенъ и безстрастенъ, потому что въ существѣ его нѣтъ никакого движенья вещества, получившаго бытіе непостижимымъ образомъ, но онъ постановилъ законъ, по которому грѣхъ влечетъ за собою наказаніе. Богъ милостивъ ко всѣмъ кающимся. Помощь его надобно умѣть снискивать наилучшими дѣлами. Пророки суть языки Бога, прорицавшіе будущность, а апостолы — тайноводители, то есть, учредители таинствъ. Петра апостола сама Истина назвала камнемъ и основаніемъ Вѣры, а не Церкви. Мучениковъ и страстотерпцовъ произвела любовь къ Господу, а украсили молитва, постъ и другіе подвиги. Православіе безъ иконъ угрюмо. Иконы поучаютъ. Единство Вѣры освобождаетъ вселенную отъ раздраженія и предупреждаетъ многія бѣдствія. Будетъ судъ страшный и неумолимый. Будутъ осуждены тѣ, которые оказались неготовы въ царство небесное.» Итакъ почти все христіанское вѣроученіе содержится въ четырехъ бесѣдахъ Фотія. Оно выражено въ нихъ православно по преданію древнихъ Отцовъ Церкви, любившихъ свя-

щенную краткость богословія[1]). Что касается до нравоученія, то оно, по требованію обстоятельствъ, высказано тономъ обличительнымъ, но такъ, что слышны выговоры, укоризны, увѣщанія наилучшаго отца худымъ дѣтямъ, огорченнаго непослушаніемъ и безнравственными поступками ихъ, отца, который боялся, какъ бы и самое исправленіе ихъ не кончилось съ завтрашнимъ днемъ, и однако желалъ имъ прочнаго счастія и душевнаго спасенія. Тотъ не понялъ бы Фотія, кто, прочитавъ обличенія его, подумалъ бы, что языкъ у него былъ насмѣшливый, язвительный. Насмѣшникъ не плачетъ и не поучаетъ, когда насмѣхается: а Фотій плакалъ и поучалъ, когда обличалъ своихъ слушателей. Нѣтъ спору, что нѣкоторыя обличенія его весьма рѣзки; но онѣ доказываютъ только то, что онъ говорилъ людямъ правду, какъ говорили ее пророки, какъ говорилъ ее *несмысленнымъ* Галатамъ апостолъ Павелъ, какъ изрекалъ ее книжникамъ и фарисеямъ самъ Господь Іисусъ Христосъ. Фотій, какъ извѣстно, жилъ неукоризненно. Даже враги его не очернили поведенія его. Будучи строгъ къ себѣ самому, онъ былъ строгъ и къ другимъ. Правдивая душа его поражена была жестокими поступками христіанъ, умертвившихъ нѣсколько безвинныхъ Россовъ — язычниковъ, и взявшихъ въ неволю ихъ молотильщиковъ, а развратъ и неестественные грѣхи этихъ обидчиковъ, знавшихъ евангеліе, въ сравненіи съ неукоризненными нравами Россовъ, имѣвшихъ неправильныя понятія о божествѣ, огорчали и крушили его чистое сердце тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще онъ замѣчалъ, что всѣ прежнія увѣщанія его падали въ тернія. Въ такомъ состояніи нельзя было человѣку Божію, пастырю, учителю, патріарху, нельзя было говорить этимъ людямъ спокойно и кротко, когда самъ Богъ послалъ ему въ помощь такихъ грозныхъ проповѣдниковъ, каковы огонь, копье и мечь Россовъ: надлежало ему гремѣть, надлежало скребкомъ скребсти жестокія сердца, и лить огонь на озорниковъ, воровъ, блудодѣевъ, прелюбодѣевъ, неестественныхъ грѣшниковъ, и на такихъ нечестивцовъ, которые только и дѣлали, что надъ всѣмъ смѣялись и пѣли блудныя пѣсни подъ музыку похабную, нападали, на кого ни попало, какъ зараза какая, величались какъ нечистые наруку сановники, и жить не хотѣли, когда не успѣвали мстить по одному подозрѣнію, или, за ворота выталкивали бѣдныхъ и нищихъ въ то время, когда весельчаки питались ихъ богатою трапезою и расхваливали ихъ благонравіе, пугающее бѣдныхъ. Огненный Фотій переплавилъ всѣхъ ихъ и представилъ Богу, какъ новыя златицы. Огненное слово его было дѣйственно, спасительно. Хорошо бы и намъ занять у него этого священнаго огня, и вылить его на современныхъ намъ нечестивцовъ, дабы они хоть одинъ разъ въ жизни сказали, Господи помилуй. Мы только свѣтимъ, и, кажется, не очень ярко, и не во всѣхъ мѣстахъ. Потомство прочтетъ наши проповѣди и подумаетъ, что наши слушатели всѣ были святые, или малосвѣдующіе. Впрочемъ оно и не станетъ судить о нихъ по нашимъ словамъ и бесѣдамъ, кои, какъ извѣстно, не соотвѣтствуютъ душевному состоянію современнаго міра грѣшнаго, а о насъ самихъ скажетъ справедливо, что въ числѣ Русскихъ проповѣдниковъ первой половины девят-

1) Образецъ такой краткости предложенъ въ моей книгѣ подъ названіемъ, Вѣроученіе, Богослуженіе и Чиноположеніе Египетскихъ христіанъ (Коптовъ), на стран. 20-й.

надцатаго столѣтія не было ни одного, который походилъ бы на огненный клубъ, пожигающій тернія грѣховъ и согрѣвающій холодныя сердца. Но, говоря это, не уклонился ли я отъ главнаго предмета своего разсужденія? Нѣтъ, я только остановился на минуту, чтобы посмотрѣть: есть ли между нами проповѣдникъ, равный Фотію. Вижу, что нѣтъ его, и снова обращаюсь къ сему великому витіи, и продолжаю рѣчь свою о немъ, или лучше о томъ, что онъ умѣлъ говорить, и что въ бесѣдахъ его отразилась вся душа его, одаренная воображеніемъ сильнымъ, вкусомъ изящнымъ, умомъ тонкимъ, и твердо вѣрующая въ Бога. Завидна находчивость Фотія, съ какою онъ умѣлъ пользоваться внезапными волненіями своихъ слушателей, и въ нихъ почерпать гораздо большую силу рѣчи связной. Заплакали они: заплакалъ и онъ, но ободрился, и самыя слезы ихъ обратилъ въ обличителей грѣховъ ихъ. Зашумѣли они: не утихъ и онъ, а заговорилъ еще громче: «не шумите ... страданія неизбѣжны для всѣхъ живущихъ беззаконно» . . Завидна такая находчивость Фотія. А впечатлительность и увлекательность его рѣчи сердечной, простой, и разомъ освѣщающей сопоставленное добро и зло, достойна подражанія. Онъ располагаетъ души къ исповѣди, когда говоритъ: «многократно мы были избавляемы отъ бѣдъ: надлежало бы благодарить Бога? не заблагоразсудили. Были спасаемы? облѣнились. Получали прощеніе? не миловали ближнихъ. А обрадованные всѣхъ огорчали, прославленные безчестили, сильные и всѣмъ довольные обижали, и безумствовали! .» Слышишь эти слова его, и говоришь про себя: грѣшенъ. Онъ трогаетъ и смиряетъ души, когда высказываетъ свои страхи: «пожалуйте, узнайте, что я сильно боюсь того, что слезы у васъ случайны, милостыня временна, цѣломудріе только дозавтра; того, что вы братолюбивы, пока сдружаетъ васъ общая бѣда; смирны и благонравны, пока плѣнъ впереди васъ, набожны, пока грозитъ вамъ смерть.» Прислушиваешься къ такому трепетанію и къ такимъ вѣщаніямъ отеческаго сердца Фотія, и, склонивъ голову къ груди, молишься: Господи, беззаконіе мое азъ знаю . . воздаждь ми радость спасенія твоего, и духомъ владычнимъ утверди мя. Фотій вразумляетъ и умиляетъ души, когда увѣщаваетъ: «прещеніе Бога остановлено покаяніемъ: не привлечемъ же его нерадѣніемъ. Гнѣвъ его погашенъ потоками нашихъ слезъ: не воспламенимъ же его снова кипучимъ смѣхомъ и безпрерывными потѣхами. Услышалъ Богъ воздыханія сердца нашего и не презрѣлъ воплей нашихъ: не прекратимъ же ихъ, да всегда помогаетъ намъ человѣколюбіе Божіе. Худое дѣло пьянство. Худое дѣло блудъ. Худое дѣло неправда и проч., и проч.» Всѣ такія рѣчи его превосходны, повторяю, потому что онѣ сердечны, просты, и разомъ освѣщаютъ намъ добро и зло. — Фотій принадлежалъ къ числу не тѣхъ людей, которые сперва думаютъ, а потомъ говорятъ, и не тѣхъ, которые напередъ говорятъ, а потомъ подумаютъ, а тѣхъ, которые когда думаютъ и чувствуютъ, тогда и говорятъ. Мысль, чувство и слово у него близнецы. Кипитъ у него сердце, кипитъ и рѣчь; плачетъ душа, плачевные изрѣкаетъ и причеты; радуется духъ, радостныя произноситъ и вѣщанія. Чѣмъ больше изучаешь бесѣды его, тѣмъ больше понимаешь, что онѣ суть самородное произведеніе его счастливыхъ дарованій. Фотій никому не подражалъ въ витійственномъ искуствѣ, и ни у кого ничего не заимствовалъ. Правда, одно изрѣченіе въ пятомъ отдѣленіи третьей бесѣды его, — «*уви-*

дълъ умъ, *восприняль*, *вообразилъ впечатлѣнія*, *безъ труда передалъ ихъ памяти*,» — это изреченіе сходно съ фразою Немезія, писателя четвертаго вѣка, помѣщенною въ его ученіи о душѣ и тѣлѣ [1]); но оно (если не прибавлено кѣмъ нибудь послѣ Фотія) появилось тутъ, не какъ заёмъ, а какъ невольное припоминаніе этой фразы, наслоившейся въ памяти Фотія, вѣроятно, еще тогда, когда онъ слушалъ уроки философіи. Не ему приходилось жить чужимъ добромъ, когда самъ онъ былъ богатъ. Не ему нужда была занимать у когонибудь свѣтъ, когда самъ онъ свѣтилъ, какъ солнце. Многія выраженія и рѣчи въ бесѣдахъ его доказываютъ, что онъ одаренъ былъ воображеніемъ роскошнымъ, блестящимъ, сильнымъ, творящимъ даже диковинные, но живописные, образы. У него Моисей молитвою и словомъ пашетъ облака, какъ поля, и оттуда подаетъ обильную пищу бѣдствующимъ въ пустынѣ; царь Михаилъ пронзаетъ самыя внутренности ересей *богокованнымъ копьемъ*, то есть, письменнымъ Вѣроисповѣданіемъ своимъ; еретики сидятъ въ аду на насѣсти, какъ черные вороны; раскольники съ медвѣжьими ушами слушаютъ всякія притчи и внимаютъ всему, кромѣ истины; грѣхи суть не что иное, какъ подтопка достаточная для возженія вѣчнаго огня; отъ нихъ засыхаетъ Столица, какъ сохнетъ дерево отъ зноя. Поразительны всѣ такія сравненія и подобія, безъ которыхъ однако и рѣчь — не рѣчь на востокѣ. Но вотъ и другіе величественные и прекрасные образы, воспроизведенные роскошнымъ воображеніемъ Фотія. Россійское воинство у него — страшный перунъ, зіяющая молнія, грозное море, которое не стебли пшеницы ломаетъ и не колосья попираетъ, не виноградныя лозы истребляетъ и не молодыя лѣторасли побиваетъ, а людей губитъ за неправду и за жестокость ихъ. Это воинство, какъ громадный исполинъ, можетъ поднять на свое копье цѣлый Константинополь, или схватить его, какъ птичье гнѣздо. Иныя краски рѣчи употребилъ Фотій, когда изобразилъ Церковь, получившую право ввзстановленія святыхъ иконъ. Она представлена имъ то — какъ невѣста, одѣвшаяся во все старинное убранство свое, то — какъ царица, облеченная въ одежду позлащенную и испещренную драгоцѣнными камнями. Иначе описано имъ заматорѣвшее время, которое внезапно породило такое чрезвычайное событіе, каково обращеніе всѣхъ еретиковъ въ Православіе. Оно олицетворено въ видѣ почтенной жены, которая давно не раждала и вдругъ принесла плодъ прекрасный, царственный, цвѣтущій подъ освѣщеніемъ Истины. — Одни эти образы дали бы намъ понятіе о томъ, что Фотій имѣлъ вкусъ изящный. Но въ бесѣдахъ его есть и другія рѣчи, въ которыхъ выразилась его любовь къ изящнымъ искуствамъ, освященнымъ Церковію. Припомните его художественное описаніе той иконы богоматери, которая при немъ внесена была въ Софійскій храмъ; припомните, что она, по словамъ его, была радость очей, веселіе душъ; припомните, что онъ съ пророкомъ Исаіею самого Бога назвалъ живописцомъ, который на рукахъ своихъ расписалъ стѣны храма, и тѣмъ далъ примѣръ Рафаэлямъ и Панселинамъ; выслушайте плачевные причеты его: — «О, красота и велелѣпіе досточтимыхъ храмовъ, величіе, изящество, и художе-

1) Nemesius. De la nature de l'homme. Paris. 1844. « L'intelligence les phenomènes reçoit, les juge et les confie à la mémoire.» Эту фразу я привелъ по французски, потому что въ моей библіотекѣ нѣтъ подлиннаго Творенія Немезія, которое весьма замѣчательно.

ственное убранство! О, храмъ мой, св. Софія, недреманное око вселенной!» — и согласитесь, что такъ плакать, такъ говорить, и такъ описывать, могъ только тотъ, кто любилъ живопись, зодчество, ваяніе, и искуства, гранильное и литейное, и кто зналъ и понималъ всю привлекательную силу онаго недреманнаго ока прекраснаго, которое привлекло къ Спасителю Грузію, Арменію, Сербію, Болгарію, Паннонію, Дакію и Россію. — Фотій ваялъ нѣкоторыя рѣчи свои, и подобно искусному художнику, отдѣлывающему тонкія черты статуи рѣзцомъ тонкимъ, выражалъ ихъ весьма тонко и замысловато, потому что имѣлъ умъ тонкій. Такъ, когда онъ, въ слезахъ, говорилъ своимъ слушателямъ: «и я плачу съ вами, если только время теперь плакать, и если постигшее насъ горе не такъ горько, что еще можно выронить слезу; ибо случаются несчастія безслезныя»: тогда этими словами намекнулъ имъ, что несчастіе ихъ такъ велико, что другіе отъ него оцѣпенѣли бы, а они только плачутъ немного. Понявши этотъ намекъ, осязаешь всю грѣховную дебелость Византійцовъ, у которыхъ изъ очей текли *малыя капли* во время такого страшнаго несчастія, которое у другихъ изсушило бы всѣ слезы. Разсмотримъ и другія тонкости рѣчи Фотія: онѣ стоятъ вниманія. «Цареградцы отъ страха разслабѣли такъ, что страданія захваченныхъ начали ставить въ зачетъ собственнаго плѣна, и *воображеніемъ придумывать*: кто бы долженъ отмстить за несчастныхъ [1].» Говоря такъ, Фотій весьма тонко освѣтилъ ту трусость Византійцовъ, въ минуты которой они не знали, что и дѣлать, и вмѣсто того, чтобы вступить въ переговоры съ непріятелемъ, начали *воображать*, что онъ-де удовольствуется мщеніемъ тѣмъ согражданамъ, которыхъ захватилъ въ предмѣстіяхъ Константинополя, а ихъ не тронетъ, и что ктонибудь сейчасъ подоспѣетъ имъ на помощь и отмститъ врагу. Это напоминаетъ тѣхъ растрепанныхъ и растерянныхъ, которые, когда загарается ихъ домъ, берутъ въ руки не вещи свои, и не ведра съ водою, а кочергу и щеты, да и ходятъ съ ними, какъ угорѣлые. Искусно, ловко сказана Фотіемъ правда о государѣ Михаилѣ, который долго не занимался царскими дѣлами.» Славны подвиги царя нашего на браняхъ, послѣ того какъ онъ *присмотрѣлся* къ своему царству; но исчислять ихъ я не намѣренъ [2].» Витія глаголомъ, *присмотрѣлся*, похвалилъ царя Михаила, но вмѣстѣ и напомнилъ о прежней разсѣянности его, однако напомнилъ кратко, вскользь, и потомъ насказалъ множество похвалъ ему. Такая мимолетность напоминанія правды, прикрытаго хвалами, и доказываетъ умѣнье Фотія говорить о царяхъ, какъ должно. Онъ рѣчь свою о Михаилѣ искусно изваялъ какъ бюстъ. Видно, что этотъ государь былъ разсудителенъ и твердъ духомъ, добръ, привѣтливъ и щедръ; но прищуренные глаза его смотрѣли въ сторону. Не съ меньшимъ искуствомъ сказана Фотіемъ правда и о священникахъ и архіереяхъ по случаю искорененія всѣхъ ересей. Обратившись къ нимъ послѣ похвалъ патриціямъ и военачальникамъ, совершившимъ это дѣло, онъ только спросилъ ихъ, — а вы почему молчаливы, — и этимъ вопросомъ намекнувъ на ихъ прежнее бездѣйствіе и на ложный стыдъ, по которому они молчали и тогда, когда совершилось доброе

---

1) Смотри 2-е отдѣл. втор. бесѣды. — 2) 2-е отдѣл. четверт. бесѣды.

дѣло, и молчали потому, что оно не ими было сдѣлано, началъ хвалить ихъ. Но какъ? — назвалъ ихъ *перелитыми* отъ радости и услады, и такъ, опять, далъ почувствовать имъ и всѣмъ прочимъ, что до перелитія они были какъ бы слѣпое серебро, которое, обыкновенно, переливается [1]). Отчеканилъ же ихъ Фотій! однако придалъ имъ много блеску, сказавъ, что взоры и мысли ихъ вперены въ величіе совершившагося событія. И все это правда! Что какъ было, то такъ и пересказано, только кратко, ловко, прикровенно, замысловато! Замѣчательны дальнѣйшія слова Фотія. «Тѣ, которые умѣютъ владѣть собою, умѣютъ и уравновѣсить великую печаль и великую радость.» Въ своемъ мѣстѣ я пояснилъ эти слова въ связи съ предъидущею рѣчью. А здѣсь, по поводу ихъ, считаю не излишнимъ сказать, что, по ученію Фотія, совершенство человѣка состоитъ въ равновѣсіи всего, что есть въ немъ, и нѣсколько поясняю это ученіе, предоставляя другимъ свободу развить его вполнѣ. Совершенъ тотъ, кто въ дни радости не забываетъ, что онъ прежде горевалъ. Совершенъ тотъ, кто любитъ другихъ столько, сколько и себя. Совершенъ тотъ, въ комъ воображеніе не преобладаетъ надъ разсудкомъ, умъ ладитъ съ сердцемъ, образованность соединена съ благонравіемъ, доброта — не слабость, строгость — не жестокость, вѣра оправдывается добрыми дѣлами, миръ душевный пріобрѣтенъ исполненіемъ *всѣхъ* добродѣтелей, и проч.

Много совершенствъ имѣлъ Фотій, котораго самое имя значитъ, Свѣтозарный. Превосходнѣе же всѣхъ ихъ была вѣра его, вѣра живая, сильная, чудодѣйственная. Онъ показалъ ее, особенно, во время осады Константинополя Россами. Всѣ тогда дрогнули и незнали, что дѣлать; струсили даже и тѣ, которымъ предоставлено судить о военныхъ дѣлахъ: а онъ не поблѣднѣлъ среди всѣхъ ужасовъ, и даже съ дерзновеніемъ сказалъ самымъ тяжкимъ грѣшникамъ: «я ручаюсь за ваше спасеніе, если вы покаетесь и исправитесь.» Откуда въ немъ такая увѣренность, такое дерзновеніе? и когда же? когда всѣ съ часу на часъ ожидали паденія твердынь Царьграда и переселенія жителей его? Полно, онъ ли говорилъ это въ такое время? Не самъ ли Богъ устами его вѣщалъ: ручаюсь? Или, этотъ глаголъ былъ глаголъ вѣры его, той вѣры, которая можетъ переставлять горы? Да! Онъ вѣровалъ, что Богъ милуетъ кающихся и хранитъ праведныхъ, и потому ручался за спасеніе погибавшихъ согражданъ подъ условіемъ ихъ покаянія и праведности. Онъ вѣровалъ, что въ нихъ есть запасъ духовныхъ силъ, кои могутъ исправить ихъ, и потому предложилъ это условіе и ручательство, а когда они воспользовались этимъ запасомъ и исправились, тогда примолвилъ: «я вижу, что теперь вамъ легко дѣлать то, чего не дѣлали прежде.» Его вѣра видѣла несуществующее, какъ существующее, предощутила дѣйствіе оныхъ запасныхъ силъ во время общаго несчастія, примѣтила за грознымъ станомъ Россовъ появляющуюся милость Божію; и — присовѣтовала грѣшникамъ сбыточное дѣло: «*исправьте пути ваши и дѣла ваши*»: и вѣрно предсказала имъ, что *прекратитъ Господь зло, которое приговорилъ вамъ*. Фотій вѣровалъ, что молитва вѣры есть сила, и что ежели она можетъ спасти болящаго (Іаков. 5, 15),

---

1) Слѣпымъ серебромъ у насъ называются ходячіе деньги, на которыхъ едва видны слова и изображенія.

то можетъ спасти отъ бѣдъ и христіанскій городъ, какъ нѣкогда спасла Нисиву отъ огня Персовъ; вѣровалъ, что эта сила Богомъ дана душамъ, какъ особенный токъ, стремящійся въ лоно Божества и оттуда возвращающійся къ намъ съ притокомъ того могущества, которое творитъ чудеса, не нарушая основныхъ законовъ природы, зеленитъ деревянный жезлъ Аарона, придаетъ спасительную силу ризѣ Богоматери, родившей Одѣвающаго свѣтомъ, яко ризою; вѣровалъ такъ, и — молился пламенно, одинъ, и вмѣстѣ съ своими страдальцами, съ ними и вмѣстѣ со всѣми святыми и съ Богоматерью, молился въ храмѣ св. Софіи, на перекресткахъ города и на стѣнахъ его, молился въ виду непріятелей, нося на рукахъ своихъ оную ризу. А его и общая молитва вѣры, эта сила, усиленная содѣйствіемъ всемогущества Бога вездѣсущаго и внемлющаго мольбамъ душъ и духовъ, потрясла, не солнцы и звѣзды, и не основанія земли, а осадный валъ Россовъ, произвела въ нихъ внезапный страхъ, и обратила ихъ въ бѣгство, когда имъ, какъ посланнымъ бичамъ, уже нечего было бичевать, потому что всѣ грѣхи Византіи были изглажены покаяніемъ и благостію Бога. Такъ все это было. Велика была вѣра Фотія. Убѣдительно было слово ея: сильна была молитва ея. Дивенъ былъ Богъ въ немъ. Чту священную память его. Удивляюсь величію его въ тѣ страшные дни Константинополя, когда онъ, одинъ, смогъ спасти этотъ городъ своею проповѣдію, вѣрою и молитвою. Запечатлѣваю въ умѣ своемъ его пониманіе и объясненіе чуда отъ ризы Богоматери въ связи съ молитвою вѣры покаявшихся христіанъ. Онъ говорилъ, что какъ только дѣвственная риза эта обнесена была по стѣнѣ, и — варвары перестали осаждать городъ, и потомъ примолвилъ: «тогда Господь воззрѣлъ, не на грѣхи наши, а на покаяніе, и склонилъ слухъ свой къ мольбамъ устенъ нашихъ.» Слышишь это и понимаешь, что гдѣ христіанинъ вѣруетъ и молится, тамъ Богъ творитъ чудеса.

И такъ въ бесѣдахъ Фотія отразилась вся душа его, твердо вѣрующая въ Бога, правдивая, строгая къ себѣ и другимъ, и одаренная воображеніемъ роскошнымъ, вкусомъ изящнымъ, умомъ тонкимъ, отразилась съ богатствомъ познаній и съ пережитымъ бытомъ его. Особенныя свойства рѣчи этого витіи суть игривость отъ созвучія словъ, стремительность и великоразмѣрная картинность.

Достопамятны изреченія его: «Пророки — языки Бога: Иконы изобрѣла любовь къ Господу. Икона Матери Слова — радость очей и веселіе душъ: Храмъ святой Софіи — недреманное око вселенной: Праведный Судія (Богъ) не очень склоненъ прощать, когда надо осуждать: Нѣтъ недостатка въ наказаніяхъ соотвѣтствующихъ искуству грѣшить: Грѣхи — подтопка вѣчнаго огня: Не торгуй милосердіемъ.

Рукописныя бесѣды Фотія давно были извѣстны ученымъ мужамъ въ Европѣ. Въ 1670 году Газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, судившій нашего патріарха Никона, подарилъ

списокъ съ нихъ нѣкоему Николаю Гейнзію. Онѣ значились въ каталогѣ Мадридскаго книгохранилища, и у Фабриція въ его описаніи Греческихъ книгъ. Но никто не напечаталъ и не перевелъ ихъ всѣ сполна. Въ продолженіи цѣлой тысячи лѣтъ скрывались эти достославныя Творенія Фотія среди сокровищъ, завѣщанныхъ намъ мыслившимъ Востокомъ. Наконецъ четыре изъ нихъ у меня въ рукахъ! Дорожу и любуюсь ими, но не таю ихъ въ кельѣ своей, а передаю всѣмъ въ переводѣ.

Какъ же переведены онѣ? Поспѣшно, или обдуманно? дословно, или свободно, но точно? соотвѣтственно, или не соотвѣтственно свойствамъ рѣчи Фотія и тону ея?

Прежде нежели приступилъ я къ переводу сообщенныхъ бесѣдъ, онѣ прочитаны были мною нѣсколько разъ. Въ бытность свою въ Іерусалимѣ въ первой половинѣ 1860 года, я окончательно уяснилъ себѣ смыслъ ихъ и понялъ тонъ ихъ съ помощію одного ученаго Грека Г. К., который основательно знаетъ еллинскій языкъ, и даже говоритъ имъ, съ кѣмъ надобно. Послѣ этого уясненія начатъ былъ переводъ ихъ на Русскій языкъ. Онъ конченъ. Трудности этой умственной работы преодолѣны. Смыслъ Бесѣдъ великаго витіи переданъ точно и ясно. Его стремительныя рѣчи выражены мною кратко, а игра созвучныхъ словъ удержана и въ переводѣ, гдѣ только можно было сдѣлать это[1]). Даже звукоподражательность въ самомъ началѣ первой Бесѣды, гдѣ Фотій сравнилъ Россовъ съ громовою стрѣлою и съ молніею, выражена мною, только гораздо короче. У него шесть трескучихъ звуковъ кр. др. нр. тр. пр. стр. выражаютъ сшибку судебъ, подобную сшибкѣ эѳирныхъ пузырьковъ въ облакѣ, при которой они лопаютъ и производятъ громъ и молнію: а у меня трещатъ только два звука, крп. тр. Надлежало мнѣ выказать всѣ эти свойства рѣчи Фотія: иначе, я былъ бы не traduttore, a traditore, то есть, не переводчикъ, а перевозчикъ, одно марающій, другое ломающій, кое-чего не доставляющій, да и читатели мои не узнали бы, что Свѣтозарный говорилъ иногда стремительно, иногда увеселительно. Долгъ исправнаго переводчика заставилъ меня пріискать въ Русскомъ языкѣ и поговорки, соотвѣтственные поговоркамъ Грековъ. Греки баютъ: καιρὸς ὀξὺς: а мы говоримъ, *время не терпитъ*; они, χειρῶν ἄρχων ἀδίκων: а мы, — *нечистый на руку сановникъ;* они — χαλεπῶν ὄχλος ἐπὶ ξυροῦ βαίνει = бѣды ходятъ по лезвею, то есть такъ легки и быстры на ходу, что по лезвею ножей пройдутъ, и тебя нагонятъ: а мы баемъ: отъ бѣды никуда не укроешься: она вездѣ тебя найдетъ. Не возможно мнѣ было дословно передать иконописное выраженіе Фотія: «въ храмѣ св. Софіи изглажены были *таинства зрѣнія* = ὁράσεως μυστήρια.» Мы не говоримъ такъ, хотя и знаемъ, что иконы посредствомъ зрѣнія напоминаютъ намъ невидимые предметы и таинства Вѣры. Посему я принужденъ былъ сказать: «изглажены были священныя изображенія»[2]). По необходимости же, ради ясности перевода, расширено и истолковано мною сжатое и отвлеченное выраженіе Фотія въ описаніи иконы Софійской Богоматери: μηδ'

---

1) Всѣ созвучія напечатаны особеннымъ образомъ.

2) Напрасно же говорятъ и пишутъ, что въ св. Софіи уцѣлѣли образа времени царя Іустиніана I-го (6 вѣк.).

ἕτερον μέρος τῷ ἀτελεῖ ἐξυβρίζουσα. Я перевелъ эти слова такъ: «вполнѣ выражая не одну дѣвственность, но и материнство»: а Фотій сказалъ: — «не скрывая / не обижая ни той, ни другой стороны (т. е. ни дѣвственности, ни материнства). Не ясна такая рѣчь, да и не соотвѣтствуетъ величію описаннаго предмета, хотя въ подлинникѣ терпима. Вообще сказать: я перевелъ Бесѣды Фотія не дословно, какъ переведены на примѣръ наши церковныя книги, но передалъ буквальный смыслъ ихъ съ точностію, позволивъ себѣ только укладывать Русскія слова такъ, какъ требовала плавность нашей рѣчи, и кое-гдѣ укоротить длинные періоды Фотія. Что касается до разныхъ тоновъ рѣчи этого витіи; то они, смѣю сказать, не понижены и не повышены мною. Рѣзки, печальны, веселы, отрывисты они у него: таковы и у меня. Всѣ аккорды Фотія я изучалъ съ особеннымъ стараніемъ, дабы переводъ мой былъ полное эхо сердечнаго витійства его. Но за чѣмъ говорю все это я, когда вмѣсто меня громче говорятъ подлинникъ и переводъ на очной ставкѣ ихъ?

Многія части подлинныхъ Бесѣдъ Фотія и *всѣ* тѣ, въ которыхъ рѣчь идетъ о Россахъ, напечатаны мною для оправданія точности и вѣрности моего перевода, для ознакомленія знатоковъ Еллинскаго языка съ классическимъ слогомъ Фотія, и наипаче для того, чтобы они, прочитавъ подлинникъ, сами, вмѣстѣ со мною, или независимо́ отъ меня, внесли въ исторію тѣ важнѣйшія событія, кои разсказаны въ Бесѣдахъ, и внесли такъ, какъ разсказалъ ихъ Свѣтозарный. Ручаюсь за полное сходство напечатаннаго мною греческаго текста Бесѣды съ тѣми подлинниками ихъ, которые нашелъ я на Аѳонѣ. Но да будетъ извѣстно, что сообщенныя въ переводѣ Бесѣды раздѣлены на части, означенныя цифрами I. II. III. и пр., раздѣлены для ясности мною. Въ подлинникахъ нѣтъ такихъ раздѣленій. Тутъ все написано сплошь.

Трудъ мой конченъ.

Благодарю Бога, сподобившаго меня найти Бесѣды Фотія, и удѣлившаго мнѣ даръ понимать языкъ его.

Радуюсь тому, что эта книга, сего дня моя, завтра будетъ общая.

Иди книга въ міръ, и повѣдай ему великія дѣла Божіи, оповѣщенныя Свѣтозарнымъ Фотіемъ.

Ораніенбаумъ.
1864 года, 14 сентября.

Vade liber.

ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Читай:
Стран. 1	ἅυτη πληγὴ	ἅυτη καὶ βαρεῖα πληγὴ
» 3	ὡς πάλοι Ἰακὼβ	ὡς ὁ πάλαι Ἰακὼβ
» 4	ἅμασι	αἵμασι
» 7	μετὰ ψαλμωδοῦ	μετὰ τοῦ ψαλμωδοῦ
	ἡ θέα ἀκοὴν	ἡ θέα τὴν ἀκοὴν
» 19	ἐλεειντότερον	ἐλεεινότερον
» 27	еко	его
» 53	λινενήροις	λιμενήροις
» 58	полщица	полчища
» 59	дѣднымъ	бѣднымъ
» 79	так торое	такое событіе, которое